Цена отдельного номера 40.000 руб. в Москве, провинции и на ст. жел. дорог.

Российская Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (больш.).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. Прием по делам редакции: ежедневно, кроме праздничных дней, с 2—3 дня и с 6—7 веч. Телефоны: Телефонограммы 5-72-90. Секретаря редакции 4-01-92. Ночной редакции 4-58-54 и прямой провод верхнего коммутатора Кремля.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, 38. Условия подписки с 1-го мая. Подписная плата на май должна быть прислана до 28 апреля, полученная позже переносится на след. месяц. Цена номера в розничной продаже с 1 мая—40.000 р. Цена на 1 м-ц с дост. в Москве и пров. 800.000 р. Без доставки 700.000 р. Льготн. подписка только для рабоч. с дост. в Москве и пров. 700.000 р. Перемена адреса 50.000 руб. За границу на 1 месяц. Во Францию 10 фр., Данию, Швецию и Норвегию 6 крон, Америку 1 долл., Германию, Латвию, Эстонию, Польшу и др. стр. 2 р. зол. по курсу дня. Тел. к-ры: 3-41-37.

Подписка на „Правду" принимается во всех почтово-телеграфных учреждениях Р. С. Ф. С. Р.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

10-АЯ ГОДОВЩИНА «ПРАВДЫ» — «ДЕНЬ ПЕЧАТИ».
МЕМОРАНДУМ СОЮЗНИКОВ ПЕРЕДАН СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ. [illegible] ЦИЯ И БЕЛЬГИЯ НЕ ПОДПИСАЛИ МЕМОРАНДУМА.
ФИНАНСОВАЯ И ТРАНСПОРТНАЯ КОМИССИЯ ЗАКОНЧИЛИ [illegible]
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИРЛАНДИИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

В сегодняшнем номере 12 страниц при номере бесплатное иллюстрированное приложение: „Десять лет „Правды".

№ 98. Пятница 5 мая 1922 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 98.

22 апр. (5 мая) 1912 г.—5 мая 1922 года.

1912—1914 г.г.

1917 г.

К десятилетнему юбилею „Правды".

Десять лет исполнилось со времени основания легальной „Правды", легальной—по царским законам—большевистской ежедневной газеты. А перед этим десятилетием стоит еще, примерно, десятилетие: девять лет (1903—1912), считая со времени возникновения большевизма, а если считать со времени основания вполне „большевистской" по направлению старой „Искры" (1900), то тринадцать лет (1900—1912).

Десятилетний юбилей ежедневной, в России издаваемой большевистской газеты... Только десять лет прошло с тех пор! А прожито по содержанию борьбы и движения за это время—лет сто. Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямо-таки сверхъестественная, если мерить на старые мерки, на мерки европейских филистеров, в роде героев 2-го и $2^1/_2$-го интернационалов,—этих цивилизованных филистеров, которые привыкли считать „естественным", чтобы сотни миллионов людей (свыше миллиарда, если быть точным) в колониях, в полузависимых и совсем бедных странах соглашались терпеть обращение с ними, как с индусами или китайцами, терпеть неслыханную эксплоатацию, и прямой грабеж, и голод, и насилия, и издевательства, все ради того, чтобы „цивилизованные" люди могли „свободно", „демократично", „парламентски" решать вопрос, мирно ли поделить добычу или перебить десяток—другой миллионов для раздела империалистской добычи — вчера между Германией и Англией, завтра между Японией и Америкой (с тем или иным участием Франции и Англии).

Основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей. Старая буржуазная и империалистская Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистской бойне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться (или хоть бы заниматься) им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли.

Это большинство теперь проснулось и пришло в движение, которое не в силах остановить самые сильные и „могущественные" державы. Куда им! Теперешние „победители" в первой империалистской бойне не в силах победить даже маленькой, ничтожно-маленькой Ирландии, не в силах победить даже той путаницы, которая создалась между ними самими в финансовых и валютных вопросах. А Индия и Китай кипят. Это—свыше 700 миллионов человек. Это, с добавлением соседних и вполне подобных им азиатских стран, большая половина населения земли. Там надвигается неудержимо и все быстрее наступает их 1905 год, — с тем существенным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т.-е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая в Индии и в Китае революция уже сейчас втягиваются и втянулись в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию.

Десятилетний юбилей ежедневной легальной большевистской „Правды" показывает нам наглядно одну из вех великого ускорения величайшей мировой революции. В 1906—7 годах царизм разбил революцию, казалось бы, на-голову. Большевистская партия сумела через немного лет продвинуться—в другой форме, по иному,—в цитадель врага и ежедневно, „легально" начать работу взрыва проклятого царского и помещичьего самодержавия изнутри. Прошло еще немного лет, и организуемая большевизмом пролетарская революция победила.

Когда основывалась старая „Искра", в 1900 году, в этом участвовал какой-нибудь десяток революционеров. Когда возникал большевизм, в этом участвовало, на нелегальных с'ездах Брюсселя и Лондона в 1903 году, десятка четыре революционеров.

В 1912—13 годах, когда возникла легальная большевистская „Правда", за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, своими копеечными сборами победивших и гнет царизма, и конкуренцию мелкобуржуазных предателей социализма, меньшевиков.

В ноябре 1917 года на выборах в Учредилку голосовало за большевиков 9 миллионов из 36. А на деле, не в голосовании, а в борьбе, за большевиков было в конце октября и в ноябре 1917 года **большинство** пролетариата и сознательного крестьянства, в лице большинства делегатов 2-го всероссийского с'езда советов, в лице большинства самой активной и сознательной части трудящегося народа, именно тогдашней двенадцатимиллионной армии.

Такова маленькая цифирная картинка „ускорения" всемирного революционного движения за последнее двадцатилетие. Очень маленькая, очень неполная картинка, в которой очень грубо выражена история всего только 150-ти миллионного народа, тогда как за эти двадцать лет началась и выросла в непобедимую силу революция в странах с населением до одного миллиарда и свыше (вся Азия, да не забыть еще Южной Африки, которая недавно напомнила о своей претензии быть **людьми**, а не рабами, и напомнила не совсем „парламентски").

И если какие-нибудь, извините за выражение, „шпенглерята" умозаключат отсюда (всякой глупости надо ожидать от „вумных" вождей 2-го и $2^1/_2$-ного интернационалов), будто этим расчетом исключается из революционных сил пролетариат Европы и Америки, то мы ответим: упомянутые сейчас „вумные" вожди рассуждают постоянно так, будто из того обстоятельства, что через девять месяцев после зачатия следует ожидать рождения ребенка, вытекает возможность определить и час, и минуту родов, и положение ребенка при родах, и состояние роженицы во время родов, и точную степень болей и опасностей, которые предстоит претерпеть ребенку и роженице. „Вумные" люди! Они никак не могут догадаться, что с точки зрения развития международной революции переход от чартизма к лакействующим перед буржуазией Гендерсонам или от Варлена к Ренoделю или от Вильгельма Либкнехта и Бебеля к Зюдекуму, Шейдеману и Носке есть лишь нечто в роде „перехода" автомобиля от гладкого и ровного шоссе в сотни верст к грязной, вонючей лужице на том же шоссе, к лужице в несколько аршин.

Люди сами творят свою историю. Но чартисты, Варлены и Либкнехты творят ее своей головой и своим сердцем. А вожди второго и $2^1/_2$-ного интернационалов „творят" ее совсем другими частями тела: удобряют почву для новых чартистов, для новых Варленов, для новых Либкнехтов.

Самообман был бы величайшим вредом для революционеров в настоящий труднейший момент. Хотя большевизм стал международной силой, хотя во всех цивилизованных и передовых странах уже родились новые чартисты, новые Варлены, новые Либкнехты, растущие в виде легальных (как была легальна наша „Правда" при царизме десять лет тому назад) коммунистических партий, тем не менее международная буржуазия остается пока все еще несравненно более сильной, чем ее классовый противник, эта буржуазия, сделавшая все от нее зависящее, чтобы затруднить роды, чтобы удесятерить опасности и муки родов пролетарской власти в России, в состоянии еще осудить на муки и на смерть миллионы и десятки миллионов людей посредством белогвардейских и империалистских войн и т. д. Этого мы не должны забывать. С этой особенностью теперешнего положения вещей мы должны умело сообразовать свою тактику. Мучить, истязать, убивать буржуазия пока может свободно. Но остановить неминуемую и—с всемирно-исторической точки зрения—совсем недалекую полную победу революционного пролетариата она не может.

2/V 1922. **Н. ЛЕНИН.**

Газета „Правда" и заграничный большевистский центр.

Всероссийская конференция большевиков, которая состоялась в Праге в начале 1912 года, имела громадное значение для нашей партии. Ей бесспорно принадлежит одна из важнейших страниц в истории большевизма. После нескольких лет тягчайшей контр-революции на конференции в Праге большевизм впервые заново собрал свои силы во всероссийском масштабе, окончательно сжег за собой мосты, соединявшие его ранее с меньшевизмом, и заложил прочные основы большевистской тактики на весь предреволюционный период. Узы единства и полуединства, связывавшие нас с меньшевиками вплоть до самого 1912 года, сковывали развитие большевизма. Этот груз единства или полуединства с меньшевиками был гирями на ногах у нашей партии. Пражская конференция радикально покончила с этим положением. С этого момента перед каждым сознательным рабочим стоял окончательный факт: в России существуют две рабочие партии — революционная рабочая партия большевиков и «столыпинская» рабочая партия ликвидаторов.

На этой знаменательной конференции в Праге в числе других важнейших решений было принято решение приступить к изданию ежедневной газеты в Петрограде. В этом смысле Пражская конференция является восприемницей газеты «Правда». Пражская конференция, можно сказать, стояла у колыбели первой ежедневной рабочей газеты.

Ко времени Пражской конференции в Петрограде уже издавалась газета «Звезда»—орган, которому принадлежит почетнейшее место в истории рабочей печати. Без всякого преувеличения можно сказать, что «Звезда» сыграла в истории большевизма такую же славную роль, как в свое время «Искра» при создании партии. «Звезда» выходила сначала раз в неделю, а затем стала выходить два и даже три раза в неделю. Самое деятельное участие в ней принимал тогдашний заграничный большевистский центр, в который входили тов. Ленин, Надежда Константиновна Ульянова-Крупская, Л. Б. Каменев и пишущий эти строки. «Звезда» являлась вначале органом блока большевиков и меньшевиков-партийцев (плехановцев). Г. В. Плеханов в это время переживал некий ренессанс. Ренегатство меньшевиков-ликвидаторов оттолкнуло от них этого выдающегося человека, в котором проснулось—увы, не надолго!—чувство старого революционного бойца. Это был последний взмах крыльев старого орла. Через короткое время солнце окончательно закатилось для Г. В. Плеханова, и он оказался в последние годы своей жизни в рядах самых от'явленных социал-патриотов. Уже через несколько номеров «Звезды» гегемония в этой газете все больше стала склоняться на сторону большевиков. На стороне Плеханова в Петрограде было несколько интеллигентов-литераторов (Н. Иорданский и др.), на нашей стороне—рабочие организации. Наш перевес был несомненен. Через короткое время «Звезда» стала органом открыто большевистским.

На конференции в Праге впервые, как мы уже сказали, практически ставится вопрос об издании ежедневной рабочей газеты в Петрограде. Помню первые разговоры об этом в кругу наиболее влиятельных делегатов Пражской конференции с нами, членами тогдашнего заграничного большевистского центра. Из числа бывших делегатов Пражской конференции, ныне являющихся крупными партийными деятелями, назовем т.т. Орджоникидзе («Серого»), Серебрякова («Ерема»), П. Залуцкого, Дегадова, Воронского. Если не ошибаемся, на конференции присутствовали также Голощекин («Филипп») и ныне покойный Спандарьян («Сурен»). Особенно убежденным энтузиастом издания ежедневной газеты выступал тов. Воронский. Многие из нас к тому времени относились к возможности издания такой газеты довольно скептически. Не было ни средств, ни литературных сил в Петрограде, ни сколько-нибудь серьезной уверенности в том, что царское правительство потерпит существование такой газеты. Однако, с напряжением всех сил и при мобилизации всех наших финансовых рессурсов, мы наскребли сумму в несколько тысяч рублей и решили сделать опыт.

Нет никакого сомнения в том, что царское правительство превосходно было осведомлено о нашем решении приступить к изданию легальной ежедневной газеты. На конференцию в Праге удалось проникнуть целым трем провокаторам: Малиновскому, Романову (Москвич) и Шурканову (бывший член Государственной Думы; приехал, насколько помнится, уже по окончании конференции специально по вопросу об издании газеты). Если правительство допустило издание «Правды», то это не столько потому, что оно сознательно надеялось выиграть в своей двойной игре, но, думается, потому, что могучая волна рабочего движения, поднявшаяся особенно высоко после Ленских дней, вынуждала правительство на частичные уступки.

Как бы там ни было, а то, на что мы так мало надеялись в Праге, осуществилось через самое короткое время после Пражской конференции. В Праге же было решено, что заграничный большевистский центр переселится поближе к России. После же первых номеров «Правды» мы решили переехать из Франции в Краков (Галиция). Сначала туда переехали тов. Ленин, Надежда Константиновна и пишущий эти строки, затем на время из Парижа приехал туда же и т. Каменев, который вскоре уехал в Петроград, главным образом, для работы в «Правде». В Галиции наш большевистский центр пробыл до самого начала империалистской войны и принял самое деятельное участие в издании «Правды». Мы жили всего в нескольких верстах от тогдашней русской границы. Часто на велосипедах доезжали мы почти до самой пограничной полосы. Во всяком случае, в Галиции мы чувствовали себя несравненно ближе к России, чем это было, когда мы жили во Франции.

В это время в России начинается серьезнейшее оживление в революционном рабочем движении, усиливающееся, можно сказать, с каждым месяцем. Но чем больше растет влияние большевизма, тем яростнее репрессии со стороны царского правительства. Постоянное существование нелегального Центрального Комитета в России почти невозможно. В лучшем случае удается в Петрограде иметь бюро ЦК, состоящее из 2—3 человек. Фактически главной базой Центрального Комитета в это время был Краков. Нелегальные приезды в Краков были сравнительно легки. Целый ряд выдающихся деятелей нашей партии побывал в это время в Кракове: Сталин, Бухарин, Г. И. Петровский, Лашевич, Бадаев, Медведев, Киселев, Глебов-Авилов, Крыленко, покойная Арманд, Сафаров, Розмирович, Муранов, покойный Яковлев и многие, многие другие товарищи. В Галиции у нас произошли две всероссийских конференции, имевших очень большое значение для судеб нашей партии. Здесь вырабатывалась избирательная тактика большевиков при выборах в четвертую Государственную Думу. Здесь писались десятки речей для наших депутатов в Государственной Думе—рабочих-большевиков, которые в начале своей деятельности нуждались в такой помощи. Отсюда велась Надеждой Константиновной громадная организационная переписка, связывавшая заграничный большевистский центр с десятками самых выдающихся работников нашей партии в России.

И отсюда же большевистский центр фактически направлял газету «Правду». Сначала робко, а потом все более и более смело и открыто стали мы посылать десятки статей в нашу «Правду». Постепенно дело дошло до того, что каждый день из Кракова или Поронина (небольшая деревушка, где мы живали летом) отправлялось по шести, а то и по восьми статей, которые в общем доходили весьма аккуратно и иногда составляли добрую половину материала, заполнявшего «Правду». Работа эта была по истине увлекательна. Мы положительно жили «Правдой». С громадным нетерпением ожидали в Кракове каждого номера «Правды». Все прочитывалось нами взасос до последней заметки. С величайшей тщательностью Владимир Ильич изучал, например, список денежных сборов, отчеты которых помещались в «Правде». На основании этих отчетов подсчитывалось число рабочих групп в Петрограде и по всей России, поддерживавших большевиков. Работой в «Правде» тов. Ленин сильнейшим образом увлекся и ушел в нее с головой. Старались не отставать и другие работники тогдашнего заграничного большевистского центра. Связь с Петроградом окрепла. Порой нам казалось, что мы принимаем почти что непосредственное участие в петроградской работе, по крайней мере, столь же близкое, как в те времена (конец 1906 и начало 1907 года), когда большевистский центр пребывал в Терийоках, в 30 верстах от Петрограда. Когда начались первые большие легальные собрания в Петрограде, мы, члены загр. большевистского центра следили за собраниями с захватывающим вниманием. Помню первый крупный бой большевиков с меньшевиками при выборах правления союза металлистов в Петрограде. Из Поронина членами большевистского центра был написан ряд предвыборных статей. Из Галиции следили мы за перипетиями всей избирательной борьбы. Вечером произошли выборы, а под утро на следующий день тов. Ленин уже имел из редакции «Правды» телеграмму, радостно извещавшую нас об одержанной победе.

Газета «Правда», с первых же дней ее существования, как известно, писалась, по крайней мере, наполовину, петроградскими рабочими. В этом отношении крайне интересно сравнить «Правду» с большевистскими газетами в период 1905 года. Взгляните, в самом деле, на «Новую Жизнь», выходившую в Петрограде в 1905 году, и сравните ее с «Правдой» 1912 или, тем более, 1917 годов. В «Новой Жизни» (1905 год) мы видим рядом с большевистскими писателями таких литераторов, как Минский, Тэффи и т. п. Рядом со статьями лидеров большевиков—большие статьи и литературные фельетоны таких столпов нынешней буржуазно-«демократической» реакции, как названные выше литераторы. Не то «Правда». Здесь мы сразу имеем классический тип чисто пролетарской газеты. От буржуазно-демократической к социалистической революции—вот путь, пройденный Россией с 1905 по 1917 г. «Новая Жизнь» 1905 года и «Правда» 1912—17 г.г. ярко отразили эту эволюцию. Две вехи!

Без всякого преувеличения: «Звезда» и «Правда» подняли целый новый пласт рабочих и воспитали целое поколение передовых пролетариев, которые составляют и сейчас основу нашей партии и нашей государственной власти.

Громадная масса лучших петроградских рабочих, воспитанных «Звездой» и «Правдой», рассеяна сейчас по всей России на разнообразнейших руководящих партийных, советских, профессиональных и хозяйственных постах. Тысячи и десятки тысяч этих питомцев «Звезды» и «Правды», начиная с 1917 года, [illegible] в «бродячую» Советскую Русь, стали главными работниками Красной армии, строителями Советской власти в деревне, уездах и т. д. Но все же не одна тысяча таких передовиков, воспитанных «Звездой» и «Правдой», осталась и поныне в Петрограде. И сейчас крайне интересно отметить следующее. Когда в связи с недавней партийной чисткой петроградская организация особенно тщательно изучала свой личный состав и анализировала чуть ли не каждого более старого члена нынешней петроградской организации, все товарищи единодушно отмечали тот факт, что главными работниками нынешнего Красного Петрограда является именно поколение рабочих, вошедших в партию в 1911, 1912 и 1913 годах—в годы, когда главным нашим штабом была «Правда». И все товарищи без исключения отмечали тот факт, что среди этого поколения рабочих, воспитанных «Правдой», много гораздо более квалифицированных и подготовленных партийных и советских деятелей пролетариев, чем даже из среды рабочих, которые участвовали в партии в 1905 году. Поколение, воспитанное «Правдой», как-то жизненнее, как-то ближе к действительности, чем даже иные из самых передовых рабочих, участвовавших в партии в 1905 году.

В 1912—1914 г.г. «Правда» была по истине главным штабом русского рабочего движения и главной лабораторией партийной мысли. Рамки цензуры сначала раздвигались слабо, а затем мы научились их обходить. Каких только вопросов не поднимала тогдашняя «Правда»! В конце концов, дело дошло до того, что почти все наши самые боевые политические кампании тогдашний заграничный большевистский центр, который фактически был тогда Центральным Комитетом партии, чуть ли не целиком проводил через легальную «Правду». Рабочие научились схватывать на лету каждое слово, каждый намек, каждый лозунг, выраженный самым «езоповским» языком. Какое счастье работать в такой газете и чувствовать *такую* связь с читателем-пролетарием, какую имели тогдашние писатели «Правды»! Без дальних слов, без длинных разглагольствований писатель и читатель-рабочий понимали друг друга в миг. Как земля, истрескавшаяся после долгого летнего зноя, впитывает благодатный дождик, так проснувшаяся к новой жизни рабочая масса проглатывала «Правду». Вспоминается первый «день печати», если не ошибаемся, в первую годовщину издания «Правды». Какой это был праздник для всех работников «Правды» и, в частности, для тогдашних заграничных сотрудников ее, проживавших в Галиции и деливших с «Правдой» все ее горести и радости! 10 лет прошло с тех пор. За это время пережито не мало великого, но впечатления тогдашних дней все еще так свежи, непосредственны и милы...

Кроме товарищей, непосредственно руководивших делом в Петрограде, как т.т. М. С. Ольминский, покойная К. Н. Самойлова, Еремеев, Молотов-Скрябин, Данилов (Степан Степанович), Данский, Гладнев, Сосновский, Батурин, Васильевский, Раскольников и многие другие, «Правде» крайне много помогли наши депутаты: Г. И. Петровский, Бадаев, Самойлов, в первое время особенно Н. Г. Полетаев. На газету сыпались штрафы за штрафами и репрессии за репрессиями, но от этого газета только становилась более популярной среди рабочих. Нас, грешные, члены тогдашнего заграничного большевистского центра, также были не мало повинны в этих штрафах. Изредка [illegible] мы, [illegible] сать по форме, как [illegible] не, «цензурно», но это [illegible] нее. Нам каждый раз казалось, [illegible] обошли все рифы и [illegible] усыпили бдительность цензора, но [illegible] мы ошибались в этом отношении [illegible] ком часто. Больше всех [illegible] проявлял тов. Ленин, но и за его [illegible] частенько приходилось [illegible] «Правде» не дешево. Шутя, мы упрекали друг друга, чья статья обошлась [illegible] роже, давали зарок впредь [illegible] сать так неосторожно, а [illegible] история повторялась.

Перед самым началом [illegible] ской войны, летом 1914 года в [illegible] не было решено предпринять [illegible] работу: разбить по категориям все рабочие корреспонденции, напечатанные в «Правде», изучить по материалам «Правды» все проведенные кампании: за 8-часовой рабочий день, сборы на рабочую печать, стачки и демонстрации и т. д. С этой целью большевистская думская «шестерка» пригласила в Поронин [illegible] хонирного («Виктор»), [illegible] но скончавшегося, [illegible] надежды товарища, который [illegible] время не мало поработал в «Правде». Вся черновая работа была уже проделана. Но к этому времени грянула война, которая оборвала жизнь «Правды» и перебросила заграничный большевистский центр из Галиции в Швейцарию...

В 1912—1914 г.г. «Правда» играла роль главного партийного центра; вокруг нее группировались все силы, она была осью всей партийной деятельности. Такую же роль «Правда» сыграла в 1917 году, в особенности с апреля по июль, когда четыре страницы маленького формата «Правды» как бы были насыщены электричеством, и когда каждый номер нашей тогдашней маленькой газеты был большим политическим событием. Ныне исполняется десять лет со времени выхода первого номера «Правды» в Петрограде. За последние годы, когда партия взяла всю власть в стране в свои руки, роль партийной печати уже не является столь всеоб'емлющей, как это было в прежние годы. К десятой годовщине «Правды» пожелаем нашей печати одного: чтобы неустанной работой она отвоевала для себя такую же прочную, тесную, неразрывную, интимную связь с самыми широкими рабочими массами, какую имела «Правда» в 1912—1914 и в 1917 годах.

Еще и еще раз отдадим [illegible] то, чтобы привлечь к [illegible] работе в нашей партийной печати [illegible] рабочих. Добьемся того, чтобы [illegible] зета, не мудрствуя лукаво и не [illegible] за образцами органов [illegible] ской политики, сумела стать [illegible] безхитростным отображением [illegible] тельной жизни трудящихся масс и [illegible] нии товарищем, руководителем [illegible] масс в их тяжелой борьбе. В [illegible] переходное время, в эпоху [illegible] известной степени [illegible] путья, наша партийная печать, [illegible] поставленная и тесно связанная с [illegible] сами, могла бы и должна была бы [illegible] особо выдающееся место в [illegible] чих. В десятую годовщину [illegible] ти [illegible] славные традиции [illegible] «Правды», сумеем [illegible] кую же широкую дорогу в [illegible] пролетарских масс, как [illegible] время сделала старая «Правда».

Пусть [illegible] чаю упорной работы [illegible] же почетное место, [illegible] как «Правда» в [illegible] это [illegible] рой «Правды» [illegible]

[illegible]

К десятилетию „Правды“.

(Воспоминания).

1. ЛЕНСКИЕ ДНИ.

Ленские дни явились результатом столыпинского режима «успокоения». Молодые члены партии, конечно, не помнят и не помнят прелестей этого режима. Что касается стариков, то им, должно быть, памятны проклятой памяти карательные экспедиции, разбойничьи набеги на рабочие организации, массовая порка крестьян и, как прикрытие всего этого,—черносотенно-кадетская дума. Скованность общественной жизни, общая усталость и апатия, нужда и отчаяние среди рабочих, забитость и запуганность крестьян при общем разгуле полицейско-помещичье-капиталистической своры—таковы характерные черты Столыпинского «успокоения». Поверхностному наблюдателю могло показаться, что эпоха революций миновала навсегда, что наступил период «конституционного» развития» России на манер Пруссии. Ликвидаторы кричали об этом открыто, проповедуя необходимость организации Столыпинской легальной рабочей партии. А некоторые старые «большевики», сочувствуя в душе такой проповеди, забилаговременно покидали ряды нашей партии. Торжество мрака и темноты было полное. «Мерзость запустения»—так характеризовалась тогда политическая жизнь России. Ленские дни ворвались в эту мерзость запустения ураганом и открыли для всех новую картину. Оказалось, что Столыпинский режим не так уж прочен. Дума вызывает в массах презрение, а рабочий класс накопил в себе достаточно энергии для того, чтобы ринуться в бой за новую революцию. Достаточно было расстрела рабочих в далекой сибирской глуши (Бодайбо), чтобы Россия покрылась забастовками, а питерский пролетариат вышел на улицу, одним взмахом смел с дороги хвастливого министра Макарова с его наглым лозунгом «так было, так будет». Это были первые ласточки начинающегося мощного движения. «Звезда» была тогда права, восклицая: «мы живем... живет наша алая кровь огнем несокрушенных сил»... Под'ем нового революционного движения был налицо.

В волнах этого движения и родилась массовая рабочая газета «Правда».

2. ОСНОВАНИЕ «ПРАВДЫ».

Это было в середине апреля 1912 г., вечером, на квартире у тов. Полетаева, где два депутата Думы (Покровский и Полетаев), два литератора (Ольминский и Батурин) и я, член ЦК (я, как нелегальный, сидел в «бесте» у «неприкосновенного» Полетаева), договорились о платформе «Правды» и составили первый номер газеты. Не помню, присутствовали ли на этом совещании ближайшие сотрудники «Правды»—Демьян Бедный и Данилов?

Техническая и материальная предпосылки газеты были уже даны благодаря агитации «Звезды», сочувствию широких масс рабочих и массовым добровольным сборам денег для «Правды» на заводах и фабриках. «Правда» была [illegible]

[illegible]

широкие слои русского рабочего класса. Именно поэтому ставила тогда «Правда» одной из своих задач выработку литераторов из среды самих рабочих и вовлечение их в дело руководства газетой. «Мы бы желали,—писала «Правда» в первом же номере,—чтобы рабочие не ограничивались одним сочувствием, а принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них «непривычная» работа: рабочие литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее взяться за дело: раз—два споткнешься, а там и научишься писать»...

3. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ «ПРАВДЫ».

«Правда» появилась на свет в такой период развития нашей партии, когда подполье находилось целиком в руках большевиков (меньшевики бежали оттуда), а легальные формы организации—думская фракция, печать, больничные кассы, кассы страхования, профессиональные об'единения—не были еще вполне отвоеваны у меньшевиков. Это был период решительной борьбы большевиков за изгнание ликвидаторов (меньшевиков) из легальных форм организаций рабочего класса. Лозунг «снятия с постов» меньшевиков был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения. Страницы «Правды» пестрели сообщениями об изгнании из страховых организаций, больничных касс и профессиональных об'единений засевших было там одно время ликвидаторов. Все шесть депутатских мест рабочей курии были отвоеваны у меньшевиков. В таком же или почти в таком же безнадежном состоянии находилась меньшевистская пресса. Это была поистине героическая борьба большевистски настроенных рабочих за партию, ибо агенты царизма не дремали, преследуя и истребляя большевиков, а без легальных прикрытий партия, загнанная в подполье, не была в состоянии развиваться дальше. Более того,—без завоевания легальных организаций партия не смогла бы при тогдашних практических условиях протянуть щупальцы в широкие массы и сплотить последние вокруг своего знамени, она оторвалась бы от масс и превратилась бы в замкнутую, [illegible] в своем собственном соку, кружок.

В центре этой борьбы за партию, за создание массовой рабочей партии стояла «Правда». Она была не просто газетой, [illegible] успехам большевиков в деле завоевания легальных рабочих организаций,—она была вместе с тем организационным центром, об'единявшим эти организации вокруг подпольных очагов партии и направлявшим рабочее движение к одной, определенной цели. Тов. Ленин еще в книге «Что делать» (1902 г.) писал, что хорошо поставленная общерусская боевая газета должна быть не только коллективным агитатором, но и коллективным организатором. Именно в такую газету превратилась «Правда» в период борьбы с ликвидаторами за сохранение подпольной партии и за завоевание легальных рабочих организаций. Если верно то положение, что без победы над меньшевизмом не было бы у нас той партии, сильной своей сплоченностью и непобедимой своей преданностью пролетариату, которая организовала октябрь 1917 г., то столь же верно и то, что упорная и самоотверженная работа старой «Правды» в значительной мере подготовила и ускорила эту победу над меньшевизмом. «Правда» была в этом смысле [illegible] вестником грядущих [illegible] побед русского пролетариата.

И. СТАЛИН.

Привет!
Демьян Бедный

[illegible]
21/IV 22

„Правда“ перед октябрем.

Политическая кампания, которую большевики провели с марта по октябрь 1917 г., является замечательнейшим образцом революционной наступательной тактики. В восемь месяцев партия пролетариата, представлявшая в дни марта незначительное меньшинство в советах, завоевала безраздельно рабочие, крестьянские и солдатские советы. В восемь месяцев она сорганизовала массы для штурма и подготовила их к захвату власти.

В этой политической кампании значительнейшая роль лежала на центральном органе партии—«Правде». «Правда» была одновременно и органом центрального политического руководства, и массовой рабочей газетой. Организации партии строили свою политику по статьям «Правды». Но ее значение выходило далеко за пределы значения официального партийного органа. «Правда» владела умом, сердцем и волей петроградского пролетариата, а за петроградскими рабочими шли рабочие других городов. Так «Правда» играла роль гигантского мощного рычага, приводившего в движение миллионы трудящихся, политическую программу которых отражали ее статьи, пламенные, беспощадные в критике классовых врагов, ясные в формулировке очередных лозунгов.

«Правда» шла в бой против правительства Керенского, окруженная густыми колоннами рабочих и солдат. Поэтому руки князя Львова, Керенского и Церетели неизменно оказывались слишком короткими, когда они пробовали добраться до «Правды». «Правда» переходила из одной типографии в другую (после июльского разгрома), редакция ее вела полулегальное существование, кочуя по разнообразным квартирам и скрывая свой подлинный адрес; заголовки, под которыми она выходила, менялись каждый раз, когда Керенскому угодно было попробовать прихлопнуть ненавистную революционную пролетарскую газету, но она спокойно продолжала изо-дня в день свою работу разоблачения правительства, кадетов и соглашателей, собирания масс под знамена большевистской партии.

Чем ближе были решающие дни октября, тем более решительным становился голос «Правды». Он приводил прессу меньшевиков и эсеров во все большее и большее неистовство, которое, естественно, выгодно оплачивалось банковскими и союзническими субсидиями («День», «Общее Дело» и т. п.). Для буржуазии в России и за границей не было имени более ненавистного, чем имя «Правды». Если перед октябрем «Правде» приходилось скрываться под различными названиями («Рабочий», «Рабочий и Солдат», «Рабочий Путь»), то после первых выстрелов по Зимнему дворцу она отбросила псевдонимы, которые Керенский заставлял ее носить, подобно восточному покрывалу, и вышла с открытым лицом на улицу в гущу революционной борьбы.

Будучи, в первую очередь, рабочей газетой, «Правда» приобрела громадную популярность и в солдатской, и крестьянской массе. Борьба за «землю и мир» была одним из центральных моментов ее агитационной работы. Протест солдатских масс против нелепой, ненужной и ужасной империалистской бойни неустанно звучал в каждом номере газеты; только она и прочая большевистская печать против стоголосого хора всей буржуазной и соглашательской прессы присоединились к стону, который шел из окопов, из грудей сотен тысяч людей, обреченных на бессмысленное страдание и гибель. За этот «пацифизм» проклинали и поносили большевистскую газету холопы капитала, и именно этот пацифизм уже теперь бесспорно для всех стал неувядаемой исторической заслугой нашей партии и «Правды» перед трудящимися. В дни, когда «Европа» рукоплещет пацифистским речам большевистских делегатов в Генуе, особенно своевременно припомнить трудную «героическую» полосу борьбы за мир, которую вынесла на своих плечах «Правда».

Призывы пролетарской газеты доходили и в деревню: все партии брали помещика под защиту, только «Правда» выступала против помещиков, будя крестьян на борьбу, отравляя спокойствие «сиятельных» зубров.

Приходилось ли «Правде» трудно в этой борьбе? Нет, враги—и это самое замечательное—ничего не сумели ей противопоставить. Разве только грязную басню о подкупе большевиков немцами. Кроме этой клеветы они не нашли ни одного убедительного аргумента, ни одного веского для сознания масс довода.

«Правда» вышла победительницей из борьбы именно потому, что она явилась революционной носительницей исторической правды.

Г. СОКОЛЬНИКОВ.

«Правде»: [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
М. Фрунзе [illegible]

Как учила, об'единяла и организовывала „Правда“.

Трудно писать сжатые воспоминания о старой петербургской «Правде» и ее предшественнице «Звезде», [illegible] Прошло ведь уже 10 лет. За эти годы слишком много пережито. Период 1912—1914 г.г. в значительной мере изгладился из памяти. Попытаюсь, однако, поделиться своими [illegible] воспоминаниями с читателями теперешней «Правды».

Эти воспоминания будут носить в значительной мере личный характер. Я не буду писать об организующем и просвещающем влиянии «Правды» на широкие круги рабочих. Я сообщу лишь о том, как вокруг «Правды» об'единялись, учились и работали молодые, начинающие партийные журналисты, к числу которых в то время принадлежал также и я.

* * *

Коренной петербуржец, я годы первой российской революции (1904—1906) провел в Польше. После ликвидации моих дел с царской юстицией в Варшаве, я вернулся в Петербург и начал работать по статистике. Тяжелый период реакции после 1905 года делал жизнь серой и будничной. Будучи в то время членом левицы П. П. С., недавно вернувшись из Польши, никаких связей с Петербургским рабочим движением я не имел.

Проходя однажды мимо газетчика на окраине города, вижу у него новую газету с неизвестным мне названием «Звезда». Начинаю читать и нахожу целое откровение. Вскоре осваиваюсь с подзаголовкой, своеобразной терминологией в роде «последовательных марксистов» (большевики), «трех лагерей» (рабочий класс, мелкая буржуазия и капиталисты) и т. д. По существу содержания газеты вижу, что оно ничем не отличается от большевистских легальных газет 1905 года и всех нелегальных изданий. Выгодно отличается от них своим массовым рабочим характером, освещением рабочей жизни на отдельных заводах, корреспонденциями, писанными самими рабочими.

С этого дня я становлюсь постоянным читателем „Звезды“. После долгих поисков нахожу нескольких газетчиков в центре города, которые с опаской, но все же продают „Звезду“ своим постоянным покупателям, вытаскивая ее каждый раз откуда-то из-под полы, из соседнего под'езда и тому подобных „сокровенных“ мест. Каждый номер прочитываю от строчки до строчки, некоторые статьи по нескольку раз.

Занимаясь статистикой российской промышленности, имею под рукой и в голове много данных, характеризующих состояние промышленности, стачечное движение, хозяйские организации и т. д. Начинающий тогда публицист, с трепетом и увлечением пишу первую статью и заношу лично в редакцию „Звезды“.

Помещалась она тогда, кажется, где-то на Ивановской улице, в темном полуподвальном помещении. Никого из редакции не застаю, оставляю свою статью и—о восторг!—в ближайшем номере „Звезды“ вижу ее напечатанной. Продолжаю писать на те же темы и вместе с тем учусь писать на блестящих образцах статей „Звезды“, принадлежавших, как потом узнал, перу т.т. Ленина, Каменева, Зиновьева, Бухарина.

Впоследствии, с выходом сменившей „Звезду“ „Правды“, продолжаю писать с прежним увлечением, нередко по две статьи в день. Никогда более продуктивно, никогда с такой легкостью не писалось, как в описываемый, далекий уже теперь, период „Звезды“ и „Правды“.

* * *

„Правда“ была тем центром, вокруг которого развивались, об'единялись и организовывались все формы рабочего движения. „Правда“ была забастовочным центром, и центром культурного и клубного движения, и движения женщин-работниц, и движения приказчиков и т. д. Каждая из отраслей рабочего движения находила место на страницах „Правды“, часто в виде отдельных страниц и листков. Вокруг такой страницы организовалась группа товарищей, работников данной отрасли, и постепенно из специальных страниц и листков „Правды“ вырастали отдельные органы—журналы, как, напрям., „Работница“, „Вестник Приказчика“ и др.

В качестве одной из таких отдельных отраслей рабочего движения выдвинулась вскоре так называемая „страховая кампания“. Это было движение, выросшее на почве изданных государственной думой законов о страховании рабочих на случай болезни и от несчастных случаев. Законы были достаточно уродливым и жалким отражением германских страховых законов. Но закон о больничных кассах давал фабрично-заводским рабочим возможность организовать легальные рабочие ячейки, давал возможность созывать собрания для выбора уполномоченных общих собраний больничных касс и т. д. Естественно поэтому, что на почве страховых законов можно было развернуть широкое легальное рабочее движение, можно было развернуть широкую и энергичную „страховую кампанию“.

„Правда“ сыграла весьма крупную роль в постановке этого движения, в выработке и популяризации его лозунгов, в консультации членов правлений больничных касс по вопросам, связанным с их организацией...

Чрезвычайно характерны были лозунги „страховой кампании“. Была выдвинута страховая программа-максимум, согласно которой страховому обеспечению подлежали все лица, живущие наемным трудом, и во всех случаях потери трудоспособности с возмещением полного заработка трудящегося и передачей управления всем делом страхования в руки рабочих. В отношении действующих законов выдвинуты были требования, которые в наибольшей степени приближали эти законы к страховой программе-максимум. В этих требованиях предусматривался, между прочим, добровольный отказ хозяев от участия в управлении делами страхования и „добровольная“ уплата взносов, причитавшихся со стороны рабочих.

Характерна также позиция меньшевиков в „страховой кампании“, которые уже тогда высказывались против изгнания хозяев из страховых органов, защищали „коалицию“ с буржуазией и протестовали против возложения слишком больших материальных тягот на промышленников.

Страховая кампания развернулась весьма широко, меньшевики были разбиты в ней на-голову. На всех крупных заводах были созданы легальные рабочие организации, которые, конечно, занимались не только одними страховыми делами. Кроме того, в практической работе по организации библиотечных касс воспитывались крупные кадры будущих работников других отраслей рабочего движения, а также и будущих государственных работников пролетарской республики. Я лично, как публицист по практической экономике, принял деятельное участие в обслуживании страховой кампании на страницах „Правды“. Образовалась довольно крупная группа публицистов-страховиков, в которую вошли Эльцинг, Федорович, впоследствии предательски убитый поляками на русско-польской границе, С. С. Данилов, И. И. Гладнев-Закс, А. Н. Винокуров и многие другие из числа секретарей и членов правлений больничных касс.

Страховая кампания заняла такое видное место в рабочем движении, что даже такие исключительно „политические“ публицисты, как, напр., тов. Каменев, отдали дань „страховым“ увлечениям. От него из Кракова мы получили как-то обстоятельную статью, насколько мне помнится, на тему о страховании от несчастных случаев.

Из еженедельного страхового отдела „Правды“ образовался еженедельный журнал „Вопросы Страхования“, который стал полностью обслуживать страховое движение и переняв свою роль [illegible] „Правду“, являлся некоторое время единственным легальным большевистским органом после разгрома петроградской „Правды“.

* * *

В отношении организующей роли „Правды“, мне хотелось бы вспомнить еще одно довольно крупное практическое дело, в котором я также принимал непосредственное участие. Я говорю об издательстве „Прибой“.

В связи со страховой кампанией, чувствовалась [illegible] необходимость в популярных брошюрах по вопросам страхования. Первой такой брошюрой была „Страхование рабочих“, составленная из переработанных моих статей в „Правде“ с изложением текста страховых законов. Брошюра была издана „Правдой“ и очень скоро была распродана.

„Коммерческий“ успех этого издания послужил толчком к организации издательского „дела“. Той же группой страховиков, упомянутой выше, было организовано „паевое товарищество“ из 10—12 человек. В это товарищество вошли также М. С. Ольминский, Н. Н. Крестинский, К. И. Огучка, П. Н. Мостовенко, М. А. Савельев-Ветров, А. И. Ульянова и некоторые другие товарищи. Паевой взнос был установлен в 50 рублей.

С таким „крупным“ капиталом мы начали наше издательское дело. Вначале мы издавали, главным образом, страховые брошюры, а затем и другие брошюры и книги. Дело сразу было поставлено на прочную коммерческую ногу. Нередко мы расплачивались с типографиями [illegible]. Несмотря на частые конфискации брошюр и книг, наши издания распространялись весьма успешно.

ДАНСКИЙ.

День рабочей печати.

В 1914 году день печати был почти исключительно праздником «Правды». Рабочая провинция не имела своей печати,—лишь в Самаре выходила в течение нескольких месяцев еженедельная «Заря Поволжья».

Сегодня день рабочей печати уже не является только лишь праздником «Правды». Она, естественно, занимает центральное место на этом своеобразном празднике, но ее окружают сотни рабочих коммунистических изданий.

«Правда» подводит сегодня итоги своим величайшим заслугам перед рабочим классом. Она имеет великое прошедшее, и, можно смело надеяться, великое будущее. Положение нашей провинциальной печати в этом отношении резко отличается от положения «Правды». В период предоктябрьского штурма наша провинциальная партийная печать была яркой и сильной. После октября было уже не то. Огромное большинство наших провинциальных изданий захирело и превратилось в скучные листки. Основная причина этого явления, разумеется, заключается в том, что лучшие силы партии поглощены работой по управлению, по борьбе, по хозяйственному строительству.

Но факт оставался фактом. За время после октября ряд партийных с'ездов, конференций, совещаний констатировали безотрадное положение печати, намечали необходимые для улучшения ее положения меры. Но до последнего времени, по целому ряду причин, все почти оставалось попрежнему.

Закрывшийся недавно 11-й с'езд РКП, уделивший серьезное внимание вопросу о печати, должен был подчеркнуть, что «партийно-советская печать находится в состоянии тягчайшего кризиса», что «партийные комитеты, на которых лежит главная ответственность за состояние печати, в своем подавляющем большинстве проявляют невнимательное и небрежное отношение к запросам и нуждам печати». С'езд обязал центральный и местные комитеты партии «вопросу о печати уделять впредь неизмеримо больше внимания, чем это было до сих пор».

По мнению с'езда, день печати должен послужить днем решительного перелома в положении и судьбах нашей периодической печати. Партийные комитеты на дело печатной пропаганды и агитации должны смотреть как на дело исключительной важности. Они должны ввести газету в систему партийного механизма, быть внимательными и заботливыми в отношении печати. Они должны выяснять широчайшим массам все великое значение революционной печати в деле освобождения трудящихся..

Сегодня «Правда» с гордостью может оглянуться на свое славное прошлое. Но наша провинциальная печать в отношении оценки своей прошлой деятельности должна проявить скромность, и еще раз скромность. В провинции по пальцам можно перечесть те партийные комитеты, которые могли бы похвастать своими печатными органами.

В этом смысле наша провинциальная печать—вся в будущем. Она только еще должна начать становиться на ноги, расти, расширяться, укрепляться. День печати должен стать днем начала серьезного поступательного движения вперед. *За днем печати должны последовать дни беспрерывных забот о печати.*

Мы создали невиданную в мире рабочую партию и рабочую власть. Мы должны создать невиданную в мире могучую рабоче-крестьянскую печать.

ЖУРНАЛИСТ.

Ко всем рабочим, работницам и красноармейцам Москвы.

Товарищи!

5-го мая наша пролетарская печать справляет свои революционные именины. Ровно десять лет назад вышел первый номер рабочей газеты «Правда»—и в этот день было положено начало легальной (открыто, а не подпольно издающейся) и широко распространяемой в массах пролетарской печати в России.

Этот день мы, прежде всего, посвящаем памяти нашей старой «Правды». «Правда» не была созданием одной какой-нибудь горсточки писателей. Нет. «Правду» создавали бесчисленные рабочие-корреспонденты с фабрик и заводов, из мастерских, бичевавшие в ней произвол и насилие капиталистов и их прислужников, призывавшие товарищей к организации и борьбе. [illegible]

[illegible]

К соглашению с нами. Но часть империалистских хищников не забросила воинственных замыслов. Другие под видом торгового соглашения хотят ввергнуть нас в хозяйственную кабалу. Разоблачать заговоры капиталистов, об'единять трудящихся вокруг Советской власти, защищающей интересы трудовой страны,—вот дело нашей печати.

[illegible]

Пусть рабочие шире подписываются на свои газеты. Пусть каждый труженик почувствует себя не только читателем, но и сотрудником пролетарской печати.

Пролетарская печать—наше знамя и наше оружие. Трудящиеся! Сплачивайтесь вокруг пролетарской печати!

[illegible]

Чем была „Правда“ 1912—1914 г.г.

1. «СВОИ ГАЗЕТЫ».

[illegible]

статьи сильный интеллигентский оттенок. Да и существовали все эти газеты с большими перерывами, и в целом всего 4 или 5 месяцев. Масса не успела сжиться с ними, и редакции не стали близко к массе. Все же (не говоря о громадной роли этих газет для данного момента) период 1905—1906 годов сильно расширил круг читателей партийной газеты и как бы развил потребность в ней.

Как известно, революция 1905 года была скоро задушена. Реакционные настроения захватили и бывшую партийную среду. Они выразились здесь частью в простом, молчаливом отходе от политики, частью в подделке честных политических устремлений предательскими, вредоносными интересом к эстетике и к вопросу об отношениях между мужчиной и женщиной; частью же, наконец,—в стремлении уничтожить, «ликвидировать» партию, отказаться от мысли о нелегальной работе, а следовательно,—и от революции.

Все это ренегатство интеллигенции имело подкладкой то, что она сама не страдала от эксплоатации рабочих, а шла в рабочую партию, чтобы руками рабочих завоевать для себя буржуазную «политическую свободу». Людей, сливших бесповоротно свою жизнь с борьбой пролетариата, было сравнительно немного. [illegible] пролетариат привык ходить на помочах у интеллигенции и отчасти поддался ее предательским настроениям.

Но... сознание определяется бытием. [illegible] интеллигенции стало сводиться к быстрой карьере на службе капиталу,— и она [illegible] буржуазными [illegible]. А [illegible] рабочих толкало [illegible] к [illegible] борьбе. [illegible]

[illegible] ции в октябрьской революции 1917 г. А раньше, после 1905 года, разрыв выразился в том, что для участия в пролетарско-революционном деле находились очень немногие интеллигенты.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ПРАВДЫ».

В декабре 1910 г. партийным верхам удалось создать еженедельную легальную газету «Звезда». На лето она закрылась, так как редакция была частью арестована, частью раз'ехалась. Редакция была смешанная (большевики и меньшевики-партийцы, то-есть не ликвидаторы). С осени газета попала почти целиком в руки большевиков и изменила свой характер: она быстро стала сближаться с рабочей массой (в это время в ней работали: Н. Г. Полетаев, Н. Н. Батурин, С. М. Закс-Гладнев, К. С. Еремеев и др.).

Обилие в «Звезде» рабочих корреспонденций попало, как говорят рабочие, «в точку», так как среди рабочих все более зрело желание создать свою ежедневную газету. «Звезда» решила в этом прийти на помощь газетной агитацией и открыла сбор пожертвований.

Пожертвования поступали, но не слишком быстро. Как раз случился знаменитый ленский расстрел, всколыхнувший весь российский пролетариат. Резкий под'ем революционного настроения выразился, между прочим, и в огромном притоке пожертвований на газету. Заводы, фабрики и отдельные группы рабочих давали каждый человек гроши: но от грошей составлялись тысячи рублей,—тем более ценных, что эти гроши или рубли связывали будущую газету с рабочей массой цепкой [illegible] связью.

22-го апреля 1912 года вышла в свет первая в России [illegible] газета не для рабочих, а рабочих—«Правда». [illegible]

при цене в две копейки, газета стала окупать себя.

В состав редакции «Правды» первоначально входили: Н. Г. Полетаев, И. П. Покровский и В. М. Молотов. Секретарем редакции был Ф. Ф. Раскольников, а после его ареста—К. Н. Самойлова; рабочей хроникой заведывал К. Ст. Еремеев. Сотрудничали В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, а главные—Ленин и Зиновьев, жившие за границей. Ленин давал газете твердое направление. А наполняла газету животрепещущим содержанием сама рабочая масса.

С выходом в свет «Правды» прекратились за ненадобностью призывы о пожертвованиях на газету. Но когда настали для нее черные дни, масса откликнулась на призыв не слабее, чем под впечатлением ленского расстрела.

Об этих черных днях стоит рассказать.

Летом 1913 года, благодаря отсутствию интеллигенции, втерся в состав редакции «Правды» провокатор Черномазов. Очевидно, ему приказано было разорить газету, не выдавая себя. И вот Черномазов стал стараться вести дело так, чтобы каждый номер подвергался конфискации. Конфискованные номера частью рабочие успевали захватить и разнести по петербургским заводам; но правильного распространения газеты быть уже не могло. Провокатор не скрывал, что он сознательно подводит газету под конфискации, и доказывал, что конфискации поднимают революционное настроение. К сожалению, ему удалось убедить в этом и некоторых членов редакции (насколько помнится, в том числе Самойлову и Еремеева). [illegible] собрание работавших в газете и депутатов в Финляндии, кажется у Бонч-Бруевича, где обсуждался этот вопрос и решен был не в пользу Черномазова. От Ленина тоже получались приказы избегать конфискаций. Но провокатор, имея на своей стороне часть редакции, гнул свою линию. Газета быстро шла к разорению,—и пришлось вновь обратиться к рабочим с призывом о пожертвованиях.

Истпарту удалось в департаменте полиции найти копию письма, посланного в это время т. Ленину кем-то из членов редакции. Привожу письмо целиком:

«14 августа 1913 г. Газета наша, что называется, на ладан дышит и переживает какую-то агонию; но духом мы все же не падаем и сдаваться не думаем. Хотя газета ежедневно конфискуется, но все-таки она расходится среди петербургских пролетариев в 21 и более тысячах; № 10 (не конфискованный) разошелся в количестве 36.000, № 11—35.500. Тираж, во всяком случае, не падает, и только конфискации сокращают его почти на половину. Что касается убытков, которые несет газета, то хотя они очень велики, но зато очень велики и пожертвования. Никогда еще рабочая газета не встречала такого сочувствия и материальной поддержки, как теперь.

Деньги и приветствия сыплются буквально, как из рога изобилия: бывает, что за один день, за какие-нибудь 2—3 часа приносят 240—300 рублей пожертвований. Сейчас я пишу вам письмо, а тут все время приносят и приносят деньги. Такое отношение естественно вселяет в нас бодрость и готовность бороться во что бы то ни стало. Рабочие так свыклись и срослись с газетой, что она стала для них неотложной и необходимой потребностью, что потеря газеты для них равносильна была бы самоубийству. Убытков, благодаря пожертвованиям, мы не терпим и существовать пока можем, а это только и требуется. До Думы как-нибудь протянем, а там и дальше надеемся существовать».

К этому нужно добавить, что пожертвования не могли долго вливаться в том же размере, и что именно о черномазовском времени рабочие говорили:

— Ликвидаторская газета ведется хорошо, но она—чужая. А «Правда» ведется плохо, но она своя, наша.

Именно тем, что «Правда»—«наша», и об'ясняется столь дружный отклик рабочих на призыв к пожертвованиям.

3. «ДЕНЬ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ».

Правительство часто закрывало «Правду» совсем. Через несколько дней она выходила под другим названием: «Рабочая Правда», «Северная Правда», «За правду», «Правда Труда», «Пролетарская Правда» и т. д.

Подошла вторая годовщина газеты—22 апреля 1914 г.; в то время газета называлась «Путь Правды». Во главе ее стоял Л. Б. Каменев, специально для этого приехавший из-за границы. Черномазов был удален безвозвратно еще в январе.

Кажется, по мысли Л. Б. Каменева, решено было об'явить 22 апреля «днем рабочей печати» и открыть специальный сбор в «железный фонд «Правды». Успех этого дня превзошел все ожидания. Пожертвований от рабочих в «железный фонд» поступило к этому дню около 18.000 руб. Печатался юбилейный номер свыше чем в 100 тысячах экземпляров. Отзывы рабочих об этом номере были восторженные.

Из итогов работы «Правды» к этому времени стоит отметить, что она уже не была одинока. «Дню рабочей печати» были посвящены, кроме «Пути Правды», еще следующие журналы:

1) «Металлист», № 6 (43) от 22-го апреля: на красной обложке—названия погибших профессиональных органов металлистов 1906, 1907, 1908, 1910 и 1911 г.г. В [illegible] страниц, [illegible] «дню рабочей печати», передовица, затем статьи тт. Зиновьева, Гладнева и др. Особый интерес представляет статья «Металлисты в марксистской ежедневной газете» с подсчетом количества отчетов, корреспонденций и статей о борьбе металлистов, [illegible] в «Правде».

2) «Вестник приказчика», от 20-го апреля, № 16. Передовица «Наш праздник». Статьи: «Вестник приказчика» и «Рабочая печать и торговые служащие».

3) «Пролетарский голос» — передовица «Ко дню рабочей печати» в № 1, от 22 апреля.

4) «Деревообделочник», № 1, от 22-го апреля. На обложке по главной линии—все названия «Правды» за два года; на одной боковой линии—названия профессиональных, с другой—названия общих большевистских органов, выходивших в это время. Статьи: «День марксистской печати и профессиональная пресса», «Деревообделочники и марксистская рабочая газета».

5) «Работница», № 4, от 19 апреля. Статья «Ко дню рабочей печати».

6) «Вопросы страхования» №№ 26 и 27 (19 и 26 апреля). Передовица в № 16; а в № 17—резолюция рабочей страховой группы о ее отношении к «Пути Правды».

7) «Заря Поволжья», приложение к № 14, от 22 апреля. Статьи: «Как возникла «Заря Поволжья» и «История рабочей печати в России».

8) «Наше печатное дело»—орган печатников, находившийся под влиянием ликвидаторов. Статьи: «Печатники и борьба за свободу печати и [illegible] дня». *) Отношение [illegible] ко дню рабочей печати, [illegible].

Перед началом [illegible] войны, в июле 1914 года [illegible]

[illegible] «Правду». Но почти за три года своего существования (1911—1914) «Звезда» и «Правда» успели сделать [illegible] дело. Под руководством «Правды» и с ее помощью [illegible] борьбу политическую и экономическую в масштабе, почти не уступавшем революционному октябрю 1905 года.

Но между тем октябрем и эпохой «Звезды» и «Правды» глубокая разница. В 1905 году пролетариат сосредоточил борьбу на свержении самодержавия. Интеллигенция и даже отчасти буржуазия были не против рабочих, а скорее поддерживали их. В эпоху же «Правды» интеллигенция служила буржуазии не за страх, а за совесть. [illegible] шла за одно с самодержавием при подавлении рабочего движения. Поэтому лозунг 1905 года—[illegible]—фактически уступил место лозунгу «долой буржуазию».

Таким образом в эпоху «Звезды» и «Правды» фактически подготовлялся не февральская, а октябрьская революция 1917 года, хотя руководители газеты не [illegible] своей работы.

Но влияние «Звезды» и «Правды» [illegible] 1917 года—[illegible], с которой лозунг [illegible] на диктатуру пролетариата был воспринят пролетариатом.

[illegible]

„Правда" и ликвидаторство.

3 (17) [illegible] 1907 года разгоном второй думы царское правительство формально закрепило за собою свою победу над революцией 1905 года. Но победа над революцией прежде всего означала победу над пролетариатом. В 1905—1906 г.г. русский рабочий шел во главе революции, он был вождем поднявшегося против царизма народа, а после 3-го июня оказался отброшенным далеко назад, весьма близко к его старым исходным позициям.

Правительство и буржуазия продолжали решительное наступление по всему рабочему фронту: пролетариату наносились комбинированные удары по линии политической и экономической. Блок правительства и буржуазии стремился политически вывести пролетариат из строя, из революционного вождя превратить его в черноработую силу буржуазии. Укрепив свои позиции, враги рабочего класса старались убить в нем дух борьбы, заставить навсегда отказаться от роли боевого авангарда.

В чем, при таких условиях, заключалась задача партии рабочего класса? Основная политическая задача российской партии в эпоху реакции (1908—1911 г.г.) сводилась к тому, чтобы сохранить «дух живой» в рабочем классе, поддержать в нем верность к его старым боевым задачам, укрепить мысль передовых элементов пролетариата на том, что знаменитые «три кита» (республика, земля, 8-часовой рабочий день) снова будут так же иначе поставлены в порядок дня, и что рабочему классу снова придется взять на себя руководящую роль в новой борьбе. Задача пролетарской партии в эпоху реакции заключалась в том, чтобы предохранить рабочий класс от «приспособленчества», отречения, ренегатства, подчинения буржуазии...

А для решения этой задачи, одной, но главной задачи нужно было сохранить во что бы то ни стало старую партию, как активную, стальную, руководящую революционные задачи, организацию. Старая партия, как руководящая политическая сила, могла быть жива в подполье. Отсюда задача — усилить и укрепить подполье, связать его с фабриками, заводами, профессиональными союзами, рабочими клубами.

Так ставила вопрос партии (фракции) большевизм. Что говорили меньшевики? Как они понимали стоящую перед рабочим классом задачу? В 1905—1907 г.г. партия меньшевиков кое-как плелась в хвосте революции. В 1908 году, когда рабочий класс был раздавлен торжествующим царизмом, меньшевики поплелись в хвосте... контр-революции. В 1908 году, после некоторых предварительных работ, русский меньшевизм выступил с платформой ликвидаторства. В чем была сущность этого «нового слова» меньшевизма?

Организационно ликвидаторство означало отказ от «узких», «сектантских» форм подпольной работы, и перенесение центра всей «революционной» деятельности на легальную арену. Политически ликвидаторство означало отречение от старой программы, старых основных лозунгов, старой революционной традиции, старых боевых целей. Политически ликвидаторство означало отказ от признания руководящей роли пролетариата в буржуазной борьбе, признание в принципе гегемонии буржуазии. Ликвидаторство являлось оппортунизмом, отречением и ренегатством, [illegible] рабочий класс отказался от «бессмысленных мечтаний» насчет нового выступления в роли вождя революции. Эта роль принадлежит буржуазии, — рабочий класс пусть занимается своими делами», время-от-времени поддерживая «революционную» буржуазию в ее борьбе с царизмом.

Эта «философия» меньшевизма целиком совпадала с планами правительства и буржуазии. Блок буржуазно-помещичьей контр-революции кулаком старался внушить пролетариату мысль о тщетности и бесполезности борьбы. Партия (формально фракция) меньшевиков эту мысль пыталась внушить рабочему классу под видом [illegible] «марксизма».

Борьбу против «подполья», против партии, борьбу за «открытую рабочую» — столыпинскую, как мы тогда говорили — партию ликвидаторство вело со страниц легальных журналов «Наша Заря», «Дело Жизни», «Возрождение» и т. д. Партия большевиков — партия за революцию, против ренегатства и отречения боролась в глубоком подполье. Легально можно было обливать партию революции помоями, — жандармы и полицейские в этом случае мешать не мешали, — но в то время нельзя было защищать эту партию.

В 1910 году намечается «начало конца» реакции. В декабре в Петрограде начинает выходить газета «Звезда». В программной статье «Звезда» [illegible] Точнее высказаться за партию было невозможно.

В 1911 году уже выявляется явный перелом в пролетариате. Рабочая жизнь [illegible] пролетариат снова выступает на политическую арену. Но возникает вопрос перед ним встает. Куда он пойдет? Подчинится влиянию буржуазии или станет на самостоятельный классовый путь и поведет за собой всех трудящихся — против царизма, против буржуазии? Этот вопрос был связан с другим вопросом: что победит, большевизм или ликвидаторство, являющееся агентурой буржуазии, или большевистская партия непримиримой классовой борьбы?

В 1912—1914 г.г., с момента выхода «Правды», между большевизмом и меньшевизмом развертывается решительная борьба. На этот раз борьба происходит почти что в равных условиях. Революционное рабочее движение раздвинуло рамки царской «легальности и законности» и вручило партии большевиков такое мощное оружие, как печатное слово. Для легальной рабочей прессы стало возможно более или менее прозрачно защищать «подполье», защищать партию...

Необходимо отметить, что самый факт выхода большевистской «Правды» [illegible] ликвидаторам. Первую ежедневную рабочую газету, созданную на средства рабочих групп, ликвидаторы пытались захватить в свои руки. Когда это не удалось, они заговорили об «единой» газете. Но революционные рабочие не позволили агентам столыпинской рабочей партии играть в «единство». Газета осталась в руках большевиков. Этот факт говорил за то, что уже к моменту выхода «Правды» меньшевики-ликвидаторы не имели большинства в рабочем классе. Дальнейшая задача сводилась к тому, чтобы окончательно выбить ликвидаторство из рабочего класса...

Мы не имеем возможности остановиться хотя бы на главнейших этапах борьбы между большевизмом и ликвидаторством. Отметим лишь один важный момент во время этой борьбы за период 1908—1914 г.г. Мы говорим о так наз. «легальных возможностях». В этом пункте по существу вопрос шел вовсе не о том, следует ли не следует использовать «легальные возможности». Большевистская фракция этот вопрос уже решила положительно, и еще весной 1909 г. исключила из своего состава «отзовистов» и «ультиматистов» (группа «Вперед»). С другой стороны, и ликвидаторы не отрицали значения «подполья», конспиративной организации. Они хорошо понимали, что даже «открытая рабочая партия» будет нуждаться в закрытом от глаз полиции подпольном аппарате.

Борьба шла вокруг вопроса: где именно партия? где центр? Какова роль подполья и надполья? Какие взаимоотношения существуют между ними?

Ликвидаторы отвечали: партия на легальной арене, здесь центр. Думская фракция, соц.-демократические группы профсоюзов, клубов, страховых касс, отдельные «деятели» рабочего движения, подпольные ячейки, если они где-либо сохранились, — все это составляет «открытую рабочую партию». Подполье, если оно вообще нужно, играет подчиненную, служебную роль в отношении надполья. — Открытая партия с подпольным аппаратом! — таков был лозунг ликвидаторства.

Большевики — «правдисты», как их тогда называли, — отвечали на поставленные выше вопросы иначе:

Партия — в подполье, там центр. Думская фракция, группы легальных организаций целиком подчиняются и работают под руководством подполья. Надполье в отношении подполья играет подчиненную, служебную роль. [illegible] — таков был лозунг большевиков-«правдистов».

И замечательно, что решительный бой между большевизмом и меньшевизмом в период 1912—1914 г.г. происходил как раз на легальной и полулегальной арене. И в этом решительном бою ликвидаторы на голову были разбиты. Шаг за шагом мы вытеснили их из профсоюзов, клубов, страховых касс, [illegible] т.-е. изгоняли из руководящих органов именно открытых, т.-е. «ботом» для ликвидаторов предназначенных рабочих организаций.

К лету 1914 года ликвидаторы представляли собою генералов без армии. Рабочие отвернулись от них, [illegible] Даже глава грузинских меньшевиков — Жордания, философствовавший [illegible] что большевизм и меньшевизм «естественно» дополняют друг друга, — даже он [illegible] ликвидаторам [illegible] немало писаных слов и потом отошел от них.

Большевизм — «правдистское поветрие», как называли тогда ликвидаторы — победил на легальной арене под руководством и во имя подпольной партии. Здесь надполье не заменило собою подполья, а являлось его рупором.

Роль «Правды» в этой гигантской работе была поразительна. Она была подлинным — выражаясь словами т. Ленина — коллективным пропагандистом, агитатором и организатором. Она не только раз'ясняла широким рабочим массам очередные задачи пролетариата, не только звала их к борьбе, — она сплачивала и мобилизовывала массы, она в решении ряда партийных вопросов вовлекала широкие круги беспартийных рабочих. Вопрос о с'езде, о проведении страховой кампании, о расколе думской фракции и пр. и т. д. и в ряде других случаев спор между меньшевиками и большевиками решался путем вмешательства массы. Руководимая и направляемая «Правдой», рабочая масса своей поддержкой давала победу партии большевиков.

Мировая война снова отбросила рабочий класс назад. Победа царизма естественно влекла за собою усиление меньшевизма, ликвидаторство перерастало в социал-патриотизм. В 1917 году, после февральской революции, меньшевизм выполз на открытую арену в роли триумфатора. Но это было ненадолго. Русский рабочий прошел слишком хорошую революционно-политическую школу, чтобы он серьезно и надолго мог позволить меньшевикам обманывать его...

Октябрьская революция подвела итог: под руководством партии большевиков она вместе с буржуазией опрокинула и партию меньшевиков.

ИЛ. ВАРДИН.

„Правда" и движение торгово-промышленного пролетариата 1911—1914 г.г.

(Из личных воспоминаний).

Вскоре после ленских событий рабочее движение стало неудержимо идти в гору.

На горизонте «зажглась» уже «Звезда» — питерская газета, — предшественница всех последующих «Правд».

К этому времени и в начавшемся движении питерского пролетариата стало втягиваться и движение отсталого его собрата — пролетариата торгово-промышленного.

Усилиями группы питерских приказчиков во главе с М. Сейфер («Старый приказчик») в Питере организовался ряд профсоюзов: приказчиков-мануфактуристов, хозяйственников (посудные, железные торговли), с'естники, трактирные служащие, конторщики.

Руководители профдвижения этих служащих намеревались об'единить все профдвижение приказчиков Питера в один союз, но петроградский градоначальник твердо знал правило: «разделяй и властвуй» — и всех нас разделил.

И вот слабые ручейки еще слабого профдвижения стали искать для себя точку опоры, об'единителя и руководителя классового движения. Такой руководитель вскоре и появился в лице питерской газеты «Звезда», а немного позже «Правды» и ее наследников («К Правде», «Правда Труда» и др.).

В процессе движения торгово-промышленного пролетариата создался скоро в Питере довольно сильный, а главное — сплоченный партийн. приказчичий центр, который и взял на себя руководство движением «пролетариев прилавка».

Нужно сказать, что не только рядовые приказчики, массы, но и мы, все члены группы (тов. Сейфер, «Старый приказчик», Антошкин, Угланов, Ф. Александров, я и др.), нуждались в политическом и партийном руководстве.

И его нам дала «Правда». Без ее руководства никогда бы не удалось нам сделать все движение питерских приказчиков движением классовым.

Если вся приказчичья масса Питера и многих мест провинции (судя по IV всероссийскому с'езду торговых служащих в Москве в 1913 г.) в период 1911—1914 г.г. шла плечом к плечу с рабочим классом, то в значительной степени этому помогла воспитательная работа питерской «Правды».

В указанный промежуток времени: «Правда» организовала движение: ее ясные, четкие лозунги, зовущие к борьбе, указывали правильные классовые пути профдвижения, постепенно притягивая к с.-д. питерским приказчичьим союзам лучшие силы отсталого забитого торгово-промышленного пролетариата.

Усиливая профдвижение, указывала, с какими силами нужно стремиться в профсоюзах, как бороться с «ликвидаторами», почему профдвижение не может быть «нейтральным», к чему тянули меньшевики-ликвидаторы.

«Правда» защищала пролетариев прилавка от чудовищного гнета торгово-промышленного капитала и от самодурства хозяев. Откройте страницы тогдашней «Правды», и вы можете убедиться в этой защите: на 3-й и 4-й страницах, по которым можно было тогда прощупать биение пульса питерского пролетариата, часто встретишь и письма «пролетариев прилавка», описывающих свою каторжную жизнь.

Здесь же читаешь о забастовке на каком-нибудь торговом предприятии.

В эти забастовках питерские и провинциальные приказчики учились классовой борьбе. [illegible]

День за днем отстаивает «Правда» великие цели движения приказчиков — одного из отрядов рабочего класса, и каждое мелкое выступление какого-нибудь маленького пролетария — обиженного купчиной мальчика-подручного.

«Правда» раз'ясняла миллионам приказчиков тождество их классовых интересов с интересами всего российского и международного пролетариата.

Такое раз'яснение в те времена очень нужно было, ибо многие приказчики, по своей классовой отсталости, чурались рабочих и часто шли в хвосте [illegible] при выборах в городскую и государственную думу за к.-д.).

«Правда» помогала созданию классовых печатных профорганов.

Так, в Питере, при ее непосредственной руководящей и технической помощи, питерским приказчичьим профсоюзам вскоре удалось создать марксистский профорган «Вестник Приказчика», который затем стал по своему значению одним из важнейших всероссийских органов, руководивших профдвижением торгово-промышленного пролетариата.

«Правда» учила марксизму и обучала партийной работе наиболее передовые, сознательные слои приказчиков. Эти «выученики» подготовили целые кадры в Питере, в Москве и в провинции молодых марксистов, развивших в себе классовый инстинкт.

Р[illegible]чка «Правды» и ее питомца «Вестника Приказчика» не пропала даром: в 1913 г. на IV всероссийском с'езде торговых служащих питомцы «Правды» дали горячий бой к.-д., кадетствующим и твердо выдерживали на этом с'езде классовую позицию. Маклаков, тогдашний министр внутренних дел, понял эту классовую позицию приказчиков-правдистов: с'езд был им разогнан.

«Правда» родила вождей торгово-промышленного пролетариата. Из них укажу хотя бы на погибшего в царскую войну Михаила Сейфера («Старого приказчика»).

Это был именно вождь, вождь-незаметный, но упорно руководивший движением и боями торгово-промышленного пролетариата. Таким его выработала и воспитала «Правда». Это могут подтвердить многие товарищи, близко знавшие покойного Сейфера.

И, наконец,

«Правда» выковала работников — строителей советского пролетарского государства. Эти государственные строители, выросшие из недр торгово-промышленного пролетариата, после октябрьской революции занимали ответственные посты и были избираемы в члены ВЦИК (Н. Угланов, Д. Антошкин).

Революция раскидала один из верных отрядов коммунистической партии — отряд питерских приказчиков-партийцев.

Их воспитала питерская «Правда» и в день всероссийского торжества пролетарской печати многие и многие выученики питерской «Правды» вспомнят о ней и назовут ее своим светочем.

Старый «правдист» **П. БУРОВ.**

ВСЕМ РАБОТНИКАМ «ПРАВДЫ», ПОД ГНЕТОМ ЦАРСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ СОЗДАВАВШИМ РАБОЧУЮ ПЕЧАТЬ, — ЕЕ ОСНОВАТЕЛЯМ, СОТРУДНИКАМ, КОРРЕСПОНДЕНТАМ, ВСЕМ РАБОЧИМ, ПИСАВШИМ, ПЕЧАТАВШИМ, РАСПРОСТРАНЯВШИМ, ПОДДЕРЖИВАВШИМ ЕЕ, В ТЕ ТРУДНЫЕ ДНИ, — ВСЕМ, КТО СВОЕЙ ГРУДЬЮ ОТСТАИВАЛ ЕЕ ОТ УДАРОВ ВРАГОВ РАБОЧЕГО КЛАССА, ВСЕМ ВЫНЕСШИМ ЗА НЕЕ ТЮРЬМУ, ССЫЛКУ, ИЗГНАНИЕ, КАТОРГУ — РЕДАКЦИЯ «ПРАВДЫ», ГАЗЕТЫ ПОБЕДИВШЕГО ПРОЛЕТАРИАТА, В ДЕНЬ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ ШЛЕТ СВОЙ ТОВАРИЩЕСКИЙ ПРИВЕТ!

Путь пролетарской „Правды".

„Правда" росла, крепла и развивалась, терпела неудачи и одерживала победы вместе со всем российским рабочим движением. С ним она прошла этот путь — от „Лены" и до мировой войны, от февраля до октября, через всю гражданскую войну до настоящего дня, до Генуи.

Через все эти ступени газета прошла, оставаясь сама собой — органом рабочего класса и пролетарской партии, но в то же время ея облик и характер менялся в зависимости от исторической обстановки.

Свой путь она начала с завода, с фабрики и мастерской; с отделом „Рабочая Жизнь". Этот отдел составляли рабочие, чистейшие пролетарии от станка, учившиеся азбучной грамоте при писании своих корреспонденций о хозяйской прижимке, о придирках и притеснениях полиции, о тяжелой жизни в углах на хозяйских квартирах. Из этих рабочих корреспондентов потом вышли строители рабочего государства. Помню я по 1912 г. такого рабочего корреспондента тов. Павла Будаева, быстро взявшего потом на себя ответственную работу в нашей подпольной большевистской организации Питера и выдвинувшегося в профессиональном движении. Таких тов. Будаевых были сотни и тысячи и они то и подготовили октябрь 1917 г.

Отдел „Рабочая Жизнь" 1912—14 г. был повседневным, умелым, верным и беспощадным обличением всех мерзостей капиталистического рабства, основанного на способности рабочих людей „жить отбросами", — отбросами жизненных благ, отбросами либерально-буржуазной политики и „популярного просвещения для рабочих".

„Рабочая Жизнь" задавала тон газете. Факты рабочей жизни только обобщались в руководящих статьях. Борьба с хозяйской прижимкой и полицейским произволом в последнем обобщении развилась до „трех китов". „Три кита" эти тогда были: 1. демократическая республика, 2. 8 часовой рабочий день, 3. конфискация всех помещичьих земель без выкупа. Это была программа демократической революции, но именно потому, что ее самым последовательным и беззаветным защитником был пролетариат, именно потому, что ему принадлежала гегемония, руководство революционными массами в борьбе за эти „три кита", эта программа была предтечей октябрьской революции. От этих „трех китов" ликвидаторы, мечтавшие лишь о том, как бы вползти в столыпинскую легальность, отплевывались, как черт от ладана.

„Последовательные демократы" — таково было тогда наше „легальное" звание и оно приводило в бешенство ликвидаторов, которые только потом уже, когда буржуазная демократия стала торговой маркой буржуазной контр-революции против рабочей власти, стали пламенными демократами"! Наша „последовательная демократия" означала революционную борьбу с царизмом и пресмыкавшейся перед ним кадетской „оппозицией его Величества".

„Рабочая жизнь" нашей „Правды" побила бульварную „Копейку", наводнявшую рабочие кварталы. С „Копейки" мы начали, а потом победили, вытеснили и забили ликвидаторские „Луч" и „Новую Рабочую газету". Благодаря третьей и четвертой странице газеты, рабочий приучился читать „Правду", а затем и разбираться в первых двух ее страницах — передовых статьях — об основных вопросах рабочего движения, зарубежных вестях.

„Правда" жила на рабочие гроши. Сборы на „Правду" далеко оставили за флагом ликвидаторские старания присоединить что-нибудь из рабочих копеек и рублей к лепте из либеральных карманов. Вокруг распространения газеты, сборов на нее, корреспонденций в „Правду" ткалась и завязывалась сеть нашей партийной организации.

„Правду" закрывали и приостанавливали без конца за ее „незаконную связь" с пролетарско-революционным подпольем. „Ответственными" перед полицией „редакторами" иногда оказывались совсем полуграмотные пролетарии. — За „Правду" посидеть было лестно и стоило!

Кампания по выборам в IV Думу, борьба думской большевистской шестерки с ликвидаторской семеркой, страховая кампания, кампания перед Интернационалом, пытавшимся „выяснить причины раскола" через Вандервельде, пожаловавшего перед войной собственной персоной в Питер, все это прошло через страницы „Правды".

Решения ответственных партийных органов печатались в „Правде" под анонимной вывеской „решений ответственных совещаний последовательных марксистов".

„Правда" проводила массовые стачки-протесты, давала им лозунги, направление, — и все же оставалась неуязвимой, окруженная атмосферой массовой пролетарской поддержки.

С „Правдой" покончили только тогда, когда рабочие баррикады в Питере, массовые революционные демонстрации и стачки по всей рабочей России стали на дороге уже готовой вспыхнуть войны.

Война убила „Правду"... для того, чтобы позже „Правда" убила войну!

В марте 1917 г. она снова появилась на свет из под развалин разгромленного склепа прогнившего насквозь [illegible]ризма и быстро начала обростать рабочими связями.

На нее ополчился целый хорошо сыгравшийся оркестр буржуазно-соглашательских органов — от „Русской Воли" и „Речи" до „Дела Народа", „Рабочей газеты" и слащаво-корректной „Новой Жизни". — Одни просто вопили звериным голосом о „пломбированном вагоне" и „немецких деньгах"; другие делали „страшное" лицо, чтобы запугать „расколом революционной демократии и игрой на руку темным силам", третьи — „интеллигентно" раз'ясняли „опасность крайностей". В общем же и целом все говорили одно и то же.

Интерес к „Правде" разделился между ее первой-боевой-страницей и третьей и четвертой страницами ее — резолюциями рабочих и солдатских митингов. „Правда" пошла не только в рабочие массы, но и в солдатскую толпу, жаждавшую мира и настоящей правды без царских тайных договоров, без Константинополя и проливов.

„Правда" стала сверлить толщу крестьянских масс.

„Правда" стала знаменем борьбы буржуазно-соглашательской коалицией.

Собиравшиеся у „Русской Воли" на Невском буржуа и юнкера демонстративно рвали рабочую газету, а на Выборгской стороне рабочие расхватывали ее, зачитывая до дыр.

На „Правде" сконцентрировалась вся бешеная ненависть командующих классов, почувствовавших колыхание почвы у себя под ногами.

Отмененная демонстрация 10 июня, демонстрация против войны 18 июня, трагические и величественно-грозные июльские дни...

На славном пути „Правды" пал рабочий Воинов, вышедший на улицу в момент июльского разгрома продавать „Правду" и растерзанный буржуазной сволочью.

„Рабочий и Солдат"...

Корниловщина „Рабочий Путь".

Все быстрее и неудержимей становится бег событий. — „Демократическое Совещание" и „Предпарламент" — „Предбанник".

Статья Ильича, что пора начинать...

„Правда" была знаменем пролетарской Революции и она стала знаменем Октябрьского переворота.

Потом — Брест и немецкое наступление.

— На газетные колонки легла тень придушенной, сдавленной бессильем пролетарской ненависти к палачам революции.

Но нужно строить и газета полна этими молодыми победами пролетарского советского строительства, рожденными и борющимися за жизнь в грозе и буре.

1918 год — тяжелый год конца старой войны и начала новой, год неумелой, стихийной партизанщины и поражений.

Чехо-словацкий мятеж, сдача Екатеринбурга, Скоропадский на Украине...

Пролетариат с небольшим слоем крестьянской бедноты отчаянно обороняется.

Еще нет организованных армий, фронтов, нет точных сводок. Со столбцов „Правды" идут призывы к борьбе во что бы то ни стало. Газета уже не может жить своей внутренней жизнью, революция как бы вывернула ее на изнанку; задачи революции титанически трудные и сложные все поглощают. Жизнь разлилась могучим потоком за пределами газетных столбцов. Нужно только поспевать обслуживать ее, хотя бы схватывать основные моменты, осознавать то новое, что творится вокруг, кипит и бурлит и еще долго не уляжется в прочные формы быта. Газета должна жить внешней жизнью, но эта внешняя жизнь есть жизнь революции с бесконечными историческими перспективами, это сам пролетариат, вышедший из берегов капитализма, но еще не пристававший к обетованной земле. Газета несколько теряется в потоке новых переживаний.

Революция в Европе не пришла сразу после октября. Но трепетным ожиданием ее полны все статьи газеты, как и сердца пролетариата, с трудом держащего кормило власти перед сонмом врагов.

Пролетарская революция в Финляндии и затем кровавая расправа над ней... Ноябрьская революция в Германии открывает революционный танец в Европе. Одна за другой летят короны и каждый день, беря в руки газетный листок, читатель ждет новой революции. Но денежный мешок труднее сдвинуть с места, чем сбросить корону с головы какого-нибудь потомственного дегенерата.

Рождение, жизнь и смерть Советской Венгрии.

Торжество Антанты в Версале и Колчаки, Деникины Мамонтовы, Шкуро и Врангели.

„Пролетарий на коня!" — Газета этого периода военная сводка и революционная прокламация.

В 1919 г. вопрос об укреплении союза с крестьянством, о середняке становится в порядок дня.

Последний герой белогвардейщины Врангель.

1920 год в первой половине закупорен в крымской бутылке, приковывает внимание к хозяйству, транспорту, топливу.

„Экономика" начинает теснить „политику".

Опять интервенция, Польша и Врангель. В Киеве — панская шляхта, пилсудчики.

Только к концу 20-го года успешный конец гражданской войны становится несомненным.

Март прошлого года — Кронштадт, продналог, переход к НЭП'у. Голод в Поволжьи и на юго-востоке. Ближе к массам! — Раздается команда партии.

„Рабочая жизнь" снова начинает вступать в свои права. [illegible] Спиридонов — прямой преемник рабочих корреспондентов „Правды" 1912—14 г.г., прямой наследник героического рабочего Воинова, павшего в борьбе за пролетарскую „Правду".

Новые условия труднее и тяжелее. Международная рабочая революция запоздала, но у вчерашних неограниченных самодержцев мира нет уже взаимного согласия и нужной силы, чтобы прикончить с ней ударом [illegible]. Им приходится разыгрывать [illegible] себя либерально-конституционных монархов и, — подчиняясь давлению миллионов безработных единого пролетарского фронта и, прежде всего, воплям капиталистов, которые не могут восстановить Европы, — идти в Геную „на свидание" с тов. Чичериным. Но даже и это им очень плохо удается!

Как паралитики они спотыкаются на каждом шагу, на Версальском мире и вопросе о разоружении, на русских долгах и интересах частных капиталистов. Спотыкаются и винят нас, как будто „Советы" им подставляют ножку!

НЭП внутри и НЭП по отношению к загранице. Это — чрезвычайно трудная задача и осуществление ее нужно связать с работой в массах, терпеливой, упорной и систематической.

Тов. Спиридонов — герой этой новой борьбы, борьбы за честный пролетарский „глаз" над государственным советским хозяйством, борьбы с обволакивающей мелкобуржуазной стихией.

Путь пролетарской „Правды" — путь рабочего класса России — от темных углов хозяйских квартир к тяжелому бремени пролетарской диктатуры в отсталой стране, все еще окруженной волчьей стаей представителей капиталистической выжимки.

Трудный и славный путь. Путь борьбы. Путь к победе.

Пусть же и дальше идет она вперед, со всем пролетариатом, через окопы наших врагов, через их колючие заграждения, через их уловки и ухищрения!

Г. САФАРОВ.

Наша „Правда" и ее основание.

(Из воспоминаний рабочего).

Незабываемые картины основания «Правды» на заре второго мощного развития рабочего движения сразу же ставят ее как носительницу дум и сомнений борющегося класса. Я помню, каким ярким и светлым лучом среди мрачной ночи царизма мелькнула для нас и зажглась на темном небе гнета и насилия газета «Звезда». Ее приход был радостно встречен десятками тысяч сознательных пролетариев Петрограда, а также массами рабочих других городов. Она совершила огромный перелом среди тех, кто еще бессознательно шел за меньшевиками-ликвидаторами, выступавшими с пропагандой ликвидации нелегальной, подпольной партии, социал-демократии. Для рабочих часто были странны эти проповедники, но иногда, подчиняясь их интеллигентскому ученому авторитету, рабочие рвали с партией. Но в результате месяца или двух группы, инстинктивно не слушаясь директив своих вождей-ликвидаторов, строили свою работу по методам большевиков, и когда интеллигенты, в роде, например, некоего Астрова-Повеса или Ермолаева, говорили, что их тактика работы неверна, то здесь рабочие сразу раскусывали всю трусливо-подлую изменническую политику меньшевиков. Близорукие, живущие в сфере своего интеллигентского мышления, оторванные от жизни рабочих низов, они не знали психологии масс, не знали, чем живет эта масса. Они не шли во главе общественного развития революционных сил угнетенного класса, а плелись, не поспевая за тем, что ставила жизнь. Под знаком этой нарастающей психологии протеста рабочих масс, злоба против всех тех, кто смело и открыто не бросался в бой с царизмом, нарастала и ширилась. «Звезда» явилась результатом этого протеста; ее создал, главным образом, не Центральный Комитет, сидящий частью за границей, частью в тюрьмах и ссылке, частью в подполье, а создал и дал ей устойчивость рабочий класс. Большевики [illegible] рабочую массу, [illegible]чу и нашли с ее стороны горячую симпатию и поддержку, давшие возможность сплотиться вокруг газеты достаточно сильным кадрам выросшей за это время рабочей большевистской интеллигенции, которая вышла с низов, от станков, машин, пекарен, от торгового прилавка. Она прошла богатую школу революционного опыта годов 1905—6, 7, 8, 9, 10. Она, эта передовая часть, не нашла своих выразителей в интеллигенции; если такие и были, то их не было здесь, они находились в тюрьмах или в изгнании; это была лучшая часть интеллигенции. Большевики и рабочие — пекарь, металлист, портной, приказчик — силою сложившихся обстоятельств сделались вождями профсоюзов, рабочих клубов и кооперации и вынесенная в тенетах капитала ненависть к буржуазному миру не могла их толкнуть на союз с теми, кто вышел из другого лагеря и не знал рабочих масс. «Звезда», таким образом, сплачивала распыленные силы нашей партии, не имеющие хорошо налаженного партийного аппарата. Если вспомнить это время, то иногда сколько здесь проходит ярких, светлых образов рабочих, отдавших на дело формирования правдистских сил свою силу и энергию. Я здесь говорю о тех, которых помню, останавливаясь главным образом на рабочих, выпуская тех, о которых здесь без меня напишут.

Вот вам группа товарищей из клуба Стасюлевича, здесь Яковлев печатник, Клавдия Николаева фальцовщица, конторщики Мотя и [illegible] Макаровы, столяр Желнирович, Анна Никифоровна, первая конторщица «Звезды».

Светлой тенью здесь встает молодая и пылкая фигура типографа Сережи Лебедева, одного из руководителей группы большевиков клуба Стасюлевича, клуба, который первый собрал деньги на создание фонда газеты «Правды».

Сергей Лебедев, как и ряд других товарищей, был выдан провокатором. «Я горжусь тем, что принадлежу к боровшейся с [illegible]вами партии большевиков», — заявил он на суде судившим его палачам. Лебедева сейчас нет с нами, он повешен Колчаком.

Лебедев жил мечтой о создании ежедневного органа большевиков, он верил, что этот момент настанет, и лишь арест и сибирская ссылка его оторвали от данного дела.

Или вот еще тип женщины-работницы Шуры Бурко. Всегда веселая и жизнерадостная, она вносила в нашу среду бодрость и бесстрашие. О, как она ненавидела меньшевиков, как она мечтала о создании газеты. За ними идут другие, как тов. Федоров металлист, Буров, Кунделли и т. д. События сами все больше и больше раздвигали двери росту большевистского движения. Появились на страницах газеты «Звезда» письма и корреспонденции рабочих с требованием основания рабочей газеты. Автор, пишущий эти строки, сам написал второе из первых писем о необходимости основания рабочей газеты. Невидимо росли силы, создавшие газету, и всякий как-то инстинктивно устремлялся туда, в бедную квартиру газеты «Звезда», где, как набатный схимник, около святынь, сидел тов. Еремеев, издатель газеты «Звезда», посасывая трубочку и работая своим карандашом, склонившись над ворохом материала. В этих материалах и письмах невидимо рождалась газета «Правда». С тех пор, как на страницах «Звезды» появились корреспонденции о необходимости основания ежедневной рабочей газеты, зашевелилась здесь и меньшевистская рать. Она поняла и учла роль газеты, и, конечно, хотела пожать плоды начатой большевиками работы. В январе 1912 года ликвидаторы начинают вести подготовительные работы, организуя для этого силы своих единомышленников. Возникает по идее меньшевиков так-называемая инициативная группа по изданию рабочей газеты, в которую входят светилы ликвидаторства, бывшие в это время в Петрограде. Группа созывает ряд собраний, желая, чтобы собрания имели широкие полномочия, выражая как бы волю рабочих масс. Наконец, если не ошибаюсь, дело было в феврале, мы узнали о созываемом инициативной группы. Сво[illegible] решили проникнуть во что бы то ни стало на собрание. Собрание происходило в гавани и было обставлено со всей предосторожностью конспирации. Мы поодиночке прошли на условленную конспиративную квартиру. Оттуда нас также по одному провели на квартиру, где происходило тайное собрание меньшевистской инициативной группы. Эта вторая квартира находилась, пройдя два квартала, по главной улице гавани.

Нашему приходу там мало обрадовались. Нас было около восьми человек. Я, представитель союза булочников, Желнирович от союза деревообделочников, представители союза кожевников, союза портных, Шура Бурко от клуба «Наука» и представитель клуба Стасюлевича и остальные от некоторых заводов и районов города.

Из ликвидаторов присутствовали Ермолаев, Гудков, Гвоздев. Фамилии остальных забыл, но в общем ликвидаторы были в большинстве. Ермолаев в длинном докладе о целях данного собрания сказал, что наша задача пойти навстречу справедливым требованиям рабочих и создать беспартийную марксистскую газету, которая бы являлась внефракционным органом, а для создания данной газеты необходимо основать паевое товарищество, членами которого может быть каждый рабочий, внесший определенный пай. На речь Ермолаева большевистская группа ответила: «Когда вопрос стоит о рабочей газете, нужно не политическое шулерство, а честная, открытая борьба двух марксистских мировоззрений — большевизма и меньшевизма, и спор решится не здесь, на тайном собрании, а в самой массе рабочих, которые не позволят какой-то инициативной группе самозванно присваивать себе политическое руководство рабочим классом. А потому собравшиеся большевики понимают тайный смысл меньшевистской работы и, не желая брать на себя ответственности, протестуют против этого, и в знак протеста покидают собрание, учитывая, что на это собрание сознательно не приглашена часть союзов и клубов, стоящая в оппозиции меньшевикам. Перед уходом мы внесли свою резолюцию, в которой подчеркивалась линия наших разногласий с меньшевиками.

Оставшаяся часть меньшевиков, назвав себя инициативной группой по изданию газеты, приняла устав внефракционного марксистского издательства по изданию рабочей газеты, постановив в ближайшее время созвать открытое собрание рабочих. В массах с этого дня началась усиленная агитация за скорейшее основание газеты. Рабочее движение резко размежевалось на два обособленных лагеря: сторонников «Звезды» — большевиков и сторонников «Живого дела» — газеты ликвидаторов.

Агитация началась с союзов и клубов и затем проникла на фабрики и заводы.

Первым союзом, резко отмежевавшим себя от ликвидаторов и заявившим о своей большевистской линии, был питерский союз булочников. Правление данного союза единогласно высказалось против линии ликвидаторов.

«Правление пришло к выводу, — гласит резолюция, — что беспартийная классовая газета не будет существовать; она все равно примет какую-либо партийную окраску, в зависимости от состава редакции и правления». Оканчивалась резолюция заявлением, что газета не должна быть органом либеральной рабочей политики, а должна стоять на платформе «Звезды». В этот момент мне пришлось работать секретарем союза булочников. У всех нас, правленцев, не было на этот счет никаких разногласий, наше отношение отразилось среди массы членов нашего союза, которые на собраниях и в сборах на газету показали, что влияние большевизма здесь было твердо.

За этим постановлением последовали резолюции целого ряда других союзов, как-то портных, деревообделочников, золотосеребренников, картонажников, рабочих клубов «Наука» Стасюлевича, Сампсониевское общество «Образование» и целый ряд рабочих организаций. В данный момент мне пришлось работать в секретариате нелегального подпольного бюро петербургских профессиональных союзов. На одном из собраний пленума бюро союзов абсолютным большинством голосов позиция большевиков при основании газеты была принята собранием. Да иначе и не могло быть, так как меньшевики не принимали участия в работах центрального бюро профсоюзов, считая его [illegible]ным, и, например, союзы металлистов и печатников не входили к нам, а если иногда их и встречали там, то это было редко, и сама работа их носила характер саботажа, в то время, однако, правления металлистов и печатников шли против большевистской линии, а большинство массы шло не с ними.

Когда «Правда» возникла, металлисты переизбрали свое правление, составив его из большевистских элементов, несмотря на целый ряд полицейских скорпионов. Усиленная агитация и мобилизация сил ликвидаторов, наконец, вылилась в устройстве открытого разрешенного градоначальником собрания. Либеральные политики-меньшевики оказались до конца последовательными; они захотели в этом вопросе говорить открыто, в присутствии полиции и охранников, и это разрешение получили. Но повестки на собрание посылались главным образом в меньшевистскую массу. Мне самому чисто случайно удалось добыть повестку на данное собрание. Таким образом, здесь извращалось мнение широких масс рабочих Питера. Собрание состоялось 15 апреля 1912 г., оно являлось первым в России собранием, где партийные группировки сходились на словесный бой. Но оно характерно было еще и тем, что совпало с днем Ленских расстрелов. На улице в эти часы, когда шел словесный спор о линии движения рабочего класса, происходили демонстрации рабочих, шло избиение и разгон демонстрантов, аресты и уличные сцены, где иногда красный флаг вызывающе и дерзко трепетал над толпою, озлобляя жандармов, полицию и сыщиков. Белый зал гимназии Федоровой на Петроградской Стороне был битком набит всеми теми, кто сумел достать повестку на данное собрание. Большинством собрания избирается меньшевистский президиум, и этим определяется физиономия собрания.

Докладчик от инициативной группы начал с аналогии кооперативных лавок, с будущих кооперативных обществ. «Кооперация борется с недоброкачественными продуктами, мы также будем бороться с продуктами буржуазной прессы, а потому направление газеты должно быть внефракционное, марксистское, так как [illegible]лаев. Ему затем вторил один из видных меньшевиков, направляя свои стрелы против течения газеты «Звезда». На мою долю выпало первым отвечать Ермолаеву и его соратникам. Этим господам легко было говорить об открытой работе партии, легко было издеваться над заговорщиками из подполья — большевиками, ибо они говорили на языке полицейском, нам отвечать им в присутствии стражей закона было труднее, не все же нас поняли.

И в десятках грудей, тех, кто работал в тайниках нашей партии, кто создавал эту партию из обломков разбитых темной ночью реакции прошедших годов, вспыхивала злоба на предательскую политику меньшевиков.

— «Сволочь», — раздался над моим ухом голос какого-то рабочего, но увидев фигуру пристава, важно сидящего в рядах, он замолк. Однако, то с одной, то с другой стороны зала следовали такие же выклики: — «предатели меньшевики». Я возмущенно вышел на трибуну и готов был плюнуть в лицо всем тем, кто говорил о беспартийности и открытой работе в то время, когда кровь Ленской бойни еще стояла перед нашими глазами, когда тюрьмы набивались нашими товарищами, когда преследовался жестоко всякий рабочий протест. «Вам, — сказал я, обращаясь к меньшевикам, — можно легко и свободно говорить об открытой работе, о ваших либеральных лозунгах, ибо их разделяет даже буржуазная масса. Не нам говорить о своей линии здесь нельзя, ибо на нас за эти слова наложат узду насилия. А все же симпатии масс с нами, и не потому, что мы горячо говорим, а потому, что за нашими словами следует и самопожертвованная работа для масс. Наше течение не есть либеральная рабочая политика: наши лозунги — не урезанные лозунги борьбы, они говорят громко и ясно рабочим: «Маски долой с тех, кто кормит рабочий класс баснями о нефракционной газете, так как здесь лишь хитрый ход вождей-меньшевиков». Так [illegible]дите же победно ваши лозунги либе[illegible] рабочей политики, но ваша пре[illegible] не будет встречена радостно рабочими массами; их сейчас здесь нет, они там, на улицах Петрограда, и их мнение вы услышите в [illegible]тельно была моя речь. Сказав ее, я быстро смешался в гуще стоявшей публики, не обращая в этот момент внимания ни на аплодисменты, ни на свистки и шиканье. Необходимо было спрятаться от полиции, которая речь каждого оратора записывала, а десятки сыщиков охранки выискивали себе жертвы.

После меня говорил Сергей Медведев. Он иллюстрировал политику ликвидаторов писаниями из их органа «Живого Дела», где Мартов, Маевский и другие поют похоронную песнь старым лозунгам социал-демократии, предостерегая рабочих от рабочей газеты, разбавленной значительной дозой беспартийности, и выдвигая как основу рабочей газеты платформу «Звезды», платформу большевиков.

На этом собрании победили меньшевики, но на питерских улицах победили тогда мы. «Правда» родилась 22-го апреля 1912 года; волны событий вынесли ее на самый гребень жарких столкновений борьбы труда и капитала. Она росла вместе с ростом нашей партии, она об'ективно учитывала развертывающиеся события, она бросала лозунги в массу, которая претворяла их в борьбе с капиталом и царизмом.

Когда в свистящем шуме печатной ротационной машины «Правда» рождалась десятками тысяч кип и пачек, радостно и легко было стоять у этой машины; еще влажная, не успевшая высохнуть, она бросалась нами и схватывалась теми, кто ее разносил и распространял в гущах рабочих масс.

Прошло десять лет с той поры, и «Правда» попрежнему осталась дорога массам. Она попрежнему тот светоч, который является глазами и мозгом нашей славной коммунистической партии, и в день ее славного десятилетнего юбилея мы можем сказать, что наши усилия были не напрасны, мы вышли победителями, и лозунги «Правды» претворились в жизнь.

Да здравствует [illegible] «Правда»!

Да здравствует коммунистическая партия!

Да здравствует рабочий класс, создавший «Правду»!

Член первой рабочей группы [illegible] «Правды» в 1912 г. [illegible]

О писателе и читателе.

(Демьян Бедный).

В юбилейном номере «Правды» нельзя умолчать о Демьяне Бедном.

Демьян Бедный—писатель особый.

Если под пролетарским писателем понимать писателя, чьи строки направлены, в первую голову, к массовому читателю, к рабочему, красноармейцу, крестьянину,—то Демьян Бедный был и есть самый рабоче-крестьянский писатель дней наших.

Подумайте о судьбах нашей «большой литературы» кануна русской революции. Было два основных лейт-мотива в ней.

Один—эротический и загробный.

Вдыхать запах могилы и чувствовать, как рядом вздрагивает разгоряченное дьявольским любопытством тело женщины—вот в чем был пафос поэзии этих последних лет: смерть и сладострастие».

Это отзыв А. Н. Толстого. Ему же и книги в руки.

Другой—более широкий, вмещающий первый: безбрежный, потерявший всякие мыслимые границы, особливый писательский индивидуализм. В эти годы перед войной получила признание формула: писатель пишет, прежде всего, для себя, а не для читателя. Другие углубили это: писатель, пишущий для читателя—не писатель, и к священному ордену жрецов искусства отношения не имеет.

Так и было. Писали «для себя», либо для узкого, ничтожного круга почитателей, поклонников и т. д.

Оттого и нагородили десятки «литературных стойл», направлений, групп и подгруппок.

Потом стали задыхаться в этой удушающей атмосфере стойл, словесных ухищрений, карьеризма, взаимных подсиживаний, завистливых, ненавидящих взглядов, споров, манифестов, отлучений, признаний, осуждений, словесной схоластики, перебранок, — раскололись еще на ряд «стойл», и, наконец, настал момент, когда было истинное столпотворение вавилонское, перестали взаимно понимать и смотреть друг на друга дико вытаращенными глазами.

Даже реалистическая «большая» литература обслуживала небольшой, в сущности, круг читателя, тонкие интеллигентские прослойки.

Путь к другому читателю стал искать другой писатель, и Демьян Бедный был из них одним из первых и талантливых.

Поэтому его и пытаются не признать многие из «старых испытанных жрецов». Помилуйте, какой же это писатель и поэт, никакого заумного и сверх-умного мира не открыл, утонченных переживаний не обнаружил, а писал о живоглотах, кулаках, попах, крестьянах, рабочих и пр., и проч.

Совершенно правильно. Демьян Бедный ни единой заумной Америки не открыл, но зато нашел миллионного читателя, в лаптях, в блузе, часто читающего по-складам, голодного, замусоленного.

На фронтах гражданской войны белые части, составленные из крестьян, мобилизованных бывшими генералами, справлялись у красных при случае «стишков» Д. Бедного. «Стишки» посылались и делали свое дело. Красноармейцы считают Д. Бедного «своим». Пойдите в деревню. Хого там знают из недавних литературных звезд первой величины? А Демьяна Бедного знают и считают своим, его комментируют на все лады и научились читать как-то по своему, по-хуторскому, между строк. На крестьянском волостном с'езде—был такой случай — крестьяне, узнав о присутствии Д. Бедного, лезли к нему целоваться, несмотря на то, что настроены были из-за свирепой продразверстки не совсем по-советски, выражаясь мягко.

Интересно и поучительно еще одно.

С помещиками и генералами было немало литературных старых светил. Пробовали подражать красным. Деникинский осваг хороших литераторов пригласил в фронтовую газету. Получились пустяки, а «стишки» Д. Бедного продолжали делать свое дело.

— Советский дядя Михей,—твердят из литературных стойл.

Но тут больше мелкой зависти, в лучшем случае, а в худшем — здесь ненависть классового врага. К подлинной художественной оценке все это никакого отношения не имеет.

Большой и признанный мастер и знаток художественного слова—умолчим пока об имени его—однажды сказал:

— Что он делает—этот Демьян! У него ключ к чудесному пушкинскому стиху, а он занимается тем, что раскрашивает краской краской забор и небо.

Вот именно.

Демьян Бедный настоящий мастер, знаток и любитель русского слова. Едва ли многие знают, с каким вниманием и тщательностью проверяет он им написанное, роется в словарях, синтаксисах и руководствах. И тут важно отметить не только то, что его рифмовка свежа и, как общее правило, безукоризненна—важно и показательно, что в этой любви и знании русского языка одна из разгадок, как отыскивается путь к сермяжному, деревенскому читателю. Читатель этот останавливает свое внимание на Демьяне Бедном не только потому, что в стихах его говорится об угнетенных и угнетателях, но и потому еще, что слова, образы в них от народа, простые, ядреные, грубоватые, меткие, неожиданные и свежие. Это — наша речь, родная, «рассейская», речь деревень, пере...ков и рабочих околин. Поэтому стихи и басни Д. Бедного ни в какой мере не являются агитками. Агитки обычно нарочитые, преднамеренные, подделывающиеся под простоту, снисходящие до уровня читателя, и потому всегда фальшивые. Стихи Д. Бедного настоящие художественные вещи, хотя материал в них насквозь агитационный.

Нет тут и клише, обычного в агитации. Каждая фигура: попа, кулака и т. д. живет своей жизнью, индивидуализирована, окружена своеобразным бытом. Не ходячие абстрактные фигуры, а живые люди, живая жизнь.

Наконец, тут революция. Тут ...пая, веками продолжавшаяся тяга угнетенных с угнетателями. Пройдут года. К кому обратится будущий бытописатель наших дней, если по литературным документам будет восстанавливать, чем и как жил духовно наш красноармеец, рабочий, крестьянин, победившие в гражданской войне могучих врагов? Мимо Д. Бедного он, во всяком случае, не пройдет.

Мы не имеем в виду давать литературной характеристики Д. Бедного. Он взят здесь, как наиболее яркий выразитель той тяги к новому читателю, которая характерна для всей группы поэтов и писателей-художников, работавших в «Правде». Все они: Кириллов, Филипченко, Малашкин, Александровский, Обрадович, Герасимов, Одинцов, Леонтий Котомка, а теперь В. Иванов, Ал. Зуев и др., каждый по своему старались отрясти прах «литературных стойл», порвать липкую паутину литературных хитросплетений и ухищрений, выбраться из литературного чатостокола на торную дорогу. Времена с 1917 по 1921 годы были по многим причинам неблагоприятны для художественного слова, и только теперь мало-по-малу оно начало возрождаться. Возрождается оно в форме реализма, нового писателя тянет к быту, к новому, крепкому, духовно массовому читателю; русская литература выбирается из «стойл», из потемок, из экзотики, уходит от узкой индивидуалистичности—и в этом направлении группа писателей из «Правды» работала все время, не поддаваясь ни моде, ни поветриям. Она создавала этого нового читателя, находила его в избах, на чердаках и в подвалах, приобщала и приучала его читать, интересоваться печатным словом, отвечала на его духовные запросы.

Об этом хотелось напомнить нам в юбилейный день «Правды».

А. ВОРОНСКИЙ.

Привет дорогой «Правде», мощному борцу за пролетарскую революцию.

М. Савельев

Секретарь „Правды".

В день празднования 10-летия «Правды» нельзя не остановиться на 5-летней работе в ней Марии Ильиничны Ульяновой. Если отбросить дооктябрьский период, когда «Правда» редактировалась Лениным, Зиновьевым и Каменевым, работа секретаря нашей «Правды» исключительно трудная и ответственная. Наши лучшие литераторы ушли от газетной работы и отдались делу непосредственного строительства и борьбы. Да и все остальные ответственные работники настолько перегружены всякой партийной и советской работой, что только урывками могут отдавать свое время газете. При таких условиях необходим был такой секретарь, который всю организационную тяжесть работы нес бы на себе, который думал бы постоянно о газете, привлекал бы к ней сотрудников, заказывал бы статьи, день и ночь следил бы за тем, чтобы орган Центрального Комитета партии с честью выполнял возложенную на него ответственную задачу, который был бы, одним словом, организационной душой «Правды». В этом смысле газете повезло. Мария Ильинишна таким секретарем и является. Это—работа мелкая и незаметная, но она требует всего человека. Мария Ильинишна внесла в «Правду» свою бесконечную преданность партии, свое умение упорно и настойчиво, ни перед чем не останавливаясь, никакой работой не брезгуя, делать то дело, которому она себя отдала. В течение 5-ти лет, изо-дня в день, с утра и до позднего вечера, сидит она в редакции газеты и неутомимо собирает газетный материал, распределяет его, заказывает статьи, понукает, работает сама и заставляет работать других. Она не уходит, не сдав материала ночному выпускающему, и если ночью возникают у него какие-либо затруднения, то он опять звонит к Марии Ильинишне и подымает ее с постели. Эту работу знают лишь те, которые непосредственно с нею связаны, кто видит ее изо-дня в день. Для всех других она незаметна. Сравнительно легко совершить великий подвиг, когда он ярок и сразу вызывает фактическую и должную оценку у окружающих. Гораздо труднее быть солдатом революции и с неизменной энергией, упорством и настойчивостью, при всех обстоятельствах, в моменты успеха и поражения делать свое незаметное, но нужное дело. Таким солдатом революции является секретарь «Правды», Мария Ильинишна Ульянова.

А. СОЛЬЦ.

1912—1914 г.г.

Как она возникла и как работала.

22-го апреля (5-го мая) 1912 г. вышел первый номер «Правды». «Правда» пришла на смену еженедельной газеты «Звезда», которая начала выходить в конце 1910 года. Поднявшаяся волна рабочего движения после Ленских событий поставила в порядок дня издание ежедневной газеты и тогда на место «Звезды» появилась «Правда».

Раздался клич о том, чтобы рабочие массы поставили на ноги и поддерживали свою газету. Было ясно, что на нее посыпятся репрессии, что ее будут закрывать, штрафовать и донимать не мытьем, так катаньем. За четыре месяца до выхода «Правды» через газету «Звезда» и «Невская Звезда» на создание ежедневной рабочей газеты поступило 4,288 р. 84 к.

С таким малым капиталом пустилась в плавание «Правда» и так много сделала она. Сделала потому, что сами рабочие стремились распространять ее и все время делали сборы, чтобы парализовать удары, наносимые их газете царским правительством при помощи штрафов и других репрессий. За первый год существования газеты всего поступило сборов на сумму 9,334 р. 49 к. Кто же дал эти сборы? Отчеты о сборах гласят: 79.9 проц. всех пожертвований дали рабочие группы, 20 проц. группы социал-демократической интеллигенции и 0,1 проц. крестьяне.

Здесь ясно, кто был издателем и хозяином газеты. Издателем и хозяевами были организованные рабочие и притом рабочие, стоящие за большевизм против ликвидаторства меньшевиков, ибо доказательством этому служат неопровержимые цифры, показывающие число групповых сборов на газету:

	«Правда»	«Луч»
1912 г.	620	89
1913 г.	2181	661
1914 г. (по 1 апр.)	1217	200
	4018	950

Если к этому прибать, что на Московские большевистские газеты было за 1912 и 1913 г.г. произведено 395 групповых сборов, то большевистские газеты за два года существования «Правды» получили поддержку от 4,413 пролетарских групп.

А меньшевики в то же время пользовались поддержкой рабочих групп в пять раз меньшей, да притом и сами сборы их падали в очень малой степени на рабочие организации. Больше половины сборов на меньшевистские газеты были произведены среди буржуазии и интеллигенции.

Интересны и сведения побывавшего в России Вандервельде, которые он дал о печати в интервью, помещенном 21-го июня 1914 г. в газетах «Le peuple» и «L'Humanité». Он пишет: «социалисты в России имеют 3 газеты. Революционеры (эс-эры) печатают от 10—12 тысяч, ленинисты от 35 до 40 тысяч, умеренные (меньшевики) около 16 тысяч». Т. Ленин в № 6 «Просвещения» 1914 г. расшифровал это для недельного тиража. Получилось:

		%	%
Большевики	240.000	64,5	71,4
Меньшевики	96.000	25,8	28,6
Народники	36.000	9,7	—

Только благодаря поддержке рабочего класса, благодаря живому интересу, который они проявили к изданию и укреплению своей газеты, она могла выдержать штрафы, конфискации, обыски, аресты сотрудников и редакторов, разгром редакции полицией.

Живуч был рабочий класс и живучи его были газеты. Закрывалась одна, выходила другая. За два года «Правда» имела следующие названия:

1) «Правда»,
2) «Рабочая Правда»,
3) «Северная Правда»,
4) «Трудовая Правда»,
5) «За Правду»,
6) «Пролетарская Правда» и
7) «Путь Правды».

За первый год существования подверглись конфискации и привлечению к суду 36 номеров. Штраф был наложен на 16 номеров, на сумму 7,800 р., что при замене дало 78 месяцев тюрьмы редакторам.

За второй год конфискован и привлечен 101 номер, оштрафовано 15 на сумму 6,400 р. или 64 месяца тюрьмы.

«За возбуждение классовой розни» по 1034 ст. газету привлекали 64 раза. «За ниспровержение существующего строя» по 129 ст. привлекали 53 раза.

	В номерах.	Корреспонденц.
„Правда"	59	2472
„Рабочая Правда"	17	916
„Северная Правда"	31	1365
„Трудовая Правда"	20	710
„За Правду"	52	1620
„Пролетарск. Правда"	34	1078
„Путь Правды"	57	2893
	270	11114

Царское самодержавие и буржуазия знали, кого нужно бояться. Это было понятно почему. За последний год в «Правде» было помещено 11.114 рабочих корреспонденций, из которых Петербург дал 7,874, а остальная Россия 3,240. Наибольшее количество корреспонденций падало на сообщения о стачках. За первый год таких сообщений было 2,405, а за последний год 5,522.

В составлении корреспонденций участвовали тысячи рабочих. Корреспонденции писались коллективно. Так росло движение пролетариата вокруг «Правды». Так идеи большевизма захватывали рабочие массы.

По газетам корреспонденции распределялись следующим образом:

(См. табл. выше).

Принципиальные и тактические вопросы рабочего движения освещались в статьях:

По профессионал. движен.	281	стат.
О рабоч. движен. в 20 стран.	271	„
К вопросу о печати	190	„
О страховании	167	„
О либералах и меньшевиках	107	„
Об охране труда	99	„
О свободе коалиции	79	„
О национал. вопросе и школе	76	„
О соц.-демокр. фракции	71	„
О народниках и крестьянск. вопросе	52	„
О женском и детском труде	49	„
О кооперации	40	„
По экономическим вопросам	38	„
О войне	26	„
О 8-часовом рабоч. дне	23	„
Об октябристах	20	„
Об алкоголизме	14	„

Все эти статьи помещены только за второй год существования «Правды». Кроме того, за этот же год было помещено 593 отчета профессиональных союзов и 169 корреспонденций о крестьянской жизни.

Так работала «Правда». Так она формировала общественное мнение пролетариата. Так она живо откликалась на все нужды рабочего класса, давая твердую, выдержанно-марксистскую, решительную революционную линию борьбы.

Когда началась империалистическая война, царское самодержавие уничтожило своего злейшего врага. Голос «Правды» замолк, но толчок, данный ею, но работа ее не пропала бесследно. И в 1917 году она возродилась снова и 5-го марта (18-го по новому стилю) вышел первый номер воскресшей «Правды».

Вся буржуазная пресса, все бульварные листки повели против нее ожесточеннейшую кампанию подтасовки, лжи, клеветы и извращения фактов.

Но «Правда» выдержала, ибо она была преемницей, ибо за ней стояла работа той «Правды», которая просуществовала с 1912 по 1914 год.

Винтовка и револьвер, сабля и пушка нужны рабочему классу, чтобы отвечать на удар ударом, на выстрел выстрелом. Рабочий класс этим научился владеть и создал свою красную армию. Но не менее важна, а сейчас, в условиях современности, еще более важна для рабочего класса печать. По всей земле советской рассыпаны дочери «Правды». Рабочий класс, а также и крестьянство должны всемерно поддерживать, писать и подписываться на свои газеты.

Ибо еще сильны буржуазные предрассудки, велика еще сила мелкобуржуазной стихии, которую нужно победить, которую нужно подчинить, которую нужно раз'яснить для непонимающих рабочему классу. Сгруппировавшись вокруг своей «Правды» в 1912 г., рабочий класс выковал мощное оружие критики буржуазных идей. Благодаря этому он мог успешно критиковать оружием буржуазию во время гражданской войны и теперь, на время отложив винтовку, он должен так же, как в 1912 г., сплотиться сам и вовлечь крестьянство, чтобы его оружие критики—«Правда» и ее дочери, рассыпанные по всей Советской России, могли быстро и решительно сломить все буржуазные предрассудки.

Н. КУЗЬМИН.

Памяти К. Н. Самойловой.

В день юбилея рабочей печати, главным образом газеты «Правда», проломившей впервые брешь для свободного рабочего слова в царистской России, одной из первых следует помянуть Конкордию Николаевну Самойлову, скончавшуюся минувшим летом 1921 года во время агитационной поездки по Волге на пароходе «Красная Звезда».

Вступившая в революционную работу в 1903 году под псевдонимом «Наташи», покойная К. Н. работала в Твери, Одессе, Екатеринославе, Баку и др. городах. Расцвет рабочей печати застал ее в Петрограде. И она взяла на себя скоро обязанности секретаря в газете «Правда». В качестве такового тов. Самойлова стала известна широким кругам питерских рабочих.

Для современных товарищей необходимо отметить, что секретарская работа в то время сильно разнилась от теперешней. Рабочая газета в то трудное время была единственной отдушиной, через которую доходили голоса рабочих с фабрик и заводов. Помещение редакции заменяло тогда до большой степени и партийные явки, и приемные различных профсоюзов, легально не признанных.

Товарищи, приходившие тогда в «Правду», помнят, какая толчея была всегда в маленькой секретарской комнате—какие толпы рабочих, представителей бастующих заводов, професс. союзов, больничных касс и отдельных предприятий приходили туда со своими корреспонденциями, статьями, с жалобами, за советом, а также и со своими пятаками в фонд «Правды». В своих заявлениях по этому поводу они называли всегда газету очень трогательно: «нашей единственной защитницей», «нашей любимой». Шли попросту, как под материнское крылышко, за советом, защитой или только чтобы излить горе. Это совсем не был орган, ведавший лишь литературные дела, дававший лишь литературные советы, хотя и эти последние брали немало времени и помогли выковать многих известных впоследствии рабочих писателей. Шли туда и штрейкбрехеры со своими повинениями, с просьбами к товарищам простить и принять опять в свою среду.

Вследствие этого круг деятельности т. Самойловой был чрезвычайно широк: все эти толпы проходили через ее комнату. Приходили к ней и безграмотные или малограмотные представители, которых надо было выслушать и записать корреспонденцию с их слов. Своим чрезвычайным вниманием и участием к их нуждам она привлекала все более и более широкие массы к газете «Правда» и к нашей партии. Здесь же, в этих дружеских беседах, было заложено ею и зерно тех организаций женщин-работниц, в работе для которых, по справедливому мнению ряда товарищей, она нашла поистине самое себя.

«Работница» 14-го года, из редакции которой она была, к сожалению, из'ята скоро арестом, а позднее, после революции, «Работница» 17-го года и широкая массовая организация работниц как в Петрограде, так затем и в провинции, были созданы до большой степени по ее инициативе, обязаны ей чрезвычайно многим. К составленному женотделом сборнику ее памяти посыпались воспоминания работниц как из Петрограда, так и с Украины, как из Иваново-Вознесенска, так и с Поволжья. Смерть застигла Конкордию Николаевну на этой же любимой ею работе, на агит-пароходе «Красная Звезда», на котором она об'езжала местные женотделы, налаживала их, выступала на митингах и агитационных собраниях среди широких, только начинающих сознавать себя и понимать партийные задачи женских масс.

Она скончалась во время об'езда астраханских рыбных промыслов от холеры и, по странному совпадению обстоятельств, нашла свою могилу рядом с могилой своего мужа, Аркадия Александровича, писавшего в «Правде» под псевдонимом «Юрьев», скончавшегося в 1919 году от тифа,—могилы которого она в прежние приезды свои в Астрахань найти не могла.

Смерть тов. Самойловой оставила большой пробел в работе наших коммунистических женотделов,—пробел, который не скоро будет заполнен.

А. ЕЛИЗАРОВА.

«Правда» и массовое движение сознательного пролетариата в России неразрывно связаны между собою: работать в „Правде" значит работать в массовом движении; а работать в массовом движении значит прямо или косвенно работать в „Правде".

М. Ольминский.

Моя работа в „Правде" в 1912 г.

В редакции «Правды» я работал с выпуска первого номера в 1912 г. Я был послан туда работать коллективом печатников-большевиков после закрытия петроградского союза печатников, секретарем которого я состоял.

Наш союз был закрыт за четыре месяца до начала выхода «Правды». Отсидев после закрытия союза месяц в «Крестах», я вместе с другими членами правления был лишен права жительства в 52 пунктах России, в том числе и в Петербурге. Но из Петербурга убираться не хотелось и поэтому пришлось приспособиться на нелегальное положение, и когда меня послали в редакцию «Правды» в качестве ответственного корректора работать ночью, то я с величайшим удовольствием согласился на это.

Теперь кажется прямо удивительным, как быстро смог сорганизовать петербургский пролетариат свою газету. Газетное дело требует крупных капиталов вообще, а на издание «Правды» большие деньги нужны были в особенности. Дело в том, что для буржуазных газет большим подспорьем служат об'явления, а для «Правды», которая громила капиталистов, ожидать от них помещения об'явлений, конечно, не приходилось. Кроме этого, сильно увеличивали расходы редакции почти беспрерывные конфискации номеров.

Средства все-таки находились. Они текли беспрерывно в виде регулярных отчислений и пожертвований от рабочих фабрик и заводов.

Работу в редакции «Правды» нельзя было назвать легкой. Никакая газета того времени не имела такой связи с местами, столько сотрудников-корреспондентов, сколько небольшая по размеру «Правда».

Газетный материал, написанный непривыкшими к письму, грубыми мозолистыми рабочими руками, был в большинстве недостаточно грамотно изложен и поэтому требовал большой обработки.

Но несмотря на исключительную трудность, работать было все-таки приятно. Чувствовалась поддержка большей части российского пролетариата. Денежные пожертвования, вороха писем и корреспонденций лучше всего доказывали, за кем идет революционный рабочий класс.

Позже, в 1917 г., когда я снова работал в «Правде», я убедился, что так же крепко за «Правду» стояла и фронтовая армия. Это было в ночь на 5-е июля, когда петроградский пролетариат временно потерпел поражение. В эту ночь, вместе с некоторыми сотрудниками, я был арестован ворвавшимися в редакцию юнкерами. Нас отвели в штаб округа, куда были перенесены конторские книги и, между прочим, два ящика. Когда эти ящики раскрыли, то оказалось, что они были наполнены георгиевскими крестами и медалями, которые были пожертвованы солдатами в пользу «Правды».

Офицеры и юнкера, вскрывшие ящики, были и смущены и поражены, а мы стали еще более уверены, что несмотря на поражение, мы победим.

Уверенность в поддержке пролетариата чувствовалась во всем и облегчала работу сотрудников редакции «Правды» 1912 г. А затруднений в то время было не мало. «Правда» была бельмом на глазу у так называемого буржуазного «общества». Ее ругали, на нее не стеснялись кивать начальству даже либеральные газеты.

Репрессии административной власти в виде закрытий газеты, штрафа, конфискаций сыпались как из рога изобилия. Каждое закрытие газеты требовало подыскания нового ответственного редактора. А быть в то время редактором «Правды»—это значило быть вернейшим кандидатом в кутузку. И все-таки эти редакторы находились, и они были от первого редактора, наборщика той же типографии, где печаталась газета, до последнего в 1917 г.—простыми рабочими. Что бы не переставала говорить «Правда», эти рабочие жертвовали своей свободой. Эта категория рабочих, как одна из разновидностей активных революционеров, весьма любопытна, и непонятно, почему эти «редакторы» в нашей по-революционной печати недостаточно описаны.

Сильно мешали «Правде» конфискации, которые производились и по распоряжению и без распоряжения административной власти. Пришлось придумывать такой аппарат распространения газеты, который гарантировал бы газету от конфискаций. У печатников в этом отношении дело устроилось довольно сносно. У меня была знакомая фальцовщица, Марфуша Михайлова, которую я уговорил взять на себя распространение газеты по петроградским типографиям. Она согласилась, и каждое утро рано-рано Марфуша ухитрялась проносить узлы с газетами и распространять их среди печатников.

Где—ты, беспартийная, но честная, революционерка? Куда занес тебя вихрь революции?..

Типография, где печаталась «Правда», была под усиленным наблюдением шпиков. Напротив типографии, в чайной, они устроили наблюдательный пост, у ворот типографии они дежурили—то под видом уличных торговцев, то в качестве легкового извозчика, и т. д.

Между представителем полиции и шпиками однажды произошло курьезное столкновение. Рано утром помощник пристава делал обход своего участка. Подойдя к типографии, он сел на стоявшего у ворот извозчика и приказал ему ехать. Тот грубо отказался. Помощник вспылил, полез на извозчика с кулаками, но тут выскочили из чайной шпики и стали заступаться за извозчика. Наконец, вся ватага скандалистов очутилась в участке, где и выяснилось, что извозчик был просто шпик. Помощник пристава за свое несдержанное поведение был потом градом уличных торговцев, то в качестве домашнему аресту.

Мне тогда пришлось проработать в редакции «Правды» три месяца. Кончилась моя работа таким образом. В одно непрекрасное для меня утро я шел к себе на квартиру. Отойдя несколько от типографии, я был арестован двумя шпиками. Меня сперва отвели в участок, на другой день в охранку, а оттуда—в предварительную тюрьму. После трехмесячного сидения, меня, как нелегально живущего в Петербурге, отправили в Ригу под гласный надзор на два года. Но прервать связь с «Правдой» полиция все-таки не смогла, так как в Риге я стал корреспондентом «Правды».

А. ТЕНС

Распространение газеты „Правда".

Первые номера «Правды» печатались в количестве 80 — 85 тысяч экземпл. Впоследствии, благодаря многочисленным преследованиям не только самой газеты и ее сотрудников, но и подписчиков и даже просто читателей, тираж понизился и в течение последующих двух лет колебался в пределах 40—50 тысяч, падая в моменты особенно сильного преследования до 35 и поднимаясь в моменты острого под'ема рабочего движения до 60 тысяч в день. Из этого количества приблизительно половина расходилась в Петрограде, а вторая половина по всей рабочей России, от Архангельска до Баку и от Риги до Владивостока. Здесь не лишнее будет заметить, что меньшевистская газета «Луч»—«Рабочая Газета», одновременно издававшаяся, печаталась всего в количестве 10—12 тысяч экз., из них 2—3 тысячи расходились в Петрограде, остальные отсылались в центры меньшевистского засилья, главным образом, на юг.

Уменьшение тиража «Правды» ни в коем случае не следует отожествлять с уменьшением количества читателей: чем труднее было получать, вследствие полицейских репрессий, в том или другом рабочем пункте газету, тем большее количество читателей обслуживалось каждым экземпляром. На многих фабриках и заводах провинции существовали специальные кружки «Правды», члены которых собирались для чтения газеты, обсуждения прочитанного. Эти же кружки обычно организовывали подписку, собирали пожертвования [illegible] и посылали корреспонденции [illegible] По самому грубому подсчету, в среднем, на 1 экземпляр «Правды» приходилось не менее 10 читателей.

Такие же Правдистские организации, обычно «тройки», существовали на многих наиболее крупных фабриках и заводах. Тройка состояла преимущественно из партийных товарищей. По соглашению с редакцией все корреспонденции с данного предприятия, во избежание лживых сообщений и провокации, печатались после просмотра членами тройки; это особенно важно было в моменты забастовок, когда неверное сообщение могло провалить все дело.

Условия распространения газеты как в Петрограде, так особенно в провинции были чрезвычайно тяжелы. Приходилось преодолевать не только целый ряд препятствий, предусмотренных многочисленными законами и правилами о печати (преодолеть их не так было бы уж трудно) но, главным образом, приходилось бороться с вопиющим произвольным нарушением их, с безудержным, ничем не наказанным разгулом дикого усмотрения со стороны цензуры, жандармов, полиции и даже почтового и железнодорожного ведомства.

Одно только учреждение относилось к нам сравнительно корректно—это инспекция по делам типографий [illegible] начальстве. Но на то были особые причины: начальник инспекции, горький пьяница и великий взяточник, генерал Буровской не без огорчения говаривал, что «Правда» для него одни только соблазн и убыток— [illegible] ничем облегчить [illegible] участь он не может, судьбами газеты распоряжается высшее начальство, а [illegible] пропадает хороший доход. Так и колебался он два с половиной года [illegible] ничего с газеты не получит.

Никогда не было уверенности, что номер, даже не конфискованный, дойдет до адресата. Каждый бурбон губернатор, каждый держиморда жандарм, каждая полицейская шайка считала своим прямым долгом воспретить распространение газеты в его владениях, конфисковать, изъять, нередко вместе с читателем. В некоторых губерниях (если не ошибаюсь в Рязанской и Тульской) губернаторами был издан секретный приказ, запрещающий земской почте перевозить «Правду». Во многих почтовых отделениях чиновники, очевидно, получив соответствующие инструкции, отказывались принимать переводы с подпиской, то под предлогом, что газета закрыта, а то просто «Нечего такую чепуху читать. Выписывай «Свет» или «Сельский Вестник», и дешевле, и лучше». Требовалась большая доля сознательности и много гражданского мужества состоять подписчиком «Правды». Жандармы повсюду вели проскрипционные списки подписчиков и в дни революционных выступлений рабочих производили по ним обыски и аресты.

В редакцию десятками приходили письма, особенно из деревни, «Очень бы хотелось почитать дорогую газету «Правду», да выписать по почте невозможно—газету не отдадут и самого пожалуй заберут. Нельзя ли как по секрету». И редакция высылала легальную газету «по секрету», в закрытых конвертах, в посылках, вкладышем в другие газеты и т. д.

Здесь не лишним будет отметить, что рабочая газета «Правда» имела довольно значительное распространение в деревне среди крестьян, особенно последний год. В [illegible] был заведен даже специальный крестьянский отдел.

Несмотря, как я уже указал, на каторжные условия распространения «Правда» могла считать себя всероссийским рабочим органом. [illegible] Центральный Комитет [illegible] одно из самых [illegible] каким едва ли [illegible] нелегальная партия [illegible]

[illegible] что на всей обширной территории России не было ни одного рабочего уголка, куда не попадала бы [illegible] хотя бы в единичных экземплярах [illegible]

[illegible] гиганты как Иваново-Вознесенск, Донбас, Урал, Баку, Екатеринослав, Брянск, Николаев, Рига и т. д., получали «Правду» сотнями и тысячами экземпляров. Баку, например, в 1914 год выписал до 3,000 экземпляров.

Связь между количеством получаемых газет и корреспонденциями была самая тесная. На редкой заметке не было приписки: «когда напечатаете про наш завод, пришлите нам столько-то экземпляров сверх заказа». Даже в Петрограде появление корреспонденции с того или другого завода вызывало увеличение розницы в его районе. Так, на Путиловском заводе увеличение в такие дни достигало до 3,000 экз., на Балтийском—тысячи полторы и т. д.

Каким громадным авторитетом пользовалась «Правда» и какое значение имели корреспонденции с мест, можно судить хотя бы по такому факту: когда появлялась в газете корреспонденция из Риги с завода «Проводник», петроградская контора «Проводника» немедленно извещала об этом дирекцию завода по телеграфу и по просьбе последней угодливая рижская администрация почти всегда конфисковывала номер на вокзале, независимо от того, пропущен он центральной цензурой или нет. Впрочем, и здесь, как и повсюду и всегда рабочие оказывались значительно умнее и изобретательнее капиталистов: в этот день для отвода глаз посылали незначительное количество экземпляров газеты, а весь заказ шел на следующий день по другому адресу.

Существовала весьма хитроумная и сложная система распространения газеты, добытая ценой многочисленных конфискаций и арестов и самым тщательным изучением условий получения газеты в той или другой местности.

В один город газету можно было посылать только посылками по почте, был свой человек в почтовой конторе, в другой, например, в Ригу,—исключительно багажом, свой товарищ был на железной дороге. В Харьков посылались на имя жены депутата Муранова из совершенно правильного расчета, что с депутатом побоятся связываться, в Баку—в специальных посылках, ежедневно меняя адреса получателей в порядке определенной очереди. На текстильную фабрику Анны Красильниковой, откуда был депутат Шагов, газета посылалась не в село Родники, где находилась фабрика, а в соседнее почтовое отделение—начальство там было полегче и т. д. Все посылки зашивались обязательно в коленкор из предосторожности, не провалить, если ящик сломается. Сдавались посылки не все сразу на почтамте, а в 5—6 отделениях по 3—5 посылок в каждом, причем почтовые отделения по возможности ежедневно менялись и с посылками нередко приходилось ездить на Петроградскую сторону, Васильевский Остров и проч.

Специальные номера, посвященные Донбасу, Уралу и проч. отправлялись большею частью с нарочными. Таким же порядком отправлялись нередко конфискованные номера в Москву, Тверь и друг. попутные пункты.

В Петрограде только примерно половина тиража распространялась через газетчиков, остальная же часть шла непосредственно на фабрики и заводы, где сами рабочие организовывали коллективную подписку и розничную продажу внутри предприятий. Особенно хорошо в этом отношении была с'организована Выборгская сторона, Московская застава и Сестрорецкий завод.

К 4 часам утра являлись рабочие в типографию и, навьючив на себя пуда 1½—2, или пешком за много верст к себе на завод. В громадном большинстве рабочие подписчики несли эту повинность по очереди, совершенно безвозмездно, а деньги, следуемые за доставку, жертвовали в фонд газеты.

Особенно много сил и средств тратилось на распространение конфискованных номеров, а таких номеров было в среднем один на четыре, за исключением отдельных периодов, когда пропорция была обратная. Так, из 17 номеров «Рабочей Правды»—12 было конфисковано.

По уставу газета посылалась в цензуру одновременно с первым выпуском номера из типографии. Экспедитору приходилось весьма сложно комбинировать и проявлять максимум находчивости и ловкости. Нельзя было посылать в цензуру слишком рано: не успеешь до прихода полиции напечатать нужное количество, с другой стороны, нельзя задерживать—газета не успеет к выходу рабочих на заводы, получится большой возврат, лишние экземпляры, лишний расход на бумагу и печать. Средства всегда были в обрез и приходилось весьма и весьма экономить. Самое же главное, необходимо было: 1) выиграть возможно больше времени с момента отсылки номера в цензуру до получения его цензором и 2) знать о конфискации по крайней мере минут за 20 до прихода полиции, чтобы успеть все напечатанное сплавить и спрятать.

Надо отдать справедливость, что в этой области после нескольких первых недель выучки была достигнута высокая степень совершенства. Экспедиторы проявляли буквально чудеса изобретательности и чисто художественной виртуозности при спасении конфискованных номеров.

Газета посылалась в цензуру с семидесятилетним сторожем Матвеем. Туда (с Ивановской на Чернышев пер.), он обязан был итти не менее 1½—2 часов. Устав от нестоль далекого, сколь долгого пути, он оставался в цензурном комитете «отдыхать» и зорко наблю[дал], чем кончится читка номера. Если [illegible] «Правду», принимался за [illegible] газеты, Матвей спокойно отправлялся восвояси пешком. Если же читка заканчивалась звонком по телефону в 3-й Московский участок, Матвей [illegible] на углу Ивановской и Загородного появлялся Матвей на извозчике, начиналась самая горячая и ответственная работа: газета быстро вывозилась, выносилась или пряталась тут же в типографии. Когда появлялась полиция, машина уже не работала, и в экспедиции было пусто. Для «протокола» оставляли экземпляров 30—40; такое же количество полиция улавливала еще в конторе газеты.

За все время существования «Правды» я помню не более десятка случаев, когда конфискация застала нас врасплох, и полиции удавалось захватить по несколько тысяч экземпляров. Обычно же при тираже в 45—50 тысяч в день конфискации печаталось и расходилось не менее 25—35 тысяч. Даже в особо боевые дни, как 1-е мая 1912 г., 4-го, 8-го июля 1914 г., когда жандармы чуть не с вечера тесным кольцом окружали не только типографию, но и ротационную машину, много тысяч номеров ускользало у них из-под носа и распространялось по Питеру и всей России. Все же конфискация наносила громадный ущерб газете. Почта подписчикам, багаж провинциальным контрагентам не отсылались. Полиция отбирала номера у розничных газетчиков, газетные артели входили в сделку с полицией и сильно злоупотребляли: конфискует околоточный несколько десятков, а расписку даст на несколько сот, и затем это количество списывалось со счета.

Должность экспедитора в типографии была одна из самых трудных и ответственных должностей в газете и не даром ее занимали такие беззаветно преданные работники, как Николай Иванович Смирнов—заведует сейчас Секретариатом Ц. К., Алексей Леонтьев—Председатель Совнарсуда в Петрограде, Виктор Тихомиров—умер в 1919 г. в Казани, Михаил Чичканов—был председателем Тамбовского Губисполкома, убит бандитами.

[illegible] помощь со стороны всех рабочих и особенно рабочих типографии.

Необходимо отметить ту выдающуюся роль, которую играли рабочие типографии (ныне 14-я государственная), в издании и распространении газеты. Все они, начиная с метранпажа и кончая стереотипным и машинными рабочими были горячими Правдистами. (На меньшевистском «Луче» только верхушка 4—5 человек были лучистами). Сколько раз являлись они на работу в самые большие праздники, если требовалось по политическим соображениям в этот день выпустить газету.

По инициативе самих наборщиков в дни всеобщих забастовок, протеста, «Правда» выходила и была часто единственной газетой на улицах Петрограда. Какую изобретательность и находчивость проявляли рабочие, утаскивая газету из-под носа жандармов и полиции! Сколько десятков, может быть и сотен тысяч номеров было вынесено ими в дни неудачных для нас конфискаций за ворота под рубашкой! И все это, разумеется, всегда с риском быть по меньшей мере уволенными, а вернее арестованными и высланными. Первый ответственный редактор «Правды» был наборщик газеты.

Два года и [illegible] длилась непре[рывная борьба между цар]ским правительством, вооруженным всеми ударными орудиями [illegible] капиталистического государства, и маленькой рабочей газетой, защищенной только стальной волей русского рабочего бороться за «свою Правду» до победного конца. Война прервала эту героическую борьбу, и казалось, царь победил рабочих. Но не надолго; через два года и [illegible] пролетариат мощным [illegible] царя, а еще через 8 месяцев [illegible] капитала. Как [illegible] [illegible]

[illegible] типография МГСНХ. Тверская, 48.

Далекое — близкое.

Наша партия выросла в громадную мировую силу. По размаху своей работы, об'ему задач она далеко перехлестнула узкие российские рамки. Сквозь огонь революции и сечу жестокой гражданской войны она закалилась и окрепла, как никогда. Она стоит сейчас, как гранитная скала, о которую тщетно разбиваются набегающие на нее одна за другой волны буржуазной ярости и контрреволюционного бешенства.

Ее стальные мускулы и ее крепкая «кремневая» революционная воля — есть результат длительной борьбы десятилетий, есть результат ее собственной истории.

«Правдизм», т.-е. питерский период партийной борьбы, связанный с газетой «Правда» (с 1912—1914 г. г.), есть несомненно один из наиболее ярких периодов ее жизни, к тому же он является как-бы увертюрой к вооруженному восстанию питерских рабочих в 1917 году...

Партия, создавшая газету «Правда» и из этого крепкого бастиона громившая твердыню самодержавия тысячами газетных листков, выбрасывавшая в массы идеи пролетарской революции, может смело смотреть в глаза истории. Но этот ее период нельзя мерить сегодняшним аршином. Он был значительно иной. По своему составу партия была в подавляющей степени пролетарской. Интеллигенция была одна горсточка испытанных товарищей, доказавших свою преданность рабочему делу в период реакции после 1905 г. Нелегальные партийные собрания, рабочие клубы, страховые кассы, профсоюзы и, наконец, являвшаяся бельмом на глазу полиции сама редакция «Правды»,—вот где встречались тогда наиболее активные товарищи и где устанавливались прочные партийные нити, где закреплялись подчас с двух слов в промежутке мимолетных рукопожатий и беглого обмена новостями, прочные узлы партийной работы. Дальше шли крепкие нити на заводы, живущие в своих недрах особой суровой пролетарской, сосредоточенной жизнью, тяжело, но крепко переваривавшие доходивший до них агитационный материал.

Нам, работникам в области газетных легальных или, лучше сказать, полулегальных возможностей, по характеру работы, редко приходилось особенно глубоко окунаться в жизнь масс. Но, несмотря на особые условия работы и партийные директивы, заставлявшие искусственно изолировать себя от «комитетской» и прочей работы, личная связь с низами была более тесной и непосредственной, а голос масс слышался подчас более отчетливо и явственно, чем даже сейчас.

Психологически сравнивая то время и наше, можно установить, примерно, такое различие между этими периодами:

Тогда партия представляла из себя как бы юношу, где все бурлит, который с трудом сдерживает себя и готов тратить массу энергии. Сейчас во всех движениях партии чувствуется осторожность бойца вполне возмужалого, рассчитывающего каждый свой шаг, бьющего может быть и больнее, может и наверняка, но уже знакомого с тем, что такое усталость; нуждающегося время от времени хотя и в маленьких, но передышках.

Всего 10 лет прошло с момента рождения газеты «Правда», но многие подробности уже «в тумане». Чем-то далеким, но в то же самое время и близким, веет от этого недавнего прошлого. Постараюсь изобразить несколько наиболее ярких моментов, [illegible] вшихся в воспоминании.

Ночная редакция.

Ночная редакция являлась одним из интересных моментов формирования газеты. Зачастую, особенно в первый период, передовые статьи писались тут же, а иногда формировалась вся статейная головка номера.

В первое время в ночной редакции почти главную тяжесть выносил на себе Степан Степанович Данилов — «Стакан Стаканович», как в шутку называла его наша литературная братия. Он и чтец, и жнец, и в дуду игрец... Поражает [illegible]

[illegible] Каждодневно приходит на выпуски Николай Гурьевич Полетаев, так сказать, хозяин газеты, роль которого, как газетного организатора, [illegible] была незаменима. [illegible]

[illegible] Сказано — сделано. Иногда заходит Михаил Степанович Ольминский, — представляющий собою как бы самую душу «Правды», воплощающий ее революционное горение в своей собственной [illegible] личности. В разное время систематически бывали в ночной редакции также [illegible] С. Сосновский, К. С. Еремеев и др.

Идут ночные часы и чем ближе к раннему утру, тем нервнее идет работа, [illegible]

вдесятеро внимательнее царской следит за тем, чтобы не пропустить криминал и не напороться на «статью» Уголов. Уложен.? Товарищи прикидывают общим взглядом первый лист. Совещаются, подчас опять начинают вытравлять отдельные выражения, вызывающие сомнения.

Наконец, все выправлено, стремглав несутся листы в корректорскую и дальше. Много волнения, беспокойства и забот порождает каждый номер. [illegible] людей волнуется, кипятится, иногда страдает за свою рабочую газету, чтобы утром могли прочесть ее тысячи питерских пролетариев, чтобы можно было донести ее ценный груз до сознания масс раньше, чем придет «околодок» из участка в сопровождении подозрительных малых и не распорядится сонным и хриплым с перепоя голосом разбивать стереотипы: «Номер конфискован!»... «Расходись!»... И вереница добровольных газетчиков, присланных фабриками и заводами, медленно и печально уходит назад. Зато так хорошо и весело бывает иногда в редакции, особенно когда есть возможность потолковать и посмеяться. Вот гляди откуда-то выплыла фигура Демьяна Бедного, попавшего как раз во-время, на редакционное чаепитие. Он выбрасывает точно фокусник из своего «нутра» новую басню.

— «Хорошо, но немного кусается!» «Как бы не того, не ахнули... Ну, может пройдет»... Басня исчезает в наборной.

Так идет круговорот ночной редакционной работы до первого восхода солнца. 4-я полоса спущена. Если еще рано, сходишь в машинную, а там уже шумит американка, ловишь газету и выходишь на улицу. Обдает свежий утренний ветер.

Днем.

«Правда» есть понятие продукт коллективного творчества. Не говоря уже о том, что половина передовых статей писалась за границей, половина фабриковалась здесь. Таким образом, она являлась совместным продуктом заграничной редакции Ц. К. и усилий российских товарищей. Очень часто в поисках наиболее легальнейшего выражения, наиболее криминальных идей приходилось проделывать со статьями удивительные манипуляции. Смотришь, то начало заграничной статьи выброшено, как явно не цензурное, и написано новое, то, наоборот, кончик совершенно закруглен иначе. Но и со стороны ведения газеты: какая беспрерывная вереница имен и жерт. Ибо, особенно впоследствии, стало почти законом (правда, охранного порядка), что товарищи, принимающие наиболее близкое участие в газете, не засиживаются на редакционных стульях более 3—4 месяцев максимум. Лишь проклятой памяти провокаторы Малиновский и Мирон Черномазов были избавлены от этой участи. Но и тут, несмотря на полную безопасность быть узнанными, какое-то инстинктивное недоверие их окружает. Какой-то молчаливый контроль за всем их поведением.

В редакции газеты последовательно принимали участие М. С. Ольминский, Н. Г. Полетаев, С. С. Данилов, С. М. Закс, К. С. Еремеев, К. Н. Самойлова, А. А. Самойлов, В. М. Молотов, Н. Н. Батурин, Я. М. Свердлов, А. С. Бубнов, К. Сталин, Р. Малиновский, М. Черномазов, Г. И. Петровский, Н. В. Крыленко, Н. А. Скрыпник, М. А. Савельев, Л. Б. Каменев и многие другие. При чем ряд товарищей то исчезает, то опять выплывает на сцену. А параллельно идут конфискации, аресты официальных редакторов, привлечения к ответственности издателей, закрытие одних наименований, открытие других.

Интересно появление на сцену в качестве редактора «Правды» Я. М. Свердлова. За границей периодически были недовольны «Правдой», и имели к тому, конечно, основания. Покойный Яков Михайлович, получивши в качестве русск. члена Ц. К. предложение «подтянуть» газету, принялся за дело со свойственной ему энергией. Он посовещался с товарищами и решил сам заняться этим делом. Но так как заходить в редакцию, будучи на положении нелегального, он не мог, то условился, что к нему будут доставлять время от времени весь необходимый [illegible] материал. Недолго, впрочем, пришлось ему редактировать газету таким порядком. [illegible]

Мне лично приходилось в газете работать больше во второй период ее существования. Я много занимался выпуском газеты и редактированием ее с средины лета 1913 года. Газета в это время окрепла и, несмотря на то, что на нее сыпались отчаянные репрессии, заставлявшие ее во время менять вывеску, [illegible] она боролась и боролась чрезвычайно успешно.

Днем в «Правде», пачечная, впрочем, в общей сложности, всегда толкучка. У К. С. Еремеева и Н. Н. Лебедева (т. е. «Митяя»), где [illegible] хроника и давались корреспонденции с фабрик и заводов, особенно оживленная жизнь. В редакционной комнате, ближе к вечеру, начиная с пяти часов, формируется состав номера, намечаются темы, составляются «подвалы», пишутся статьи. Ни одна легальная партийная кампания не проходит мимо газеты. Выборные думские кампании, страховые и проч., какой громадный отклик получают они в газете!

Но всегда газета ведется достаточно [illegible] последние материалы, но за немногими исключениями, всегда интересно, всегда последовательно революционно. Такой полный контраст с остальными газетами и, в частности, с «Лучом», обладавшим несравненно большими литературными силами, [illegible] политикой и интеллигентными увертюрами, со скучными и нудными для рабочих [illegible]

Время от времени устраиваются в «Правде» редакционные собрания, но [illegible]

[illegible]

всегда с опаской, что таковые могут быть захвачены полицией, как незаконные сборища. Насколько помнится, в общем они сходили все-же благополучно. Темы собраний, конечно, далеко выходили за узко редакционные вопросы. Пути развития революции, пути рабочего движения, участие и роль в нем партии,—вот основные вопросы собеседований. Резкость революционной постановки вопросов соответствует резкости классовой борьбы, развертывавшейся в Питере в форме борьбы двух сплоченных фронтов.

«Правда» шла застрельщицей в этой борьбе, она сплачивала и об'единяла десятки и сотни тысяч революционных пролетариев. Она зажигала революционным пожаром сердца. Она шла впереди, оформляла революционное сознание рабочего класса, в этом — ее громадная заслуга перед партией и революцией.

М. САВЕЛЬЕВ.

За 10 лет работы „Правда" воспитала целое поколение передовых рабочих, управляющих ныне великой страной.

Пусть нам укажут другой орган печати, который получил за это десятилетие такое историческое значение, как наша „Правда"!

Пусть назовут нам другую газету, которая так неразрывно связана с историей великой революции, как „Правда"!

Да здравствует „Правда"!

Г. Зиновьев

Воспоминание о „Правде".

Первое мое знакомство с «Правдой» началось столкновением. В 1912 году я приехал в Петроград и, конечно, первым делом пошел в редакцию. К несчастью моему, в этот день было воскресенье. Редакция помещалась на Ивановской. С улицы заперто. Со двора постучался. Вышел Леонтий.

— Что нужно?

— Я депутат, хочу повидаться с редактором и вообще с товарищами.

— Нет никого.

Дверь перед моим носом захлопнулась и я, провинциал, с несколько охолонувшей душой, ушел ни с чем.

Потом вскоре началась передача товарищем Полетаевым «Правды» в наши руки, и события партийной и думской деятельности захлестнули все. Редакция же как-то попала под управление группы литераторов. ЦК потерял свое руководство, газета делала промахи. Это дало лишний повод ликвидаторам нападать на большевиков. От тт. Ленина и Зиновьева получались письма, требовавшие от нас руководства. А мы были все рабочие депутаты, а не писатели. Однако, бразды правления нужно было взять. Малиновский их и взял. Однако, дело не клеилось. Живя нелегально и скрываясь по квартирам депутатов, редактировать «Правду» тт. Сталину и Свердлову оказалось трудно. А во фракции дело шло на разрыв между нами, 6-ю рабочими депутатами и семеркой ликвидаторов. Газета приобрела значение серьезного орудия. Чем дальше, тем меньше Малиновский удовлетворял требованиям ведения ее. Как быть? Решили поставить этот вопрос на совещании в Кракове. После первого совещания, которое неважно прошло, к нам приехала Размирович, а потом окольными путями и знаменитый Черномазов, да еще с письмом к редактору. Был один провокатор, стало два.

Надо правду сказать: как Малиновский, так и Черномазов были антипатичными людьми для всех нас и, как потом мне говорил тов. Оржаникидзе на январской конференции, тов. Ленин противился выборам Малиновского в ЦК, но наперекор ему Малиновского выбрали, а главное раздували его значение. Надо сказать еще, что Малиновский в понимании практического и профессионального рабочего движения стоял выше нас всех, но в области теории был полный болван, почему и стал быстро сходить на-нет. Но, главное, при двух редакторах «Правда» еще больше делала промахов и со стороны Ильича все укоризненнее и грознее шли письма о неряшливости газеты. Однако, несмотря на преднамеренные действия со стороны двух провокаторов дискредитировать «Правду», им это не удавалось. Всем памятно тяжелое, а вместе с тем и радостное положение 5-ти депутатов, которые были в Думе рупором ЦК, а в стране агентами его на всю Россию. Радостно же наше положение было тем, что в начале откола от семерки отхлынувшие-было рабочие потом в таком громадном, подавляющем большинстве поддерживали нас и «Правду», что кружилась голова. Вкладные листы: «Уральские Рабочие», «Шахтер», «Пролетарий Иглы» и т. д., создали такой сильный магнит для рабочих, что они тянулись к нам со всех концов огромной страны. Рабочие Питера и Москвы полностью шли за «Правдой». Не покидала нас инициатива и в других областях работы. Мы провели анкету о положении рабочих и выпустили целый ряд изданий «Спутник рабочего», серию открыток и пр., но сил интеллигентских у нас почти не было. Свердлов, Сталин (Алексеев), Сосновский, Асник, (Скрыпник) охранкой не щадились. М. С. Ольминский, которого по старости лет щадила охранка и который, как вол, тянул всю работу «Правды часто надрывался и болел. Первые же, как метеоры, блеснув у депутатов, закатывались в предварилку. На втором совещании Малиновский совсем обанкротился. Получилось отчуждение от него, и он сам это почувствовал. Вместе с тем произошло и распределение функций по «Правде»: меня заставили работать в редакции, т. Бадаева в хозяйственных делах. Но Черномазов был во главе первой редакции, потом второй. Т. Ольминский мне решительно заявил, что Черномазов либо провокатор, либо дурак. В том и другом случае Черномазова надо прогнать.

— Поверьте мне,—говорил т. Ольминский,—как старому литератору, что если я это говорю, то это верно.

Положение было критическое: редактора не было. Невероятными усилиями, а подчас и унижениями, удалось нам т. Каменева легализовать, и он приехал. Вскоре я сделал доклад во фракции о положении редакции. Фракция поручила мне сменить немедленно Черномазова. Дня два-три провел работу т. Ольминский, а потом, согласно решению ЦК, т. Каменев вступил в редакторы, однако, с условием: никакой нелегальной работой не заниматься. Тут-то депутаты отдохнули, но не надолго. «Правда» же поднялась в тираже до 45—50 тыс., и если бы так годок поработать, то и депутаты бы в силенку вошли, и под руководством т. Каменева выработались бы и редактора. Но события иначе повернули дело. При т. Каменеве была встреча в редакции «Правды» Вандервельде, которому мы решили показать свои силы и представили ему все президиумы и председателей правлений крупнейших профсоюзов, после чего Вандервельде сам признал, что за нами, большевиками, идет подавляющее большинство рабочих. Еще до ареста депутатов и т. Каменева до конференции было устроено несколько тайных партийных собраний. Арест же всех рабочих депутатов с т. Каменевым и другими был организован третьедумским депутатом-провокатором Шуркановым. Вся редакция «Правды» и хозяйственная часть были арестованы.

Настоящее воспоминание о «Правде» и об организации редакции ее написано в самом сжатом виде. Бесспорно, всеми, и даже меньшевиками, было признано, что «Правда» была действительно рабочей газетой. Это признавал и Вандервельде. Последовательно отсюда делать для себя соответствующее заключение ему помешали интеллигентские связи, как в свое время Плеханову это помешало сблизиться с т. Лениным (по вопросу редакции «Искры» и сейчас есть немало примеров, из коих видно, как личные связи и групповая привязанность вредно отзываются на партии и пролетарском движении). Я не прохожу мимо многих фактов борьбы за редакцию «Правды» лиц и групп: Алексинского, Богданова, так называемых межрайонцев, плехановцев и меньшевиков. Это будет написано в истории партии. Туда же войдут наши ошибки и колебания. Но напряжением воли ЦК и пролетарским инстинктом самосохранения «Правда» отбивалась, наступала и все время завоевывала рабочие массы всей России для современной коммунистической работы.

Г. ПЕТРОВСКИЙ.

В 1912-14 годах, когда возникла „Правда", она была боевым знаменем большевизма.

Тогда большевиков называли „правдистами".

С „Правдой" росло целое поколение революционного пролетариата, которое уверенно совершило октябрьскую революцию на славу, радость и победу пролетариата — да здравствует „Правда"!

В. Молотов (Скрябин)

Молодые побеги.

(Из воспоминаний).

Каждый раз — вспомню о Петербурге — и затопит сердце радость, теплота особенная, какой теперь не знаю, этот дом на Ивановской, такой сумрачный с виду и такой открытый, приветливый внутри: «Правда».

Тогда еще не лысела моя голова, морщины не изрезали лба, и хотя ходил голодный и по многу дней сидел на хлебе,—в голове курчавились свежие мысли, задорные, молодые, и радость глядела из меня и на меня.

Войдешь по лестнице и уже слышишь гул голосов: рабочие, служащие стоят, говорят, курят; как свечки, глаза их; тот принес рукопись, тот за справкой; иной сам не может написать и явился, чтобы высказать на словах о непорядках на заводе, о том, что газету не дают читать, конфискуют у ворот; тот принес деньги,—собрали по подписке на заводе в поддержку газеты, а вот идут пролетарские поэты с листиками серой бумаги и несложными своими песенками: Я. П. Бердников, работавший на заводе медником или токарем по металлу, Ив. Ерошин, разносивший по квартирам средство от клопов и тараканов, Соловьев-Нелюдим—маляр, Теркин—булочник и другие.

Что влекло, что тянуло сюда рабочих и мастеровых на эту тихую, какую-то захолустную, хотя и в центре, улицу, в такой неприветливый буро-грязноватый с виду дом, со всех уголков и окраин?

А вот эта теплота, огонек, что горел в верхнем этаже дома, огонек близости, родственности, понимания рабочего быта, служения ему, радушность и приветливость.

И, бывало, сделаешь свое дело: передашь рукопись, стишки или какой-нибудь факт из рабочей жизни, а уходить не хочется, хочется оставаться, дышать этим возбужденным воздухом, который заражает и волнует; отойдешь в сторону за столик, на котором, как в читальном зале, разложены газеты, отдыхаешь, как дома. А той порой подойдут и остальные знакомцы из рабочих-поэтов. Хотя и не сговаривались, но как-то так выходило—собирались почти в одно время, может быть, потому, что шли прямо с завода и фабрики, еще с плохо отмытой копотью, а Ерошин с своим неизменным ящиком-сундуком, на ремнях через плечо, в котором находились разные яды от крыс и тараканов.

Шли разговоры, шум, голоса, суетливость, бегали посыльные из типографии и в типографию через дорогу, курили, справлялись, докладывали, передавали плохо разборчивые, набросанные неумело карандашом заметки, письма, и в одиночку и группами, целой делегацией с завода; за стенкой в кабинете редактора Б. Каменева рокотал басок Демьяна Бедного, нередко там же набрасывавшего свои стихи-сатиры под впечатлением последних новостей; приносили телеграммы и думские отчеты; в дверях то и дело появлялись депутаты государ. думы из рабочих: Бадаев, Муранов, Петровский, к ним подходили рабочие, по долгу говорили о том, что надо отстаивать в Думе, бежали курьеры, звонил телефон... Чувствовалась большая, напряженная работа, а главное—близость, родственность, которая тянула сюда в эти полумрачные прокуренные комнаты.

Я, перед этим только что приехавший сюда из стоячего провинциального болота, не мало голодавший от неудачных литературных попыток, находил здесь настоящий отдых и еще больше заражался желанием работать и работать. Придя домой, за полночь засиживался над лампой, а на следующий вечер приносил в «Правду» ворох свежих исписанных листков.

Центральной фигурой в нашем отделе был «Дядя Костя», как его называли его сослуживцы,—К. С. Еремеев, приветливый, отзывчивый, теплый человек, умевший как-то всем из нас давать место на столбцах газеты, невольно подчинявший себе, может быть, своей простотой и добродушием.

— Принесли чего-нибудь? Да что же вы не пишете? давайте, давайте, — подбадривал он.—Ага, прекрасно. Эти стихи пойдут.

Он задавал темы—Вам надо идти на фабрику, посмотреть, как работают,—не раз говаривал он,—а потом описать работу в стихах.., К такому-то дню давайте таких-то стихов.

Всю неделю на четвертой странице газеты отводилось место какому-нибудь специальному вопросу, напр., вторник—работницы, среда—деревообделочники и металлисты, четверг—шахтеры и т. д., писалось о их быте, условиях работы, помещались корреспонденции с мест и стихи. Это делалось как-то так тонко, без особых подчеркиваний, как теперь делают, особенно в провинции, «страничка работницы», «страничка РКСМ» и т. д., а специальный материал сливался с другим материалом, и этот способ искусной агитации понимал далеко не каждый читатель. Нередко К. С. говаривал нам:

— Запишите себе в записную книжку, в какой день и какой отдел идет, а то вы можете забыть.

И часто на одну и ту же тему писали стихи все 5—6 постоянно навещавших «Правду» поэтов-рабочих, и если стихи не были совсем плохи —находили место. Говорить о достоинстве таких стихов едва ли придется, но они били в одну цель вместе с заметками и корреспонденциями, и это их искупало.

В «Правде» впервые начали печататься многие впоследствии выдвинувшиеся пролетарские поэты.

Пока сидишь за столиком, просматривая газеты и журналы, приходят другие рабочие-поэты, и все вместе отправляемся в какой-нибудь трактир с музыкой, а беседа о поэзии, стихах, такая живая, начавшаяся еще в редакции, заставляет подолгу засиживаться за столиком, под музыку и шум читать друг другу стихи, или тут же за столиком писать их на общую тему.

По приглашению корректоров несколько раз я приходил в типографию читать корректуру. Пока читаешь и незаметно, как загораются над Петербургом белые ночи, хоть гаси электричество. Прочитываешь последние гранки, а уж настоящий белый день, хотя не больше 2 часов ночи. Тут уже и уходить не хочется, еще полчаса и можно получить еще клейкий от краски, свежий номер.

Как-то раз в это время только что сложил в карман пахнущий краской № и собирался уходить, вдруг внезапно весь двор запрудила полиция.

— Ни с места!—скомандовал околоточный.

Полиция заняла все проходы, экспедицию, где уже было несколько газетчиков, карридоры и лестницу.

Полиция окружила машины, выбрасывавшие свежие отпечатанные и сфальцованные № №.

— Какая газета?

— «День».

Перебегали к другой машине:

— Какая?

— «Рабочая газета».

Бежали к третьей:

— «Правда»?

— «Правда».

И тотчас же все окружили ее. Машины встали. Даже «День» и «Рабочая» прекратили работу.

— Где редактор?

— Нет.

— Как?

— Просто: здесь ему делать нечего.

— Кто старший?

Подходят управляющий, экспедитор и механик.

— «Правда» конфискована. Снимайте с машины.

Пока одни из полицейских роются в экспедиции, вырывая у газетчиков пачки газет, заглядывая под столы, по всем углам, другие снимают стереотип, приносят лом и колют его на мелкие куски.

Это была потрясающая, неизгладимая картина.

Потом всех обыскали, перевязали пачками уже напечатанные номера и, захватив с собой, ушли.

Хочется привести по этому поводу написанные в те дни под свежим впечатлением и нигде неопубликованные такие наброски из записной книжки:

Бегут, [illegible]меняясь, времена,
Но суть всегда одна,—такая:
Великой нивы семена
Едва взойдут, не расцветая
Бывают [illegible]ты, не успев
В цветные ткани нарядиться.
Великий творческий посев
Приходит жать цензура-жница.
В шестоль неведомом краю
Печатный орган народился,
Он всю симпатию свою
Питал к народу, что трудился.
Он был правдив, как Правда-мать,
Он видел жизнь, ее невзгоды;
Гигантской мысли взлет отдать
Он нес народу из народа.
Проходит день, проходит два,
(Да и прошли еще едва-ли?).
За те правдивые слова
Все целиком конфисковали.
И штрафы... штрафы, словно меч,
Тяжелым призраком свисали.
Одни старались «зло» пресечь,
Другие—детище спасали.
И был не легок «Правды» путь,
Рабочей прессы путь начальный:
Возможно-ль строй перепрыгнуть
Цензуры нашей идеальной?
Что день—репрессий видишь ряд
(Как стаи галок над конюшней).
И даже 40 лет назад
Была цензура добродушней...

В «Правде» я работал с конца 1913 и до июля 1914 г., когда попал на войну. Много времени прошло, уже и годы не те, и условия работы, и мы сами изменились вместе с жизнью. Но каждый раз, когда вспоминаю этот период, Ивановскую улицу, кипение работы в редакции, весь этот крестный путь «Правды»,—на душе становится тепло.

МИХ. АРТАМОНОВ.

Мои воспоминания о нашей пролетарской газете „Правда" в 1912—1914 г.г.

Я сотрудничал в «Правде» под псевдонимом «Н. Поляк» и «Н. Щербак».

Характерный случай произошел в то время, когда я работал в качестве официанта в гостинице «Боярский Двор» в Москве. Дело было в 1912 или 1913 году, хорошо сейчас не помню. В гостинице «Боярский Двор» состоялся с'езд спичечного синдиката, но так как официально организация синдикатов не разрешалась (но неофициально царское правительство помогало таковым организовываться) и с'езд спичечного синдиката существовал под вывеской «Общество спичечных фабрикантов». Такой с'езд всегда обставлялся с большой конспиративностью. Обыкновенно при царской власти всякий с'езд или собрание должны происходить при полицейском чине; фабрики в данном случае не преминули посягнуть на царские законы, по приглашенному чиновнику был подан обед, выпивка в отдельном номере; после этого «блюститель законов» на с'езде не показывался. Фабриканты надеялись, что они законспирированы и на нас, служащих гостиницы, не обращали внимания, будучи уверены, что служащий гостиницы в делах с'езда дескать ничего не смыслит и его интересы сосредоточены на подаче разных яств.

С'езд был спокоен за то, что их грабительские замыслы против потребителей [illegible] не будут разоблачены. Синдикатом обсуждались вопросы о распределении районов для продажи спичек для каждой фабрики, о надбавке по 30 копеек на каждый ящик и заработной плате рабочим. Я, разливая чай для членов с'езда и разнося его по участникам с'езда, все время прислушивался к дебатам с'езда и его решениям, а во время перерыва на обед списывал постановления из протоколов. На основании полученного мною материала, я в эту же ночь, во время ночного дежурства, написал в газету «Правда» статью о «спичечном синдикате», где разоблачал поход с'езда на потребителей и рабочих и призывал брать пример у своих хозяев, как нужно организовываться, а крепко организовавшись, вступить с ними в борьбу. Через день моя статья была помещена и появилась в Москве еще до закрытия с'езда синдикатчиков. На последнем заседании с'езда газета была прочитана, и здесь получился полный скандал. Фабриканты, зная, что посторонних лиц на с'езде не было и вдруг их решения стали известны в петроградской пролетарской газете «Правда», стали доискиваться, кто из них является предателем и разоблачителем замыслов против рабочих, но так они и не могли доискаться, а виновник был здесь с подносом стаканов чая, и внутренно смеялся над их святошами.

[illegible]

Все-таки — наша берет.

— А-а... Федич. Добро... добро...

Облобызались.

— Ты писал «Выборную кампанию», «Приятели»?..

— Виноват-с... Мы.

— Здорово... здорово...

Сие происходило в редакции «Правды» в сентябре 1912 года. А облобызались мы с Костей Еремеевым: в Коломенской части сидели вместе года три тому назад. Меня тогда расшифровали из Орловского в Сыромолотова и препроводили на предмет суда в Екатеринбург. Как всыпался Костя, не помню. С нами же недолго сидел и Миша Томский: засыпался, приехав из Одессы: прямо с вокзала к нам...

Редакция «Правды» была на Ямской. Под редакцией была какая-то лавка в подвальном этаже, где однажды взорвалась какая-то посудина с бензином, произошел маленький пожар и наделал некий переполох и в редакции.

За большим столом, в проходной комнате сидело несколько человек. Бедно, убого, но весело. На стене — простые деревянные полки из толстого теса: размещены в порядке получаемые комплекты разных газет. Стульев убийственная нехватка: сидят на большой скамье и на под'оконнике. В комнате серые сумерки, несмотря на хороший, ясный день...

«Правда» только-что начинала укрепляться.

Я был без работы. Приехал из Екатеринбурга, откуда выперли мою жену, за ее еврейское происхождение: Троцкая... Угораздит же человека родиться с такой фамилией, да еще и еврея...

Купил на улице номер «Правды» (мальчишки здорово работали: не хошь, да купишь). Смотрю: наша. Окончательно наша. Давнул один фельетон: поместили. Другой: поместили... Подписываюсь по-самарски «Зигзаг»,

Пойду пригожусь...

Столковались.

И стал я в «Правде» фельетонить. Из Зигзага «перекрестился в Тита Подкузмихина» по наущению Степана Степановича Данилина. «Зигзаг»— этакое имя: есть какой-то «Зигза» в «Петербургском Листке»: срамота... Тит, как Тит — идет...

Хожу в редакцию. Народу околачивается тьма. Костя ведет рабочую хронику. У него особенно густо.

Надавливаем на сборы. Подымаются. Тираж растет. Розница кое-что дает.

Редакция правильно работает: сходятся, намечают, подтягивают.

Сталин спокойно — с насмешливой улыбкой в ус—кратко, но ясно дирижирует. Ждут с нетерпением статей из-за рубежа от Ильича и других.

Крестинский иногда появляется.

Молотов, вечно озабоченный, волнуется за секретарским столом.

Костя (Н. Батурин) слоняется маятником из комнаты в комнату, или мерно качается, расхаживая из угла в угол в приемной комнате.

«Андрей Дикий», бритый поэт, и в то же время хроникер буржуазной газеты «День». Одетый во все новенькое. С лицом кислым, явно выражающим, как будто бы у него спокон веку живот болит. Сей рабочий-поэт, оказывается, был провокатором.

Иногда появляется цветущий, кудрявый Макс Савельев.

Сосновский, с усталым видом, приносит материал и делится впечатлениями о жизни в рабочих районах.

А. Сергеев с веселыми, острыми глазами и милейшей улыбкой читает свои ядовито-веселые шаржи на кадетскую и иную буржуазную публику.

И, бесконечная лента всяческого народу, в которой, спокойно насторожившись, устраивает дела Костя Еремеев и взволнованно бегает, то удрученный на всю жизнь, то ярко улыбающийся, взвинченный Степан Степанович Данилин.

Полетаев, вечно занятый, с оскаленной улыбкой, махающий рукой, обремененный денежными делами. Всегда куда-то спешит, кого-то ищет. Внутренне сдержанный. У него такой вид, как будто он все время кого-то сверлит своей головой...

Шпиков около «Правды» до черта. Придешь в редакцию: то одного, то другого нет. Вырвали, арестовали. Посадили. Работа была со стороны охранки нагнейшая.

Уходишь из дома, говоришь жене:

— Ну, Аня, имей в виду... В случае чего, вот то-то, и то-то...

— Давно привыкла... Будь спокоен: война, как война...

Сталина из'яли. Молотова из'яли. С каждым днем из'ятие наших товарищей растет.

Идет жестокая борьба за влияние на рабочую массу между нами и ликвидаторами. Ликвидаторский «Луч» как-то лучше, видимо, обеспечен материально. Бой идет за подписку. Групповые сборы нами повышаются. Подписка подымается и кое-что уже дает. Чуточку дают об'явления. Еще кое-какие сборы. Но штрафами нас режут и режут... Придирки самые изощренные. Газету арестуют, конфискуют, штрафуют. Редактора официальные посиживают в злачном месте...

Развертывается кампания за кампанией. Сборы на газету. Борьба с ликвидаторами. Страховая кампания. Избирательная борьба в думу...

Немудрено в этой адской работе, что и 101 номер «Правды» был почтен нами, как юбилейный:

— На вторую сотню перевалили... Ура!..

А было тесно. Газета небольшая...

На этой небольшой газетной площадке, идет бой за завоевание и расширение этой трибуны, находящейся под жестоким ежеминутным натиском в миллион раз лучше нас вооруженных врагов.

Величавая картина грандиозной борьбы, подымающаяся после разгрома за последние семь лет пролетариата, отвоевывающего право говорить своим голосом свою правду о своих путях к освобождению от ига эксплоататоров...

Борьба за каждый лист бумаги, где кровью своего сердца и соком своих нервов передовой авангард революционного рабочего класса чеканит новую страницу борьбы в каждом слове, в каждой [illegible]

ленные стрелы в, увы, хорошо забронированное сердце торжествующих, изощренных врагов.

Моя специальность была обстреливать в фельетонах черносотенцев, октябристов и кадетов.

Избирательная кампания в думу... Факты прут наружу. Умей подхватить...

Однако, внутреннее уравнение интересов дела, заставляет пускать в печать не все: еще одна конфискация, еще один штраф за острое словцо — платить не приходится. Правильно: умей лавировать...

Ряд фельетонов «Тита Подкузмихина» и «Зигзага» с сентября по ноябрь 1912 года отмечают некоторые моменты избирательной борьбы и характеристику черной сотни, октябристов и кадет.

Есть и моя капля яду в общем нашем деле...

Однажды по телефону из Москвы сообщают, что депутатом в думу по нашему списку прошел Малиновский. Кадеты в [illegible]рыше. Гучков провалился.

Строчу очередной фельетон в комнате секретаря. Вваливается плотная фигура, в пиджаке буро-зеленоватого цвета с искрой.

С ним—молодая женщина, брюнетка. Сухенькая, лет 28-ми. Свежее лицо.

— А, товарищ Малиновский. Из Москвы? Здорово, здорово...

Встречает его секретарь. Знакомимся. Жена Малиновского говорит:

— Я, товарищ, то же с Урала...

В пятнах света двух электрических лампочек мелькает широкое, квадратное лицо Малиновского. Короткие волосы—пыжиком. Сутуловат. Крепок. Физически силен. Отрывист в разговоре.

Умом хочу сказать приветливое слово, на сердце—холодно. Нет настроения.

— М-даа-а...

И углубился в фельетон. Прячем и замкнут...

— С Урала... Врешь, тетка...

Думаю.

В Питере кампания наша вырывается из рук, как налим, нет надежды провести большевика.

И вдруг вывезло. Бадаева чужие голоса провели.

Входит он как-то в редакцию. Мальчишечко—ничего: немножко испуганный вид. Острижен под ерошку. Белый воротничек. Молодое, белое, с легким румянцем лицо. В глазах на всю жизнь изумление. Робко здоровается; видимо парень освоится не может, но: свой парень...

Любовно жмем руку, смеемся.

— Ни черта, освоишься...

Есть положительные сведения о выборах членов нашей партии из других районов России.

Время близится к открытию думы.

Редакция предлагает мне быть в государственной думе корреспондентом от «Правды».

Сочинили заявление. Надежды мало. А понажать — не мешает...

Приоделся по благородному: в сюртук. Зашел к парикмахеру: почистился. И, через малое время, жду в приемной начальника главного управления по делам печати: от него это зависит.

Сунул на приеме двугривенный тому, кто докладывает.

— Ежели вы от какой-нибудь газеты в думу, так это напрасно... Г. начальник приказали всем таким об'являть, что все места в верхних и нижних ложах журналистов уже давно распределены... Уже сегодня многих не приняли и отказали...

— Ну, это меня не касается... Будьте добры сказать, что я по особо-важному делу, суть которого могу только лично передать...

Начальник главного управления по делам печати был граф, кажется, Татищев, а, может быть, и с другой фамилией, но помню, что граф.

— Хорош-с...

— Пожалуйте-с!..

За большим письменным столом большого хорошо обставленного кабинета, в полусумраке худощавая фигура, с продолговатым, серым лицом, одетая во все серое. Умные глаза, короткие усы. Борода клинышком.

Приподнялся:

— Граф такой-то...

Я назвал себя.

— Чем могу служить?

— Я к вам пришел по чрезвычайно-важному делу...

Полал заявление.

Пробежал глазами:

— Н-да...

— Лишен возможности: мест нет... Я уже многим отказал до вас...

— Кому угодно можете отказать, но первой легальной, широкой газете рабочего класса вы должны дать место. Начальник по делам печати должен понимать, что выросла новая сила, не очень вам желательная, но — сила... Буржуазии вы отдаете все места в ложах для журналистов... Мы претендуем и имеем право претендовать допустить корреспондента «Правды». Не так много: дать место на одном стуле и —только...

— К сожалению, лишен возможности... Хотя я, конечно, считаю своей обязанностью предоставить «Правде» первое освободившееся место. Бывает, что газеты иногда, не используют свое право: закрываются, или вообще прекращают свое существование по тем или иным причинам. Бывает это не часто, но возможно...

Эту прозрачную штуку я весьма понимаю: просто показали нам фигу...

На завтра докладываю редакции. Описал. Представил в лицах. Похохотали и шабаш...

Каждый шаг с боя. Сил наших еще далеко не хватает, чтобы эту серую фигуру не только выбросить с места, но даже подчинить себе на основании [illegible] законов, существующих для буржуазной прессы, но — не для нашей газеты.

Депутаты с'езжаются. Начинается [illegible] кампания. Идет страховая кампания. Фельетоню...

[illegible]ческая смерть моей жены...

Судьба бросает меня в глухой, уездный город Троицк, Оренбургской губернии.

Отныне моя профессия—журналист. Революция [illegible] моим фельетонам и журнальным органам рабочего класса.

[illegible]

Моя работа в „Правде".

В начале 1914 года, по возвращении из ссылки, меня на лестнице в редакции «Правды» (Ивановская ул., д. 11) встретил т. М. С. Ольминский и размеренно спокойным тоном проговорил: «У нас здесь большой провал; арестована Конкордия Николаевна, вы должны занять ее место в редакции»...

Мне хотелось побыть хотя бы с полгода вне ответственной партийной работы, чтобы укрепиться в Питере, а затем уже работать энергичнее и более продолжительно, но, в виду провалов и категорического требования тов. Ольминского, я ответил полным согласием. К этому времени вернулся из-за границы т. Л. Б. Каменев и стал во главе редакции.

Работая в «Правде», кроме секретарства, я взял на себя подбор подставных редакторов, что, благодаря моим большим связям с безработными, каталями и др., мне легко удавалось. Газета «Правда» не хотела иметь официальных подставных редакторов из интеллигенции, которая для нее была не по карману; мы среди безработной массы всегда находили охотников подешевле, так, напр., за плату одного рубля за подписанный номер и 30 руб. в месяц за сидение в тюрьме. Конечно, у нас много было из рабочих и идейных редакторов, которые бесплатно с готовностью шли на это дело, но мы таких преданных работников обыкновенно щадили и прятали в ряды рядовых рабочих. Царское правительство свирепо закрывало нашу «Правду», и, чтобы не останавливать выпуска газеты, мы всегда имели пять готовых разрешений на выпуск газеты: «Путь Правды», «За Правду», «Рабочая Правда» и т. д. и десятка полтора запасных редакторов, да около двух десятков редакторов постоянно отсиживали в тюрьме штрафы...

Вот каковы были пути нашей боевой дорогой пролетарской «Правды».

В ночь на 9-е июля 1914 года, во время приезда Раймонда Пуанкаре, все мы были арестованы и отправлены в крепкую тюрьму; тт. Киселев А., Енукидзе, Никифорова и др. сосланы в Сибирь, другие пошли судебным порядком и получили большие приговоры. Остальные высланы «из пределов».

СЕРГЕЙ МАЛЫШЕВ.

Последний день старой „Правды".

Это был июльский душный, как всегда грохочущий, пыльный петербургский день.

Город был насыщен грозой и тревогой, и она росла и сгущалась последние недели день ото дня, от утра к вечеру. По всей России поднималась новая волна рабочего движения. Больше половины корреспонденций «Правды» сообщало о стачках, которые вспыхивали в одиночку и пачками в разных местах. В Баку началась грандиозная забастовка на нефтяных промыслах, в Москве разгоралась общая забастовка булочников. В Питере было еще напряженнее: пахло открытыми выступлениями рабочих на улицах. Великий сдвиг совершился и рабочее движение рванулось вперед стихийно, широкой волной, вздымаясь все выше. Самодержавию мерещились грозные тени 1905 года. Мы ждали «мер» против «Правды», которая уже давно стала могучим организующим центром массового рабочего революционного движения.

Я стал работать в «Правде» в марте 1914 года вместе с тов. Каменевым, который приехал из-за границы для смены заподозренного в провокации Черномазова («Мирона»), в качестве главного редактора. Помню, что Черномазов заходил в редакцию раза два, но здесь его встречали так неласково, что он, покрутившись, скоро уходил не солоно хлебавши. Этим и об'ясняется, что я не попал в список сотрудников, изготовленный Черномазовым для охранного отделения, и уцелел при ликвидации «Правды».

Нажим на «Правду» продолжался уже несколько дней. В типографии дежурила полиция, ставили у печатных машин околоточных, чтобы не давать печатать газету до разрешения от цензора. А цензор каждый день присылал пометку: «конфисковать». Но это не помогало. Рабочие типографии были за нас, и «Правда» непостижимым образом каждое утро аккуратно появлялась в районах, и рабочие читали свою газету, направлявшую рабочее движение в единое твердое русло.

В этот последний день один из сотрудников полной редакции рассказал мне следующее:

— Вынесли мы на улицу тюки с газетами, положили на извозчика. Товарищ сел в пролетку, мы обложили его тюками так, что одна голова торчала. У ворот стоит околоточный, смотрит, ничего не замечает. Только тронулись, околоточный кричит:

— Стой!

Извозчик остановился. Околоточный подходит и строго осматривает пролетку.

— Езжай в участок.

— Как? Почему? Что такое?

— Езжай, говорят тебе!..—свирепо орет околоточный.

— Какое вы имеете право задерживать меня,—кричит [illegible].

— Я вас не задерживаю,—отвечает околоточный,—ступайте, куда угодно, а вот пролетка не в порядке. Езжай в участок,—орет он на извозчика.

Мы складываем тюки на мостовую. Извозчик уныло едет в участок, а я бегу за другим. Опять нагружаемся, и опять, не от'ехали и тридцати шагов, как то же:

— Стой! Поезжай в участок.

Так раза четыре меняли, пока не доехали до угла. А уж там я приволок извозчика, поставил за углом и туда таскали тюки, чтобы не видал околоточный. А все-таки в районы-то отвезли!—торжествующе закончил он.

Третий день в редакцию не ходил тов. Каменев: по совету ответственных товарищей, он выехал с семьей в Финляндию, чтобы переждать опасное время.

Когда утром я пришел в редакцию, настроение там было повышенное, немножко нервное, но вовсе не подавленное. Все за работой, а дальше—дело покажет. Да и не до гаданий было. Собрались ответственные, наскоро обсудили, вызывать ли тов. Каменева, и решили не вызывать: пусть переждет еще. Постановили отправить к нему одного из товарищей за директивами и насчет передовой. Поехал я.

Тов. Каменев жил эти дни в деревне Нейвола, недалеко от ст. Мустамяки. Я ему рассказал о положении, получил указания, как надо писать передовую, а также на случай, если будет то-то и то-то, и отправился назад.

В редакцию я приехал уже к вечеру и прежде всего затребовал у нашей стряпухи обед, потому что с утра ничего не ел. И пока она взялась наливать суп, я стал мыть руки под краном. Слышу —входит кто-то из коридора и спрашивает:

— Здесь есть чужие?

Я оглянулся назад и вижу, что все стоят, разинув рты; но самое главное, что меня крайне огорчило,—стряпуха, вместо того, чтобы наливать суп, поставила миску на плиту и торопливо вытирает руки фартуком.

— В чем дело?—спрашиваю я, взглянув на вошедшего, и вижу, что это околоточный.—Обыск, что ли?

Он что-то буркнул и говорит:

— Идите в редакцию.

Я так же сердито отвечаю:

— Пообедаю и пойду.

— Потом пообедаете, — беспощадно говорит он.

Отправляюсь в редакцию. Сюда уже собрали всех сотрудников. Шум, говор, табачный дым клубами. В соседней комнате, где помещалась петербургская хроника—нерв газеты,—шел обыск. «Агенты» собирали со столов, вынимали из шкафов, выгребали из ящиков все, что там было, сваливали в корзины и выносили на улицу. А мы покуривали. Да и что было делать? [illegible]

Обыском «Правду» удивить было нельзя. А вот нас-то задержат или нет? Говорили об этом мало; ждали. Впрочем, и обыск был необычный. Такого и «старожилы» не помнили.

— Интересно, что они у нас найдут, —говорит товарищ.—Как бы бомбу не нашли.

— Какую бомбу?

— А я почем знаю! Возьмут [illegible] на полке сверточек, разве [illegible]

— Что ты чепуху мелешь!.. Бомбу... Откуда у нас бомба?

— Очень просто. Принес кто-нибудь и положил, она и лежит там третий месяц, никто не знает.

— Это ты про провокацию, что ли, говоришь...

— Ничего не провокация, просто парень какой-нибудь из района таскал ее по городу, да не свою, а чужую, анархистскую какую-нибудь, да и забыл у нас. Очень просто. Вот при прошлом обыске. Кончили шарить, пристав подошел к Константину Степановичу (Еремееву), оперся о стол и разговаривает, в роде того, что извиняется: заставляют, мол, нас и т. д. А пальцами перебирает портфель на столе. Словом, любезнейший разговор. Потом попрощался и ушел, а Константин Степанович посмотрел на портфель и спрашивает:

— Это чей?

Никто не отзывается. Он раскрыл его, а там, брат, мимеограф, и в полном порядке, хоть сейчас прокламации печатай. Этот... чорт... Николай... с Невской заставы забыл. Понимаешь, положил и забыл. Все собирался, говорит, взять да забывал. И лежал этот портфель на столе два месяца.

— Выходите! — громогласно кричит околоточный.

Мы выходим в коридор и направляемся в петербургскую хронику, где обыск уже кончен. Начинают опрашивать.

— Смирнов!—вызывает пристав за столом.

К столу подходит тов. Смирнов.

— Состоите на службе в «Правде»?

— Да.

— Какое место занимаете?

— Такое-то.

— Ваш документ.

Тов. Смирнов показывает паспорт.

Пристав записывает Смирнова на листе, наводит справку в провокаторском реестре, делает отметку.

Так же нас перебрали поодиночке и направили затем в маленькую комнатку возле парадной двери. Здесь набилось человек до 30. Было тесно, душно и дымно. Все как-то сразу поняли, что «Правде» конец, что всех нас арестуют. Началась суета.

— Деньги... Товарищи, надо насчет денег... Должно-быть у всех мало.

Тов. Артем, наш заведующий хозяйством и кассой, вынимает из кармана пачку денег и начинает торопливо распределять таким образом, чтобы у каждого оказалось рублей двадцать-тридцать. Помню, мне достался четвертной. Начались разговоры, как будет сидеться в части. Кто-то из товарищей подхватил полотенце, висевшее на гвоздике, свернул, любовно прижимая, и сказал от радости, что в части будет чем умыться и вытереться, да и спать удобнее, если свернуть потуже, подложить под голову. Другой разобрал откуда-то крошечную подушку и тоже очень радовался. И, правда, все мы были в легких пиджаках, и больше ничего не было ни с нами, ни на нас.

Нас опять перевели в редакционную комнату. Время шло уже к второму часу. Обыск в редакции окончен. Мы ожидаем, когда нас станут выводить. У дверей стоит штук десять городовых, околоточных, приставь.

В нашей толпе происходит легкое движение. Миронова [illegible] стряслась и не может выбраться к двери. Наконец, она выходит в коридор. Пристав осматривает ее, заглядывает в провокаторский список, говорит:

— Идите.

Миронова робко идет по коридору мимо городовых. Хлопает парадная дверь. Миронова ушла.

— Попов!—кричит околоточный.

Я испытываю замешательство, пожалуй еще большее, чем Миронова. Притом у меня куда-то делась шапка, и я начинаю ее искать, а окружающие товарищи помогают.

— Попов!—кричит околоточный. —Здесь Попов?

— Здесь, здесь, — хором отвечают товарищи.

— Выходите.

Шапка нашлась, мне ее суют в руки. Я кому-то сую в руки четвертной. Мне со всех сторон говорят:

— Товарищ, скажите тому-то... Обязательно завтра же утром зайдите к тому-то... Товарищ, непременно рано утром скажите тому-то...

И я, слушая этот горячий перебивающийся шопот, направляюсь к дверям. Я в коридоре, останавливаюсь.

— Вы—Попов?—спрашивает пристав.

— Попов.

Он заглядывает в список.

— Идите.

Я иду по коридору, хлопаю дверью, спускаюсь по темной лестнице, выхожу на улицу. Тихо. Нет ни души. Шпики, конечно, прячутся под воротами. Я громко шагаю по асфальту, и на душе у меня странно, смутно, тревожно.

Выпустили... Это очень хорошо!.. Очень хорошо!.. Только как же это: я ушел, а те... остались!.. И почему это меня выпустили?

Я шагаю, почти бегу, и думаю все одно.

Заворачиваю на Загородный, гляжу по сторонам, гляжу на небо, которое как-то сильно, по-петербургски светлеет, и, наконец, понимаю, что я на свободе.

А «Правды» нет!.. «Правды» завтра уже не будет!..

В. ПОПОВ. (В. ДУБОВСКОЙ).

Пусть голос „Правды" прозвучит еще громче чем десять лет тому назад а также смело зовет нас на борьбу за коммунизм

После „Правды".

Было это в бурные июньские дни 1914 года.

Петербургский пролетариат [illegible] бурлил. [illegible]

[illegible] города полиция [illegible] шашками.

Уже прошли три дня, назначенные Петербургским Комитетом большевиков для протеста, а бурное возмущение рабочих Питера все не укладывалось в берега.

В воздухе носились тревожные слухи. Столкновения с полицией и войсками учащались. На Выборгской стороне положение было наиболее серьезным, появились баррикады. Нужно было принять экстренные меры, чтобы предотвратить бесполезное кровопролитие.

Было решено на следующий день выпустить № «Правды» (тогда это была «Трудовая Правда») с призывом прекращать забастовку.

В редакции была масса народу. Приходили и уходили. Я в этот вечер, как секретарь [illegible] фракции, был [illegible] Бадаева. На всех заводах [illegible] сборы в пользу бастующих [illegible] тесной комнате [illegible]ться.

Мы [illegible] пожертво-[illegible]

Часов [illegible] прибежал сторож редакции [illegible]

— Але[illegible] обыск в редакцию [illegible]

Все пере[illegible]

В эти дни [illegible] в Питере был только Бадаев. [illegible] своей тогда еще [illegible] неприкосновенности, мог бе[illegible] в редакцию и узнать в чем дело.

Я остался один.

Депутаты с заводов, [illegible] сообщением об обыске, [illegible] сдавали пожертвования и спешили в районы, чтобы предупредить о [illegible].

Часа через два вернулся Бадаев. Его корректно попросили «не мешать». Он все же видел, что в секретарской задержано человек 20,—в остальных комнатах шарят.

У нас прием уже был закончен. Один за другим, покончив свое дело, уходили рабочие, унося с собой тревогу.

Часам к 10 мы остались одни.

К этому времени мы уже знали, что обыски производятся и в «Новой Раб. Газ.», и «Народной Мысли» (меньшевистская и эсеровская газеты).

Бадаев широкими шагами мерил комнату.

Обыск его сильно взволновал.

— Знаешь *), я думаю, они решились итти напролом. Баррикады, ведь, это не шутка, церемониться не будут. Они давно до нас добираются, а теперь случай самый благоприятный.

— Как ты, друг, думаешь?—хлопая он меня по плечу.

Положение было серьезно.

Одно предположение об обыске у Бадаева рисовало нам очень неприятные перспективы. Бадаев, как уже сказано, был тогда единственным депутатом в Питере, и на его руках, как у неприкосновенного, всего было достаточно.

Тогда готовились к очередному международному с'езду в Вене. У Бадаева был целый ряд мандатов на с'езд, которые нужно было переправить за границу.

— Арестовать-то, может быть, еще и не арестуют,—продолжал он развивать свою мысль, — ну, а на обыск рискнут. Уж очень они на меня злы за путиловцев **).

**) Бадаев был вызван рабочими Путиловского завода после знаменитого избиения. На месте Бадаев путем опроса рабочих установил приблизительную картину события. Его статья в «Правде» и легла в основу решения о 3-дневной стачке.

Спорить не приходилось. Оставалось только решать, что делать.

Решили убрать подальше кое-какие бумаги. Перебирали питерские возможности, но в конце-концов решили передать их в Финляндию для отправки за границу.

Сборы Бадаева были коротки. Небольшой портфель—туго набитый—составлял весь багаж.

Около 12 час. ночи мы вышли из квартиры.

Постояли у ворот, тщательно осматриваясь. Никого.

Прошли за угол, опять остановились. Никого.

Пустынна Шпалерная улица.

Такая удача нас обрадовала.

Прошли еще квартала два и убедились, что никого за нами нет.

В этом отношении мы оба имели достаточную практику.

Прежде чем итти на вокзал, мы зашли в первый попавшийся ресторан, чтобы справиться по телефону об отходящих в Финляндию поездах.

Оказалось, что нет ни одного ночного поезда.

Первый поезд с Финляндского вокзала отправлялся что-то около 6—7 час. утра.

Наши планы рухнули.

Решили позвонить в «Правду»: идет ли еще обыск.

Называю №, и через минуту слышу грубый отрывистый голос:

— У телефона!

Попросите Феню! (жена сторожа).

Слышу, мнется что-то, но все же ответил:

— Сейчас спрошу.

Пошел узнавать, наверно, как ответить. Но вот и ответ:

— [illegible] ушла в лавочку. Вам чего надо, я ей передам.

Благодарю покорно, передашь. Хочется сказать что-нибудь грубое, но удерживаюсь и с досадой вешаю трубку.

Или не кончили, или оставлена засада? Будут теперь ловить первого встречного.

Но что же дальше делать.

Пришлось остановиться на такой комбинации.

[illegible] к Бадаеву домой. Бумаги на плиту. Рядом бутылка керосина.

Жалко, но что же делать. Пускай уж пропадают бумаги, а не люди.

В третьем часу мы расстались.

Увидимся ли.

* * *

По дороге домой я вспомнил о своем соседе по комнате—Володе.

Пропал Володя. Всего недели две он служил в конторе «Правды», и вот влопался.

Пострадал за то, что писал счета, разносил их по статьям.

Вхожу во двор своего дома. У меня огонь.

— Ага. Значит, уже и у меня. Так. Ну, что же, нужно было ожидать.

Дверь заперта. Что за штука? Звоню.

Открывает сам Володя.

— Каким образом? А я уже думал ты в училище?

— Выкрутился. Конторщик, говорю, ну, обыскали, записали, да и отпустили с миром вместе со всеми конторскими служащими.

*) Когда Бадаев бывал взволнован или [illegible] очень доволен, он говорил почти [illegible] более или менее близким,—ты: [illegible], друг, вот что. Обычно начинал он [illegible]

Улеглись только часам к 4 утра.

* * *

Утром встали и решили итти в редакцию. Позвонили туда и узнали, что засада снята.

Было чудное утро. Но первое, что нас поразило, когда мы вышли, это необычная тишина на улицах.

Мы сразу не заметили в чем дело, и только пройдя квартала два обратили внимание на отсутствие трамваев.

Поглядели в ту и другую стороны длинного Суворовского проспекта: стальная лента рельс ярко блестит на солнце. Вагона ни одного.

Стало сразу веселее. К сотням тысяч рабочих прибавилось только 1—2 новых тысячи.

Но эти тысячи особенно ценны.

Трамвай всегда был слабым местом политических забастовок. Были тому серьезные причины. Служащие трамвая принимались с залогом, или из их жалованья отчислялся определенный процент в залог. Залог этот равнялся нескольким сотням рублей. В условиях найма был пункт о том, что залог этот остается за городом и в случае забастовок. Отсюда ясно, как трудно было расшевелить трамвайщиков. Так об'яснил мне один трамвайный служащий.

Правительство и город пускали в ход всяческие угрозы, чтобы сделать трамвайную стачку невозможной.

И вот все-таки победила пролетарская солидарность.

Выходим на Николаевскую площадь.

Как потерянные, стоят здесь несколько вагонов, а около них толстые контролеры.

Каким широким кажется сегодня Невский.

И люди кажутся какими-то иными— не всегдашними.

Как-то не хочется итти по тротуару. Широкая полоса трамвайного пути манит к себе. Итти и не сталкиваться с публикой Невского проспекта и не ждать, что сзади тебя нахлобучит трамвай.

Хорошо. А какие интересные лица у этой группы, безрезультатно ожидающей спасительный вагон:

— Что, не идет?—тревожно спрашивает маленькая вертлявая женщина солидного господина.

— Не идет,—сердито бросает тот, и видно, что только присутствие женщины заставляет его не разразиться потоком ругательств.

Вот и Ивановская: знакомый под'езд и швейцар. Все на своем месте, как будто бы ничего не случилось.

Но зато в редакции все вверх дном. В конторе, в репортерской, в редакторской словно Мамай прошел.

Кажется, что столы, всегда заваленные папками со всевозможным материалом, теперь, стыдясь своей наготы, робко жмутся к стенам.

Ящики редакторского стола наполовину вытянуты. В одном сиротливо свернулся пучек бичевок.

Как-то странно видеть здесь эту веревочку. Не один новичек трепетно смотрел на эти таинственные ящики, а теперь— веревочка.

Только в секретарской в шкафу находим несколько папок с материалом.

Прозевали ли, рукой ли махнули на эти папки? Но нужно посмотреть, что здесь.

Леонтий, который ходит со мной по комнатам, зовет меня к окну:

— Посмотрите!

Я не сразу понял, в чем дело. У противоположной стены двора толпилась куча городовых, человек в шесть, с приставом и околоточным.

Они ворошились в громадной куче газет.

— Что это они делают?—спрашиваю.

— Выбирают конфискованные номера.

Я сейчас помню острое чувство обиды и досады, вызванное во мне этой мерзкой картиной.

Я привык видеть эти кучи газет в задней комнате редакции.

Раньше они лежали беспорядочной грудой, но в последнее время был сделан во всю стену шкаф с клетками. Благодаря этому можно было без трудов набрать комплекты номеров.

Начинаю просматривать оставшиеся папки.

В одной—корреспонденции с заводов.

Таких корреспонденций увезли, наверно, целый воз. Они в ужасающей прогрессии накоплялись до обыска. Ретивые авторы то и дело приходили за справками. Выходили неприятности. Но что было делать, если на 100 присылаемых корреспонденций в газете хватало место едва десяти.

Теперь вопрос решен просто и радикально.

Полиция расчистила.

Во второй папке статьи. Остались также книжки секретаря редакции.

Беру одну: «Запись поступающего материала».

В книге несколько отделов: статьи, беллетристика, стихи, рабочая жизнь, профдвижение, деревня и др.

Я хоть и не секретарь редакции, но нужно же кому-нибудь исполнять секретарские обязанности.

Записываю весь поступивший и оставшийся материал по соответственным рубрикам, и нумерую.

Особенно меня поразило и обрадовало, что в свежей корреспонденции, которую, очевидно, только утром принесли, я нашел статью тов. Ленина, не помню сейчас по какому вопросу, присланную из-за границы.

За этим делом застают меня Бадаев и вызванный еще несколько дней депутат Г. И. Петровский.

Ну как, друг, жив?—спрашивает Бадаев.

— Пока видите, секретарствую. А у вас как?

— Знаете, ведь, какая штука с бумагами вышла. Устроил все, как следует. Положил около печки, керосин, спички: все наготове. Предупредил всех домашних, чтобы ночью на звонки никто не выходил, и только было уснули, часа в 4: тр-тр, пожалуйте, звонок. Ну, думаю, конец. Выбежал, беру бутылку и уже хочу облить, да толкнула мысль: а что если не полиция. Иду к двери. Кто там?—Телеграмма. —Ну, эти ночные телеграммы мы знаем. Я все стою жду, слушаю: не брякнет ли кто саблей, нет, тихо. А дверь у меня с цепочкой, я и решил: открою на щелочку и если полиция, то—пока они успеют разорвать цепочку—я сожгу. Открыл: и мне в щелку телеграмму от Григория Ивановича. Выехал: вот он уже и сам приехал.

Выясняем положение: необходимо выпустить номер. На целый не хватит материала и сил и не нужен, хоть бы ¼, лишь бы сказать свое слово по поводу событий.

Зазвонил телефон, и скоро установили что не все арестованы. Руководители газеты, по счастливой случайности или предусмотрительности, в этот вечер не были в редакции.

Фактическим редактором тогда был тов. Каменев, который жил где-то за Финляндским вокзалом.

Уцелел также Константин Степанович Еремеев, один из ценнейших работников «Правды».

Бадаев помчался за передовицей. Меня попросили написать статью об обыске в редакции и приготовить хронику.

Вот и весь номер.

Но мы забыли об одном: о наборщиках, и когда хватились,—оказалось, что наборщики, знавшие об обыске и аресте, все же пришли в типографию узнавать о выходе номера и кто-то им сказал, что все арестованы и № выйти не может. Наборщики и разбрелись по домам. Стали их собирать, но так и не могли разыскать.

Так ничего и не вышло с выпуском столь нужного номера «Правды».

Решили на следующий день обязательно выпустить газету, предупредив рабочих типографии.

Между тем движение развивалось, но оно, конечно, не могло дать каких-либо крупных положительных результатов.

Принимать решительный бой было рано.

Провинция слишком отставала, и вероятнее всего, что царское правительство провоцировало рабочих на открытое выступление в Петербурге, чтобы иметь возможность разгромить питерские рабочие организации, откуда шла «зараза» на всю Россию.

Анархистские элементы работали отчаянно. На Выборгской стороне время от времени появлялись баррикады.

Я решил вечером пойти на Выборгскую, чтобы посмотреть, что там делается на улице. Сейчас же за мостом картина города меняется. Публики на тротуарах мало. По углам усиленные пикеты городовых по 5—6 человек. Народ толпится около ворот и под воротами.

Наступили сумерки. Кругом тревожно. Люди шарахаются от всякого окрика.

Сзади грохот. Едут шагом казаки. Их немного: человек 50. Публика боязливо озирается, прячась под воротами. Пустая рысцой. Проносится тревожное: поехали брать баррикады!

Я решаю во что бы то ни стало проследить, есть ли баррикады, и как эти воины будут вести наступление.

Через два квартала сотня завернула за угол. Я почти бегом направился за ней. Со мной еще с десяток любопытных.

У самого угла вынырнули человек пять верховых:

— Осади, назад! Публика заметалась. Но у казаков видно было другое дело и они повернули лошадей и ускакали обратно.

Я воспользовался этим и шмыгнул в переулок за ними.

В следующем квартале стояла водоразборная будка. Около нее стояли конные казаков.

Человек тридцать уже спешились, и пешим строем выходили на следующую улицу.

Я перебежал через улицу, чтобы выйти на угол, за будкой. Но раньше, чем я дошел до угла, раздался один залп и другой.

И только.

Когда я добежал до угла, там было уже несколько человек. Слышались отрывистые фразы: один упал,—убили. Было уже почти совсем темно. Спешенные казаки стояли спинами к нам, шагах в ста, посередине улицы. Шагах в 100 или более перед ними, поперек улицы, было что-то нагромождено, но что именно, нельзя было разобрать.

Людей не было видно. Если это и была баррикада, то, вероятно, ее никто не защищал, так как на выстрелы казаков никто не отвечал.

Кучка на углу стала увеличиваться. Нас, очевидно, заметили казаки, и дикий рев понесся над тишиной улицы:

— Разойдись! Стрелять будем!

Защелкали копыта лошадей. Публика пустилась в бегство.

Я зашел в какие-то громадные железные ворота. Оказалось, что это лазарет с проходным двором. Вышел на другую улицу и пошел домой.

Ночью в 5 час. меня арестовали. Пристав заметно устал и торопился. Много кончалась его рабочая ночь. Я был шестой,—как он мне сказал.

Днем, после короткого допроса в охранном отделении, меня повезли в черной карете в «Кресты». Шторы спущены, но кое-что видно.

Трамваи стоят. Беспомощный среди дороги стоит бездушный вагон, словно он прирос к земле: один, другой, третий.

Значит, бастуют. Выехали, и прекратился ток.

Вот и Выборгская сторона. Топот копыт.

Околоточный, как бы нарочно, приподнимает штору.

Идет кавалерия. Много, без конца. Околоточный н[illegible]вает какой-то конный полк, кажется, Семеновский.

Мелькают тревожные мысли: видно, взялись серьезно. Как-то теперь выпуск? Сумеют ли выпустить газету?

«Кресты» принимают меня в свои об'ятия. Так я тогда не мог узнать, удалось ли возобновить издание «Правды».

Через несколько дней разразилась великая империалистическая война и «Правда» была закрыта окончательно.

8-го июля 1914 г. умерла последняя из дореволюционных «Правд» — «Трудовая Правда», и воскресла лишь на 7-й день февральской революции.

Э. КЕЙРИНГ.

„Правда" вышла победительницей из борьбы именно потому что она являлась революционной носительницей исторической правды

Из прошлого „Правды".

Конец 1910 года был началом нового под'ема рабочего движения в России. Тогда и возникла легальная большевистская газета «Звезда», а через полтора года и «Правда».

После нескольких лет дикого разгула царизма это была первая весть нового революционного под'ема. Наша партия как раз в период «Звезды» и «Правды» вступила в новую полосу своего развития. Годы 1911—1912 были временем не только укрепления, но и создания нашей партии, как самостоятельной большевистской партии, окончательно выбросившей за борт меньшевистских попутчиков. В этих условиях своя легальная газета имела огромное значение.

Против многих ожиданий, она удержалась месяцы, потом год, а после и больше. В штрафах за крамольные статьи, в арестах сотрудников и редакторов, в обысках — у газеты не было недостатка. Николаевские репрессии были бесчисленны. Но большевистскую газету они не смогли задушить. Менялись редактора, менялись и названия газеты, но в том или в другом виде «Звезда» появлялась снова.

С середины 1911 года стало все больше не хватать еженедельной «Звезды». Потребность на «Звезду» росла. Газета стала выходить 2, а после и 3 раза в неделю.

Однако, и это было не то. Нужна была ежедневная рабочая газета.

«Звезда», открывшая по этому вопросу агитацию на своих страницах, прежде всего, письмами своих многочисленных читателей-рабочих, посылавших большое количество ежедневно групповых писем-воззваний за поддержку ежедневной рабочей газеты, сумела встать во главе живой потребности широких масс пролетариата. Посылались не только сотни писем, но вместе с ними сотни и тысячи пожертвований рабочих на новую, ежедневную рабочую газету.

К весне 1912 года был подготовлен выход такой газеты. Помню, как много у нас, участников создания этой газеты, было опасений за эту газету!

Решено было «Звезду» оставить, как орган руководящий. «Правду» создавали как популярную и боевую рабочую газету. Вот это-то и было самое трудное. Дадут ли вести газету для широкой рабочей массы, пишущую просто и понятно о преступлениях царизма, об эксплоатации и издевательствах капиталиста и купца над рабочим и приказчиком?

Если-то и дело «прихлопывали» и штрафовали «Звезду», писавшую все же, думали многие из нас, более или менее «искусственным» языком под царскую цензуру, то как же писать в «Правде»? Другой вопрос — средства. Как никак для ежедневной газеты средства нужно было иметь на наш тогдашний карман не пустяковые. Сборы на «Правду» были многочисленны и все росли, но в сумме они давали все же не все, что нужно, имея в виду трудности тогдашнего положения?

А где найти редакторов, которые бы формально несли ответственность за газету и «отсиживали» всякие штрафы, которые приходилось предвидеть новой газете? Впоследствии мы из этого положения нашли; сравнительно, простой выход, так как у нас всегда было несколько редакторов рабочих, добровольными редакторами и отбывавших в полицейской части положенные им месяцы (2—3) за неуплату штрафа.

Вопрос с сотрудниками для ежедневной газеты был также не так прост. Рабочих сотрудников и у «Звезды», и у «Правды», было всегда много. Но страшно не хватало опытных журналистов-большевиков, способных вести газету.

Много было и других затруднений. Всего не перечислишь и не припомнишь. Однако, для рабочей газеты не было препятствий непреодолимых.

Памятные дни после ленского расстрела были могучим толчком к грандиозному под'ему рабочего движения. На гребне этого движения возникла «Правда».

В этот момент вокруг «Звезды» как-будто слышался гул рабочего возмущения против царизма. Стачки в Петербурге, стачки по всей России перекатывались какими-то волнами, все вырастающими, втягивавшими все большие сотни тысяч рабочих. «Звезда» твердо и беззаветно шла вместе с поднимавшимся рабочим классом, в передовых рядах которого уже слышались все громче прямые призывы к восстанию.

Некоторые моменты из этой полосы работы в «Звезде» особенно ярко остались в моей памяти. Мне пришлось в это время несколько недель работать по ночам и утрам в типографии на [illegible] газеты газетчикам и предс[illegible] рабочих с заводов, с раннего утра приходивших за газетой.

Обыкновенно газета, перед отправкой газетных страниц в печатные машины, несколько раз и несколькими лицами из членов редакции «цензуровалась». В несколько приемов выбрасывали ночные редактора отдельные, резкие отрывки статей и рабочих корреспонденций, чтобы только уберечь газету от штрафа, конфискации или закрытия. Коверкали все ст[illegible]и, примеривали каждое слово, чтобы оно не выдало с головой газету, приспособлялись и так, и этак, смягчая острые иглы фраз. Это была мучительная работа урезывания слова, затушевывания боевой мысли под угрозой цензурного сапога. Цензуровали мы тогда все статьи, заметки и корреспонденции, цензуровали сами себя, проверяли, кажется, по десять раз друг друга. У некоторых товарищей, помню, у Николая Гурьевича Полетаева в частности, развился особенный, так сказать, нюх к тому, как пройти через проклятую цензуру. Слово «революционный» заменяли чаще всего словом «неурезанный». Писали не «большевик» и не «социал-демократ», а «последовательный демократ» и т. д.

[illegible]работался какой-то условный [illegible], и наши читатели-рабочие привыкли к нему. Приходилось мириться с [illegible]. Волей-неволей мы занимались этим тяжелым делом палачей своего слова. Но и за неясными, иногда изуродованными цензурой словами, кипела всегда революционная мысль и воля революционного авангарда пролетариата. И вот в одно из своих дежурств на прод[illegible] же газет [illegible] развертываю «Звезду» — [illegible] номер, только что взятый [illegible]. Это было в ленские дни. Газета [illegible] кровавой Леной. Из [illegible] под цензуру [illegible] очень революционного протеста. Пр[illegible] бегло страницы [illegible] наконец, на одну ра[illegible] отделе «рабочее движение» [illegible] «довольно [illegible] в руках» [illegible]. Оказывается, [illegible]валось-таки нару[illegible] пролетарского возму[illegible], каждый день, [illegible] типографии, м[illegible] выкидывали эти искренни[illegible] слова из статей и заметок [illegible] прорывалось.

Вижу, что дело [illegible]. [illegible]ваюсь с места, разыскиваю Полетаева. Останавливаем машину. [illegible] тысяч отпечатано. Уже большинство [illegible] отпечатанного отослано с газетчиками на продажу к заводам. [illegible], что еще не послали [illegible] номеров.

Немного отлегло. [illegible] из машины вынимается [illegible], [illegible] это злополучное место. [illegible] машина снова работает. [illegible] типографии [illegible] на стороже. В цензуру [illegible] номера. [illegible] номера до цензуры [illegible]. Дальше идет все глад[illegible] случай. По тогдашним [illegible] должна была направляться [illegible] из-под машины в цензуру [illegible] отправки в цензуру [illegible] газету и [illegible]

Имелось в виду, что цензор, получая первые номера газеты, бегло просмотрев, не сразу же приостановит на первых экземплярах печатание «вредных» изданий.

Стали печатать сперва большое количество «Звезды» (а потом «Правды»), не выпуская сразу напечатанного из типографии.

А когда напечатана уже добрая половина, посылаем цензору его как бы «первые» экземпляры и тотчас грузим подготовленное на извозчиков и увозим все остальное. Закон соблюден, и газета в другом, далеком от цензора месте. Являющийся в типографию для конфискации номера цензор или пристав (по его поручению) забирает небольшое количество последних экземпляров. Но тут была придумана еще одна хитрость.

В ленские дни спрос на «Звезду» страшно возрос. Чтобы доставить пораньше газету на заводы, она печаталась для быстроты на двух машинах.

Помню вваливается в типографию пристав — конфисковать газету. Забирает по обыкновению мало.

У нас уже главное отправлено из типографии. Но приставу, видимо, об этом номере газеты были даны особенно строгие инструкции от начальства. Спрашивает, на какой машине печатаем «Звезду». Указываем одну машину, он требует вынуть стереотипы, сам бьет по ним палкой и разбивает на куски. Сделав свое дело, уходит с видом исполнившего свой долг верного служаки. Однако, на этот раз мы действуем в «союзе» с управляющим и рабочими типографии. Вслед за выходом из двора приставом ставим караул на улице, во дворе и в самой типографии.

[illegible] типографию при первом появлении полиции. И когда охрана установлена, пускается в ход вторая машина, где все осталось в порядке. Так неожиданно прекрасная ротационная машина превращается на несколько часов как бы в нелегальную технику, выпускающую уже «арестованную» «Звезду». А затем осторожно, с оглядкой, вывозим нашу нелегальщину из-под носа торчащих со всех сторон днем и ночью у типографии шпиков. При полном произволе царских властей, при расставленных кругом западнях и ловушках наша газета находила щели, через которые проникала в рабочую гущу. У «Звезды» в это время было уже достаточно для этого друзей, беззаветно преданных ей рабочих, она пользовалась глубоким влиянием и могучей поддержкой с каждым днем поднимавшегося после тяжелых лет столыпинщины пролетариата.

В эти дни, в дни ленских стачек и волнений рабочих по всей России, появилась «Правда».

К вечеру в типографии на Ивановской ул. (где и теперь печатается «Петроградская Правда») собрались организаторы и ближайшие сотрудники «Правды». Помню среди них наших депутатов в третьей Государственной Думе т.т. Полетаева, Н. Г. Покровского, Ив. П. Захарова, Предкальна. Помню и тех, кто фактически должен был первые месяцы редактировать и издавать «Правду». Это были т.т. Ольминский, Михаил Степанович, Еремеев, Константин Степанович, Данилов, Степан Степанович, Самойлов (Юрьев), Аркадий Александрович, Самойлова, Конкордия Николаевна (Н. Сибирский), Ильин, Федор Федорович (Раскольников), [illegible] и несколько других [illegible] преданных душой и телом родной «Правде».

Отмечу исключительную и разностороннюю энергию, которую в практической постановке развил т. Полетаев. Николай Гурьевич заботился и входил во все. Он и с типографией ладит, и квартиру подыскивает (для нее это было тогда далеко не пустяшное дело), и хозяйство газеты налаживает, и работников подбирает. Николай Гурьевич Полетаев все время, которое он мог отнимать от обязательных для него заседаний в Государственной Думе, отдавал «Правде», он вникал во всякое дело в «Правде» и помогал ей много. Депутат от петербургских рабочих в Государственной Думе, сам питерский рабочий и старый большевик, он, мало выступавший с речами в Думе, выполнял для петербургского пролетариата важнейшие дела скромно, незаметно, но действительно беззаветно. Не было такого часа в течение суток, когда бы вдруг не появлялся т. Полетаев с каким-нибудь делом в редакции или типографии «Правды». Я всегда с удивлением спрашивал себя, когда он спал?

Полетаев же был в первое время тем человеком, на карманы которого с первых же дней «Правды» почти ежедневно выкладывались в редакцию статьи наших заграничных идейных руководителей. Это были статьи т.т. Ленина, Зиновьева и, несколько реже, Каменева.

Как это было нужно и важно тогда, пожалуй, по справедливости могут судить только те товарищи, кто хорошо знает условия тогдашней нашей работы. Но «Правде» и тогдашнему нашему ЦК [illegible] это было хорошо известно.

В числе прочих предохранительных мер при создании «Правды» было решено [illegible] как

„ПРАВДА" В 1917 Г.

Попытка выпустить „Правду" в подпольи.

Это было в Питере, в конце 1916 и начале 1917 г.г. Группа товарищей получила задание от русского бюро ЦК партии поставить «Правду» в Питере. Руководил этим делом тов. Молотов. Прибежавшие в октябре—ноябре 1916 года из ссылки Дядя, Женя, Наташа, пишущий эти строки и др., и умерший ныне Дима Тихомиров были непосредственными исполнителями. Дядя где-то между Москвой и Волховом искал домик и готовился открыть что-то в роде мелочной лавки. Женя искала паспорт, чтобы сделаться его женой. Наташа, работая то в одной, то в другой типографии, воровала шрифты. Я со штатом Димы из медичек и стебутовок нагружал тогда еще молоденьких партийных девиц тяжелыми связками шрифта и рассылала разносить его по укромным углам.

Работа кипела. В январе мы уже имели и запас шрифта и доску с валиком; о ней мне сообщил и даже валик показал, кажется, В. А. Т. Успели с'ездить в Москву к литераторам, отвезти литературу, набрать корреспонденций из Москвы и Нижнего.

Тормозилось дело с домом и лавкой. То ли Дядя не мог тогда еще практически подойти к задаче, стоящей перед коммунистами и теперь—стать торговцем,—то ли задерживало что-то иное. Не знаю,—в коммерческие тайны Дяди я тогда не входил.

Судя же по запасам шрифта и прочему—дело можно было начинать.

Конец января и февраль до самой революции были горячими днями для Питера. Бастовали заводы, часто стояли трамваи.

Переходы с Васильевского на Выборгскую, оттуда в Лесной и Озерки, а после на Раз'езжую—переходы не малые. Не могу без жалости вспомнить, как одна из медичек, Лида П. фунтов двадцать шрифту вынуждена была тащить в один из морозных дней с Раз'езжей к себе на Васильевский Остров.

Но наше дело шло. Еще сильнее шло дело подготовки революции.

Призыв к демонстрации гучковских молодцов из Военно-Промышленного комитета. Призыв П. К.—стачки, демонстрации..., превратившиеся в революцию 27 февраля. Шрифт, валики, доску—сложили после в Выборгский районный комитет, уже легальный.

Хронику поместили в первом № легальной «Правды».

Работавшие над попыткой создать подпольную «Правду» собрались в «Правде» на Мойке.

ОДИН ИЗ ПРАВДИСТОВ.

Минувшие дни.

В 1914 году, за несколько недель до об'явления войны, царизм задушил «Правду». Снова «Правда» появилась на свет только с началом февральской революции 5-го марта 1917 года.

В конце февраля месяца, когда в Петроград, освобожденные революцией, с'ехались товарищи, было решено начать издавать свою газету. 4-го марта я, только что выпущенный из тюрьмы, получил от бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (больш.) на издание газеты 100 руб. и в придачу десятка полтора товарищей-солдат с винтовками. С этими материальными ресурсами вечером 4-го марта мы: т.т. Еремеев, Пылаев и др. отправились в типографию «Сельский Вестник» и заняли ее явочным порядком. Рабочие встретили нас с радостью, и работа закипела.

1-й номер «Правды» вышел в тираже 100.000 экземпляров. Номер был бесплатным. 2-й номер вышел с тиражем около 200'000 экз., и уже платный, который дал нам за один день несколько тысяч руб., так необходимых для пополнения наших весьма скромных денежных ресурсов.

Успех газеты среди рабочих был громадный. Рабочие, наконец, получили возможность открыто говорить так, как они только могут говорить, и призывать на борьбу с войной, с капиталом. Буржуазией газета была встречена ненавистью и страхом за свою судьбу. Всех работающих в «Правде» начали травить и рассматривать, как шпионов Германии. Борьба разгоралась и захватывала все более и более широкие народные массы.

Для усиления средств на издание «Правды», в виду все увеличивающихся расходов по изданию, в связи с вздорожанием бумаги и др. материалов (мы тогда хотя и пользовались готовыми запасами бумаги и др. необходимыми материалами, но за все платили полностью по счетам типографии), было напечатано воззвание к рабочим о сборах на издание «Правды». На это воззвание откликнулись рабочие всей России, и денежные пожертвования посыпались как из рога изобилия. С заводов Петрограда рабочие приносили деньги большими пакетами и узлами в платках. На разборке этих денег,—они состояли в большей части из 5-ти коп. бон,—сидело около десятка товарищей из курсисток Бестужевских и Стебутовских курсов и др. товарищей. Работали, не покладая рук, часов по 15 в день, и многие бесплатно. Часто, бывало, приедешь утром в контору и видишь тех же товарищей, которые начали работать накануне утром—одних сидящих за работой, еле передвигающих руками от утомления, других склонивших голову на руки на стол и сладко спящих, и вокруг них на столе кучи разобранных и неразобранных денег.

Работа протекала в очень трудных условиях. Подписка увеличивалась очень быстро, была необходимость увеличить штаты сотрудников, а их негде было посадить за отсутствием помещения. Сначала редакция и контора помещались только в двух маленьких комнатах, затем были получены еще две. Все наши старания найти подходящую квартиру кончались ничем—буржуазия не хотела сдавать для «Правды» квартир. Начали возникать недоразумения с администрацией типографии, начали проявляться попытки выселить нас из типографии. Перенести печатание газеты в другую типографию не представлялось возможным: нам в типографиях отказывали. Это поставило перед нами задачу приобрести свою собственную типографию. Было напечатано воззвание к рабочим о сборе в специальный фонд типографии. Воззвание имело громадный успех, и спустя полтора-два месяца мы уже имели возможность купить свою большую типографию «Труд» и ротационную машину в Финляндии. Организовали Товарищество «Рабочая Печать». Членами учредителями были: т.т.: Ленин, Зиновьев, Сталин, Я. М. Свердлов, Стасова, А. Гертик и я.

Борьба шла вширь и вглубь. Резко наметились два враждующих стана: «Правда» и рабочий класс в одном стане, прочие газеты с буржуазией и социал-патриотами в другом. Столкновение этих двух враждующих станов было неизбежно, и оно произошло в июльские дни.

Ясно помню настроение, которое было у меня 4-го июля. Утром этого числа я выехал из дому с большой суммой денег (свыше 20.000 руб.). Все эти деньги в банк. На остановке на углу Мойки и Невского пр. я пытался несколько раз сойти с трамвая, чтобы пойти в «Правду», а неведомый голос какой-то говорил—«не ходи, свези сначала деньги, а затем иди в «Правду». Так я и сделал и не без основания. Когда вернулся из банка, то в «Правде» нашел только кучу разорванных документов, разломанные столы и караул, будущих белогвардейцев, сынков буржуазии — юнкеров. Будь тогда при мне деньги, не быть бы живым. Прикончили бы со мной так же, как прикончили тов. Воинова, рабочего из экспедиции газеты «Правда», которому на улице распороли живот за то, что он продавал наши газеты. Деньги, конечно, присвоили бы, а в буржуазных газетах появилась бы заметка: «Задержали немецкого шпиона с большой суммой денег. Толпа так была возмущена, что расправилась самосудом». Юнкера меня сразу арестовали, отправили в штаб на Дворцовую площадь.

В штабе пробыл я до следующего утра. Ночь, проведенная в штабе, никогда не забудется мною. Это была ночь кровавого кошмара наяву. Беспрерывно приводили туда арестованных рабочих, избитых, окровавленных, а за стенами трещали пулеметы. Отношение ко всем нам, арестованным, было явно враждебное, как к немецким шпионам. Начальство всю провокационную политику и перед солдатами ярко подчеркивало, что с нами надо расправиться, как со шпионами. Это сказалось на следующее утро, когда меня и еще трех рабочих отправляли в тюрьму.

Вывели нас на площадь и перед посадкой в автомобиль издевались над нами, особенно надо мной, как сотрудником «Правды». Кто-то кричал из конвойных: «Что с ним (следует крепкое ругательство) возиться!.. Стащить его в Мойку и утопить, как паршивую собаку».

Остальные соглашались с этим и добавляли: «Туда и дорога шпиону, и делу конец». Другие предлагали более легкий способ отделаться: «заколоть на месте», и демонстрировали это на деле, приставили штыки к моему животу. Некоторые заходили в это время сзади и предлагали «вдарить прикладом», так, чтобы я опустился на штыке. Когда я пытался им раз'яснить, то получил такой решительный окрик: «молчать, шпионская сволочь», и стоило ясное движение штыками, что пришлось замолчать. Издевались минут двадцать, пока наконец не нашлось из конвоиров более решительного, который от угроз перейдет к делу. Начальство присутствовало и не пыталось прекратить издевательства, вело себя так, как будто было абсолютно глухое.

Наконец, скомандовали: «садись на автомобиль», и когда я стал влезать на грузовик, то получил такие сильные удары по спине прикладом, что у меня открылся рот, и я некоторое время не мог его закрыть и говорить, а внутри почувствовал какую-то пустоту. Привезли в Пересыльную тюрьму. Там издевательства со стороны юнкеров не прекращались, хотя начальником тюрьмы тогда был офицер меньшевик. После выхода из тюрьмы, на квартиру ко мне приходили агенты контр-разведки Керенского и наводили справки, как я живу, чем занимаюсь, не получаю ли денег из-за границы. Швейцар всегда сообщал мне об их посещении, добавляя: «Так же справляются, как и при царе, ничего не изменилось».

После разгрома «Правда», за неимением типографии, некоторое время не выходила. Наша типография «Труд» была тоже разгромлена и требовала солидного ремонта. При разгроме типографии сильно были избиты т.т. А. М. Гертик и С. М. Закс. Потом «Правда» стала выходить под видом «Рабочий и Солдат». Здесь следует высказать восхищение перед той энергией и уменьем, с каким вел дело заведующий «Солд. Правды» в после-июльские дни, в атмосфере травли и злорадства, тов. Н. И. Подвойский. В августе, уже в собственной типографии, «Правда» выходила под разными названиями до 25 октября. С октябрьских дней «Правда» приняла свой старый вид и название, продолжает выходить и будет выходить, пока будет существовать борьба рабочего класса.

С большой скорбью вспоминаю дорогих товарищей, сотрудников по работе в «Правде», т.т. Мендельсона и Гальперина, погибших на фронте в 1919—20 г.г.

К. ШВЕДЧИКОВ.

О „Правде" 17 года.

10-е июня 1917 года—это удар хлыстом по голове огромнейшего народа, пытливо искавшего путей революции и творчества ее.

Хлыст был в руках Временного Правительства: остатков от «10 министров-капиталистов», плюс «соглашатели» из тогдашнего ВЦИК. Хлестнули в интересах западно-европейской буржуазии, с целью погнать народ на продолжение империалистической бойни.

Продолжать бойню возможно было при условии обуздания народа и армии; обуздать народ было возможно только при условии удара по голове его—по питерскому пролетарию, его вождям, его организациям, его средствам агитации.

А пролетарий решил оказать сопротивление, опротестовать решение Керенского продолжать бойню и потому назначил демонстрацию протеста против Временного Правительства, против продолжения бойни, за власть Советов, за власть рабочих и крестьян.

А потому—против Ц. К. (дом Кшесинской) тел. Половцев поставил пушки.

Выборгской стороне, Васильевскому, Петроградской об'явили интервенцию. Развели мосты и к границам по набережной Невы расставили пограничные посты из юнкеров. На сухопутные границы в Невской заставе, к Нарвскому—были двинуты вооруженные силы.

Ленина, Зиновьева и т. д., все тех, кто «в пломбированных вагонах привез большевизм из Германии»—искали, чтобы арестовать. Троцкого, Каменева и других—посадили.

«Правду» на Мойке, граничащую с монархическим махровым Всероссийским штабом с одной стороны и банкирским Невским и Морской,—недостаточно было изолировать: ее в этот момент нужно было и прямо изорвать.

Так с ней и поступили.

С самого своего рождения «Правда» 1917 г. вызвала злобную ненависть Невского и Временного Правительства.

Ушатами грязной и злословной лжи из «Маленькой Газеты», «Копейки», «Единства» и друг. обливали ее.

Этим хотели изолировать «Правду» от рабочих и солдат.

Большими простынями «Речи», «Дня», «Биржевки», «Дела Народа», «Рабочей Газеты» и др. прикрывали нашу маленькую «Правду».

Этим отравляли рабочих и солдат изолировать от «Правды». Запрещая солдатам читать «Правду», отказываясь ее отправлять по почте, уничтожая в пути тюки с «Правдой», отказывая в бумаге для «Правды» и т. д. и т. п.—они стремились скрыть от рабочих, солдат и крестьян правду о действительном лице и политике правительства коалиции буржуа и социалистов.

Но все эти меры не достигали цели. «Правда» находила пути к рабочей и солдатской массе, и масса находила «Правду» и прямо относительно путей развития революции...

Буржуазия наглела. В конце июня в газетах проституток, шпионов, и сутенеров: «Маленькая Газета», «Копейка» и др., начали появляться кивки на разгром «Правды».

В это же время на Невском, Морской, Мойке богема кафе и ресторанов Морской и Невского и богема Лиговки, Американского моста, Обводного — демонстрировали свое единство и солидарность, свою общую ненависть к «Правде».

Пролетарий, пробиравшийся в «Правду» через эти толпы, каждый раз испытывал чувство тревоги за «Правду».

«Не случилось ли что там»,—беспокойно билась каждый раз мысль при повороте с Невского на Мойку.

«Не на месте «Правда»,—болезненно сжималось всякий раз сердце, «к заводам бы ближе ее».

На открытый дневной погром контрреволюция не шла...

Это сделали «законно» от имени правительства буржуа и социалистов.

Ген. Половцев мотивировал свой разгром необходимостью произвести обыск и арестовать склад оружия и «команду, ему не подчиненную»...

Конечно, «оружие» и «команды», охранение редакции, были...

Тогда был не такой момент, чтобы все это не иметь, также каждая рабочая организация, в тот момент должна была быть и командой солдат и бастионом.

Дядя Костя, пишущий эти строки, корректор Женя и еще 2—3 человека бывших и постоянных работников «Правды» и командой охранявшей ее. Каждый из нас имел по винтовке.

Дядя Костя изо дня в день составлял и выпускал очередные номера газеты и неизменно участвовал. Мы помогали ему в его мирных и ратных делах. Демьян Бедный и тот не увернулся от ратных дел. Также в трудные дни получал «директивы» и «указания» о разведке на Невском и Морской и одновременно написать басню для номера. Только потому его басни о шпиках были хороши.

В дни 3-го июля солдаты, приносившие резолюции от какого-то полка, увидав настроение Невского, заявили о желании стать на караул в «Правде». Запаслись провизией, взяли в полку винтовки и в составе 5—6 человек пришли, как команда на пост... Вечером помогали при верстке номера, корректировали и остались мужественно защищать родную им «Правду».

Утром, 4-го... Во дворике горели старые номера газеты, «канцелярия» из нескольких квитанционных книжек: «железный фонд», «иногородние подписчики»; в комнатушке редактора—стол, за которым иногда днем блестела лысина Ильича и темнела голова Зиновьева, а вечером величественная трубка дяди Кости пускала клубы дыма; этот стол—повален на бок, разбит ящик, бумаги, натоптанные сапогами, густо покрывали пол...

В наборной, в конторе, везде и всюду набросанная бумага, поваленная и поломанная мебель, машинка...

Большие гладкие валы ротационки засыпаны песком.

Прошел вандал. Законнейший представитель буржуазно-социалистического Временного Правительства.

«Социалистическая» печать умеет мягко выражаться; она мягко выразилась и здесь, назвав все это «обыском».

Удар по голове был основательный...

Мы некоторое время не имели своей газеты, партия перешла на полулегальное существование.

Ильич, Зиновьев—на нелегальное, Троцкий, Каменев—легализировались в Крестах.

Но он далеко не сломил нам головы...

Числа 6-го—7-го на В. Сампсоньевском проспекте, в Выборгском районном комитете нашей партии, группа правдистов пыталась набирать листовку вместо «Правды»—из запасенного шрифта и материала. Но и этого не потребовалось, через несколько дней можно было выпускать уже новую «Правду» под названием «Рабочий».

ОДИН ИЗ ПРАВДИСТОВ.

Страничка из жизни „Правды".

Лето 1917 года. Подготовительный период Октябрьского переворота. Редакция «Правды», помещавшаяся на Мойке, была в это время не только идейным центром, ежедневно выбрасывавшим лозунги, сплачивавшим рабочую массу и наносившим жестокие удары классовым противникам, но и местом, где решались важнейшие политические и организационные вопросы. После всероссийской партийной конференции, весной 1917 г., ЦК партии чаще всего заседал в редакции «Правды». Тов. Ленин являлся фактическим редактором «Правды» в это время.

В течение всего дня в маленькой комнате всегда можно было встретить членов ЦК. Совместно намечалось содержание номера. Давались темы. Тут же писали зачастую статьи. На одном конце стола сидит и строчит тов. Зиновьев или тов. Каменев, на другом—тов. Ленин или еще кто-либо.

Тут же устраивались и заседания Ц. К., благо он тогда не был так многочислен, как теперь, всего 9 человек, причем, часто человека 2—3 бывало в от'езде.

Приходило наше «Оргбюро» в лице тов. Свердлова и секретаря тов. Е. Д. Стасовой, и заседание открывалось.

Многое из того, что пришлось осуществлять после переворота, обсуждалось и высказывалось в эти дни в маленькой комнате редакции «Правды».

Апрельская массовая демонстрация. Натиск на буржуазию. Требование удалить из Временного правительства ее представителей: «Долой министров-капиталистов».

В редакции трое—тов. Ленин, тов. Смилга и я. «Будущие историки,—говорит тов. Ленин,—не поймут, что это: просто демонстрация или начало вооруженного восстания?»

Я не знаю, как расценят это событие будущие историки, но мы тогда чувствовали, что это первые пробные шаги, начало «прощупывания штыком».

Бурные, ужасные дни мне не пришлось быть в Питере, я был командирован в это время в Поволжье.

Вся буржуазная пресса с бешеной ненавистью относилась к «Правде», но в массах, на заводах «Правда» пользовалась огромным влиянием.

На Невском ее не всегда было безопасно продавать, в рабочих районах она зачастую была единственной газетой, которую читали.

В. МИЛЮТИН.

Старый сотрудник Правды участник [illegible] группы меньшевиков покинувший заседание с рядом большевиков в знак протеста против их платформы

[illegible] Иванов

Октябрьская „Правда".

Головокружительно развиваются события... Керенщина доживает последние дни. Разоблаченные перед массами эсеры и меньшевики, засевшие во Временном Правительстве, идут ва-банк. Юнкера офицерня, черносотенные подонки и хулиганы—все пускается в ход, чтобы расправиться с ненавистным большевизмом. Нет силы завладеть настроением рабочих и солдат Питера, так пускается в ход провокация, делаются попытки захвата отдельных большевистских вождей, производятся разгромы районных партийных комитетов, громят газеты. В воздухе пахнет антибольшевистским погромом, идет подкарауливание и нападение из-за угла. В такой обстановке приходится вести партийную работу, итти на последний штурм разлагающегося соглашательского болота.

Особенно тревожное время приходится переживать большевистской печати. Издание газеты нельзя по желанию перенести в любую из цитаделей большевизма—в Выборгском или Нарвском районе. Там, конечно, она была бы гарантирована от всяких неожиданностей, от всякого нападения и разгрома со стороны агентов Керенского. Но ни одна буржуазная типография не соглашается печатать рабочую газету. «Рабочий Путь», орган нашей партии, выпускаемый вместо закрытой «Правды», приходится выпускать в собственной партийной типографии. Типография партии «Труд» помещается на Кавалергардской ул., 40, и полностью разобщена с рабочими районами. Шпики из контр-разведки и прочая охранная сволочь обволакивает ее сплошным кольцом.

Типография эта чрезвычайно плохо оборудована и совершенно неприспособлена к потребностям момента. Она с трудом справляется с поставленной задачей. Но группа газетных работников напрягает все усилия по выпуску газеты, спокойно работает, несмотря на все угрожающие симптомы. Всего только за несколько дней перед этим в типографии происходит безобразное избиение работавших, а в воздухе вновь носится лозунг погрома.

Правительство Керенского решает раз и навсегда покончить с рассадником большевистской заразы и берет, что говорится, «быка за рога». Вот что читаем мы в хроникерской заметке от 7 ноября (25 октября) 1917 г.:

Закрытие «Рабочего Пути».

«Вчера в 5 ч. 30 м. утра в типографию нашей газеты явился комиссар 3-го Рождественского района с отрядом юнкеров 2-й Ораниенбаумской школы. Окружив все входы и выходы, комиссар пред'явил выпускающему ордер Полковникова, главнокомандующего Петроградским округом, о немедленном закрытии газеты «Рабочий Путь» и «Солдат», а также типографии.

Выпускающий на это ответил, что он не признает никаких указов, откуда бы они ни исходили, без санкции Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов и от принятия ордера отказался, о чем был составлен протокол.

Газета все же была закрыта. Стереотипные отливы разбиты, типографию опечатали и часть газеты, уже отпечатанной, увезли в комиссариат».

Где бы вы думали, читатель, была помещена эта заметка, констатирующая закрытие «Рабочего Пути»?—Мы находим ее в очередном номере этого закрытого Керенским «Рабочего Пути», прекращение издания которого являлось для Временного Правительства ультимативным.

Но Временное Правительство постановляет, а Военно-Революционный Комитет Петрограда располагает. В ответ на это постановление он издает свое постановление, где в ответ на закрытие рабочих газет приказывается:

1. Типографии революционных газет *открыть*.

2. Предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет.

3. Почетная обязанность охранения революционных типографий от контр-революционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона.

И доблестные полки своими штыками защищают, своею грудью газеты.

А в передовой, от того же 7-го (25) числа, «Рабочий Путь» пишет:

«Всякий солдат, всякий рабочий, всякий [illegible] социалист, всякий честный демократ [illegible] не видеть, что созревшее революционное столкновение уперлось в немедленное разрешение.

Или—или...

Или власть переходит в руки буржуазно-помещичьей шайки...

Или власть переходит в руки революционных рабочих, солдат и крестьян и тогда...»

Так пишет передовик Р. П., а вечером того же дня Военно-Революционный Комитет Петроградского Совета выносит свое знаменитое: «К гражданам России», где говорится:

«Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона».

Революция победила. Постановление правительства Керенского о закрытии «Рабочего Пути», как и многое прочее, повисло в воздухе. А рабочая газета, загнанная до тех пор в типографскую конуру, на завтра имеет возможность печататься уже в одной из лучших типографий Петрограда — бывш. «Русской Воли». Вновь издаваемая с дорогим заголовком «Правды» разносит в десятках тысяч экземпляров благую весть о взятии власти в свои руки трудящимися, рабочими, солдатами и крестьянами.

Так творится история...

Но взять в свои руки типографию, поставить охрану, это по тогдашним условиям еще далеко не обозначало быть уверенным в выпуске газеты.

Типографская масса, отчасти напуганная разными слухами, отчасти науськиваемая различными меньшевистскими шептунами, колеблется: она в нерешительности, она митингует. Питерские рабочие, получившие с переходом власти в их руки в первый раз возможность воспользоваться «свободой печати для рабочего класса», находятся некоторое время под угрозой лишиться этой драгоценной для них свободы, благодаря предательству из собственных же рядов. Все же классовая солидарность берет верх, а парочка злостных крикунов быстро выпроваживается из типографии комиссаром, поставленным Революционным Комитетом в типографию, тов. С. Ураловым.

Ширится революция, события бегут одно за другим. Усложняются задачи рабочей печати.

Газету рвут из-под станка. Она разносит на своих столбцах одно событие знаменательнее другого: арест министерства Керенского, декрет о мире, декрет о земле, декрет о печати, образование Совета Народных Комиссаров, переход власти в Москве к Советам и это все в течение 3—4 дней.

Ураган событий сметает без остатка недавнее старое, казавшееся таким несокрушимым, таким «вечным». Он приводит в революционный экстаз одних, и полную дезорганизацию и бессильное пенешательство других.

«Правда», в это время является не только листком бумаги с кинематографическим изображением событий, не только простой изобразительницей прекрасного лика революции. Нет, она сама *горит!* Поражает врагов революции, сечет сарказмом, приветствует восставшего исполненного борца, возбуждает энергию и энтузиазм, оплакивает жертвы вечерние и снова зовет на бой! Она отражает в себе самой этот подлинный лик революции!

Сравните теперешние, чересчур академичные, газеты с раскаленной лавой мощного революционного слова, потоком рассылаемого октябрьской «Правдой», и вы поймите темп биения ее жизни... вы почувствуете вновь дыхание октябрьской революции!...

Октябрьский переворот сразу потребовал массы большевистских сил. Всюду нужно было назначать ответственных товарищей-большевиков. Ясно, что сил, которые могла бы уделить партия газете, было чрезвычайно мало. Тов. Сталин, бывший ответственный редактор «Рабочего Пути», отошел от литературной работы, окунувшись с головой в дела Исполнительного Комитета. Луначарский и другие товарищи распылились кто куда. В газете, в качестве ответственных редакторов были тогда Сокольников, потом Бухарин. Мария Ильинична Ульянова несла функции секретаря и большую часть времени проводила в Смольном, а в качестве заведующего редакцией, ночного редактора, а впоследствии и члена редакционной коллегии почти круглые сутки проводил в типографии я.

Вскоре мы стали выпускать еще утренний выпуск, так что работы была масса; достаточно сказать, что за три первых недели мне не пришлось даже ни разу раздеться, спали тут же на столах. Забегали в редакцию Володарский, Слуцкий, Ионов и еще пара товарищей, и, конечно, неизменный Демьян Бедный.

Передовицы почти все были написаны товарищами Бухариным и Сокольниковым, которые и являлись как бы живым звеном связи с Исполнит. Комитетом Советов и с Ц. К. Работали они взасос с упоением. Шпарили другой раз по две и даже более статей за вечер (и к утреннему и вечернему выпуску). Статьи шли без подписи, за счет редакции, что даже нужно было бы сделать в отношении большинства редакционных статей теперешних газет. Писателей было мало, до смешного мало, но они и не требовались на первых порах, ибо центр тяжести лежал в агитации. А каждый декрет и каждый документ поверженного во прах самодержавия, вроде «тайных договоров», кричал лучше всякой нарочито написанной статьи. Связь с массами не прерывалась на столбцах газеты, резолюции заводов, постановления полковых собраний, требования крестьян,—все находило себе отклик в «Правде».

Хорошее было время. Хорошая работа. Но все же мне скоро пришлось расстаться с «Правдой», перейдя на хозяйственную работу.

М. САВЕЛЬЕВ.

Мое [illegible] — [illegible] была дорогая «Правда» стала такой же другой, созданной в [illegible] широких [illegible] рабочих масс, какой [illegible] «Правда» 1912—1914.

Н. Крестинский

можно ближе к русской границе. И действительно, уже с весны 1912 г. т.т. Ленин и Зиновьев перебрались из Швейцарии в Австрию (теперешнюю Чехо-Словакию), поселившись около г. Праги. Каменев задержался в Париже. Отсюда из Праги и получали мы ежедневно пачку статей Ленина и Зиновьева для «Правды». Они писали на самые разнообразные темы. Тогда доставляли от них пакеты в 3—5 дней. Конечно, для ежедневной газеты, где нужны немедленные отклики на вопросы каждого дня, это было крайне неудобно. Но все мирились с этим, так как приехать в Россию им было невозможно. От них мы получали так много материала для газеты, так ценны были их руководящие статьи, что вряд ли найдется, насколько я помню, десяток таких номеров в течение, по крайней мере, первых 6 месяцев «Правды» (когда я имел к этому непосредственное отношение, как секретарь «Правды»), где бы не было по нескольку статей и заметок этих двух самых сильных сотрудников «Правды». Эти статьи были буквально спасением для редакции, столь бедной литературной силой. В них были, в первую очередь, руководящие указания для партии и для рабочего класса. Ленин и Зиновьев, а после и Каменев исключительно аккуратно, разносторонне и умело, хотя и издалека, руководили «Правдой» и снабжали ее материалом. Статьи пополнялись перепиской с редакцией. В самой «Правде» работала небольшая группа работников, о которой я сказал выше, поглощенная всецело разнообразными обязанностями по изданию и редактированию газеты. Вокруг газеты выросли сотни новых сотрудников—рабочих и работниц фабрик и заводов, приказчиков и низших служащих различных учреждений. Ежедневно приходила куча писем рабочих. Писались они зачастую каракулями; в начале не совсем складно; однако, рабочие корреспонденты видели, что с исправлениями их заметки «Правда» всегда печатала в большом количестве.

На «Правду» и ее работников сыпались репрессии. Мало кто из активных работников «Правды» выдерживал больше нескольких месяцев. Их арестовывали, высылали и т. д. Но кто может счесть, сколько пережили сотрудники «Правды»—рабочие, горно-промышленные служащие и т. п... Ведь многие в многие заметки и корреспонденции рабочих в «Правде», хотя и редко подписывались своим или полным именем пишущего, невольно открывали корреспонента хозяину. А уж добравшись до такого «писаки», хозяин или мастер не только давал волю всяким нелестным выражениям (помню, в одной корреспонденции об одном таком мастере было сказано так: «уж так-то у нас мастер выражается, так выражается, что даже паркета не замечает»), но редко оставлял его на заводе или мастерской. Все это спаяло еще больше «Правду» с рабочими-передовиками, а через них со всей рабочей массой.

Мы страшно чутко следили за подпиской на нашу «Правду». Мы знали, какое это в то время имело громадное значение не только для газеты, но и для самой партии. Является подписчик с нового завода, и мы знали, что это значит в заводе организуется ячейка нашей партии. Вокруг «Правды» при одном рабочем всегда создавалась группа. «Правда» давала им ежедневные инструкции в статьях по политическим вопросам. В корреспонденциях с заводов и фабрик шла информация о жизни и борьбе рабочих. В них вскрывались язвы капиталистической эксплоатации. В них в каждом слове и примере—был живой призыв к об'единению и борьбе. В «Правду» шло бесконечное количество приветствий от рабочих и забитых служащих. Почти с каждым приветствием рабочие направляли и какую-нибудь сумму денег (десятки рублей, рубли, а то и копейки), обыкновенно собранную между группой рабочих. Реже шли отдельные пожертвования. Чаще, почти всегда, групповые, а иногда и от целой мастерской и завода. Это была драгоценная и могучая связь и об'единение рабочих. Стачки на одном заводе вызывали стачку сочувствия, стачку солидарности в других. Но особенно велика была роль «Правды» в развертывавшемся тогда стачечном движении. Стачки происходили всюду, во всех отраслях промышленности, но впереди шли металлисты. Стачки росли и числом, и количеством участников, и длительностью. Экономическая стачка переходила в политическую. Меньшевики, непрошенные могильщики (ликвидаторы) партии, кричали о «стачечном азарте». Обвиняли «Правду» в том, что она разжигает у рабочих «стачечный азарт». Эти политические слепцы не видели, что стачка в этот момент была главной могучей формой революционного движения пролетариата.

Что делала «Правда»?

«Правда» не останавливалась перед тем, чтобы в периоды под'ема стачечного движения превращаться, так сказать, в стачечный листок. Ежедневно в такие моменты, как фронтовые сводки, «Правда» печатала отчеты об идущих стачках. Хроника стачечной борьбы в это время была пульсом газеты. И именно поэтому «Правда» была [illegible] борющихся рабочих. Именно поэтому «Правда» сыграла исключительную роль в подготовке революции...

Так вместе с поднимавшимся рабочим классом закладывался, после нескольких лет тюремного режима в стране, фундамент для могучего расцвета нашей партии.

Вместе с «Правдой» стали появляться новые печатные органы (обыкновенно, у профессиональных) союзов, которые шли под тем же знаменем «Правды».

Массовые организации рабочих и торгово-промышленных служащих, профессиональные союзы почти все встали под знамя «Правды».

У «Правды» был свой конкурент за влияние на рабочих—меньшевистская (ликвидаторская, как тогда говорили) газета «Луч». Мы печатались в одной и той же типографии. Впрочем, в этой же типографии печаталась и газета ярых и открытых крепостников-помещиков «Земщина». «Земщина» изрыгала ежедневно свою брань и крайние ругательства на всех, кто не признавал земным раем для трудящихся плетку крепостника и казацкую нагайку, как самую драгоценную вольность. «Правду» она называла не иначе, как бандой разбойников, грабителей и того лучше. Печатались, однако, рядом. И я помню, как ночью, во время выпуска газет нам попадалась навстречу кругленькая фигурка редактора «Земщины» Глинки и каких-то шпиков, мелькавших в комнатах «Земщины»—напротив. Рядом с нами был ликвидаторский «Луч».

В чем были наши разногласия: разногласия между «Правдой» и «Лучом», между «правдистами» и ликвидаторами «лучистами»...

[illegible]

Мы были «за три кита», «за неурезанные лозунги», как приходилось в открытой печати обыкновенно именовать три основных наших требования-лозунга: 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьей земли и демократическая республика, т.-е. свержение царизма.

«Луч» был за свободу коалиций, «за частичные лозунги», т.-е. выдвигал на первое место не свержение царизма-самодержавия, а получение уступочек, получение частичной свободы у царизма для союзов, собраний, слова и печати. Мы не отказывались от всяких, хотя бы и самых маленьких уступочек царизма рабочим, но и их использовывали для основной цели, к которой и призывали—свергать самодержавие и царя, долой помещика, улучшай жизнь и права рабочих.

Отсюда вытекало второе коренное разногласие «Правды» с «Лучом». «Правда», как и вся партия большевиков, говорила: пользуйся всякой отдушиной легальности при царизме; но пока есть царизм, наша партия должна иметь опору и руководителя в нелегальной (подпольной) партийной организации, где партия должна сплотить самую стойкую, самую сознательную и организованную свою силу. Через эту организацию партия руководит всей (в том числе и открытой) работой партии.

«Луч» стоял за легальность во что бы то ни стало. «Луч» считал подпольную организацию партии не только ненужной, но и вредной, изображая ее как оторванную от рабочих масс кучку людей, навязывающих свою волю рабочим организациям. Вывод отсюда был—уничтожь, ликвидируй (вот откуда они назывались ликвидаторами), все внимание обрати на открытые легальные рабочие организации — союзы, культурно-просветительные общества, легальные газеты и т. п.

Мы оставили руководство за сплоченной, при царизме неизбежно подпольной, партийной организацией, которая и должна была использовать каждую легальную открытую возможность. Они (ликвидаторы) обливали грязью «вредное подполье», «на брюхе вползая в легальность» при царизме.

И тут вырастал третий боевой вопрос разногласий.

С 1912 г. наша партия окончательно и навсегда порвала с меньшевизмом, заклеймив их бегство из подполья и призвав партию очиститься от этих подкрашивающихся под друзей изменников пролетариата.

«Луч» (ликвидаторы) попытались нас прославить раскольниками, а себя—великими поборниками «единства» пролетариата.

И это сорвалось. Рабочие инстинктивно тянулись и тянутся к единству, зная, что в этом их сила. Но какое единство. На это чем дальше, тем больше ответ выяснялся для всего авангарда революционного пролетариата. Единство под знаменем «Правды», большевиков и их неурезанных лозунгов—росло. «Правда» шла революционным путем, укрепляла и строила революционную партию; «Правда» действительно об'единила на этом лучшие силы целого поколения пролетариата, которое было руководящей силой пролетарской революции в октябре 1917 г.

Мне пришлось быть секретарем «Правды» в течение первых 6 месяцев (кроме нескольких дней вначале, когда секретарем был назначен тов. Раскольников—Ильин, Ф. Ф.). Потом я был вынужден скрыться, перейти на нелегальное положение и после ареста снова работать в «Правде» уже осенью 1913 г. до нового ареста (тогда я взял в «Правде» отдел профессионального движения и работал в союзах). Но эти первые месяцы наверно навсегда останутся одним из лучших моментов моей партийной работы.

Тогда в мою комнату секретаря редакции вливался поток людей и событий такой бодрой революционной силы и смелости, которые бывают только в такие знаменательные времена, как эпоха работы «Правды».

Вот вваливается рабочий с постройки на Лиговке, держа в руках огромные, криво ободранные куски обоев, на которых карандашные большие каракули описывают требования забастовавших рабочих на стройке.—Товарищ, помести, чтобы завтра в «Правде» все наши прочитали.—Нельзя не поместить—вести со стачечного фронта, и притом с нового, как будто далекого участка.

Вот опять трое рабочих металлистов с «Сименса и Гальске», где уже два месяца тянется стачка, за которой смотрит и которую поддерживает весь питерский пролетариат. Тут же эта тройка мне уже хорошо известных по ежедневным посещениям товарищей, фактически руководящий стачечный центр, обсуждает полушопотом в сторонке стратегию и тактику стачки. Они, обсудив свое положение, сейчас же оставят заметку, как держаться и на что есть надежда у сименцев. Мы и сами с ними обсуждаем каждый их шаг.—Завтра—в газету нужно, говорит он [illegible] до.—Ладно, товарищи, будет сделано.—И знаем, что завтра на митинге забастовщиков в Гавани «Правда» будет жадно читаться у нескольких тысяч сименцев.

А вот и новый сотрудник газеты, робко передающий небольшую заметку о мастере, ненавистном в мастерской всем рабочим. Просит просмотреть, что нужно изменить, исправить и напечатать. Спрашивает еще, нельзя ли не печатать его фамилии. Соглашаемся. Уходит, знаю, что принесет еще и еще. А за ним и другие...

Приходили к секретарю редакции и другие посетители. Нет, нет да и наведывается какой-нибудь подозрительный джентльмен с бегающими глазами в шпиковском пальто. Расспрашивают о возможности завязать связь якобы их организации или об условиях сотрудничества. Видишь, что цель у него—посмотреть, что находится в комнате и запомнить твое лицо.

Редко, но бывали случаи, когда являлся представитель какой-нибудь капиталистической фирмы с более чем ясными намеками прекратить о них писать, а то мы пожалуемся, а то мы судом добьемся и т. д. Угроз этих нам нечего было бояться. Мы видели, как само царское правительство, при всей своей ненависти и злобе, принуждено было терпеть «Правду», за которой стояли тысячи и тысячи рабочих-друзей...

Обыкновенно только на рассвете (я имею в виду при этом главным образом весну, лето и осень 1912 г.) мы расходились по домам только на несколько часов. Возвращаясь утром в редакцию, редко упустишь случай спросить по пути у газетчика — есть ли «Правда». И когда знакомый газетчик вытаскивает «Правду» у себя из какого-то далекого места—значит, что это номера конфискованной «Правды», которая все-таки живет.

Приветствия, полученные „Правдой“ в день ее 10-тилетнего юбилея.

ОТ МСРК и КД.

История «Правды»—история революционной борьбы рабочего класса России. Столбцы «Правд»,—летопись его тяжких поражений и невиданных побед. «Правда»—знамя, вокруг которого он организовался и которое поднял над всем миром. «Правда»—неустанный учитель и немолчный призыв к неустанной борьбе за торжество рабочего дела. В этой борьбе, к этой цели мы рады идти рука-об-руку и нога в ногу с нашей «Правдой».

Президиум МСРК и КД.

ОТ М. Г. С. П. С.

Президиум МГСПС приветствует ЦК РКП и газету «Правда» в день исполнения 10-летия существования газеты.

Появившись на свет в дни темной реакции, «Правда» высоко несла знамя борьбы за освобождение рабочего класса. Профессиональное движение России развивалось и укреплялось и заняло революционную позицию в значительной степени под влиянием той выдержанной революционной линии, которую «Правда» проводила неуклонно в течение десятилетия существования и борьбы.

Президиум, приветствуя «Правду», выражает уверенность, что газете предстоит еще многолетняя революционная работа, и что профессиональное движение России, воспитанное «Правдой», будет вместе с ней в этой работе.

Председатель МГСПС Мельничанский.

ПРИВЕТ СОРАТНИКУ.

Нашему соратнику по борьбе [illegible] за светлое будущее рабочего класса, за коммунизм, [illegible] центральному органу нашей партии — «Правде» в день десятилетия братский привет.

Редакция «Известий ВЦИК».

ПРИВЕТ НЕУТОМИМОМУ БОЙЦУ.

Редакция газеты «Рабочий» шлет привет младшего брата новой, послереволюционной «Правде», неутомимо продолжающей делать начатое «Правдой» дореволюционной. Вместе с приветом, мы шлем наши горячие пожелания продолжать и дальше боевую деятельность по закреплению завоеваний пролетарской революции.

Редакция газеты «Рабочий».

ОТ «БЕДНОТЫ».

Привет тебе, «Правда»! Твое юбилейное торжество есть торжество и рабочих и крестьян вместе. Победа пролетарской диктатуры, за которую ты упорно и славно боролась и боренься, дала крестьянам, наряду с другими завоеваниями, и возможность иметь свою газету, прокладывающую в русской деревне, как ты на заводе, пути к торжеству правды труда.

Редакция и крестьяне-корреспонденты «Бедноты».

ОТ РЕДАКЦИИ ГАЗ. «ГУДОК».

Редакционная коллегия «Гудка» приветствует «Правду» в день ее 10-летней годовщины.

Тернист был путь пролетарской «Правды», тем радостнее, значительнее ее победа.

Сегодняшний всероссийский праздник —новое доказательство ее победы.

ОТ ГАЗ. «ЭМЕС».

Редакция газеты «Эмес», органа Ц. Б. евсекции при ЦК РКП, шлет свой привет «Правде» ко дню ее 10-летнего юбилея. Простое, как бы обыденное слово —«Правда», появившись 10 лет тому назад, как название первой в России рабочей газеты, за годы пролетарской борьбы и побед стало синонимом и символом мировой пролетарской революции, несущей правду освобождения трудящимся массам всего человечества.

«Правда»—это уже не только газета, а неумолчный призыв и непрерывное осуществление идеалов международного пролетариата. На «Правде» учились и учатся героизму борьбы и искусству побеждать рабочие всех стран и народов. Воцарилась «Правда» и в среде еврейского пролетариата, избравшего для своей центральной рабочей газеты имя своего великого прообраза. Редакция «Эмес» вместе со всем пролетариатом надеется, что скоро наступит время, когда миром будет владеть только одна «Правда» пролетарской диктатуры и ее вдохновителя и организатора—III Коммунистического Интернационала.

Редакция «Дер Эмес».

ОТ РАБОЧИХ 2-й ОБРАЗЦОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

Прошло десять лет… Долгих лет борьбы за лучшее будущее рабочего класса. Свежи воспоминания о тех репрессиях, которые пришлось переносить рабочей печати от царского режима.

Теперь, набирая и печатая газету «Правду», рабочие 2-й Образцовой типографии приветствуют «Правду» в день ее 10-летнего юбилея, и выражают надежду, что, вступая во второе десятилетие, «Правда», как и до сих пор, будет выразительницей воли и нужд трудящихся.

Да здравствует рабочая печать!

ОТ РЕДАКЦИИ «РАБОЧЕЙ МОСКВЫ».

Редакция «Рабочей Москвы» шлет свой братский привет «Правде» ко дню ее десятилетнего юбилея.

Каждая рабочая газета, желающая не на словах, а на деле быть рабочей, не может не проникнуться лучшими традициями «Правды».

Да здравствует на многие годы наша «Правда»! Да здравствует родоначальница массовой пролетарской газеты! Да здравствует рабочая печать!

Редакция «Рабочей Москвы»:

Б. Волин.
Ин. Ступов.

ОТ Ц. Б. ВСЕРОССИЙСКОЙ СЕКЦИИ РАБОТНИКОВ ПЕЧАТИ.

Пленум центрального бюро всероссийской секции работников печати горячо приветствует «Правду» в день 10-летнего юбилея ее служения рабочей революции. Славные традиции «Правды» служили и всегда будут служить образцом и примером для всех работников пролетарской печати.

Ц. Б.

ОТ ТОВ. Б ВОЛИНА.

Как один из редакторов «Правды» в 1918 году, шлю горячий коммунистический привет родной «Правде».

Из всей нашей тогдашней напряженнейшей редакторской работы мне запомнился один любопытный момент. Кажется Марья Ильинишна или тов. Бухарин как-то сообщили, что Владимир Ильич категорически настаивает на том, чтобы мы писали коротенькие статьи строк по 50 и на разнообразнейшие темы. Мы (Бухарин, Осинский, Ярославский и я) засели за такие статьи. Каждый из нас написал их по 2—3 штуки. Кажется в двух номерах мы дали таких статей до 20. Но дело это оказалось в высшей степени трудным. Легче было писать длинные статьи. Директиву Ильича мы так тогда и не выполнили…

Бор. Волин.

РУКОВОДИТЕЛЯМ И СОТРУДНИКАМ «ПРАВДЫ».

Дорогие товарищи!

Десять лет тому назад революционный под'ем российского пролетариата создал первую ежедневную рабочую газету. Десять лет великой борьбы и великих достижений отделяют нас от этого момента. И каждый лист «Правды» [illegible] десять лет—одновременно [illegible] ционной истории и [illegible] пути.

Создание [illegible] стической [illegible] начиналась [illegible] [illegible] ра[illegible] с революционной [illegible] [illegible] под'ема, она на [illegible], когда разгул [illegible] диктатуры сковал [illegible] класса к борьбе, чтобы после [illegible] царизма снова подняться на гребне революционной волны.

«Правду» не могли задушить ни дикая ненависть и происки буржуазии, ни разнузданный террор белогвардейщины в мрачные июльские дни, потому что она была и есть кровь от крови и плоть от плоти авангарда трудящихся масс, борющихся за окончательное освобождение, за коммунизм.

История «Правды» стала историей революционной борьбы российского пролетариата. Но для нас, современников этой великой борьбы, не в этом главное значение руководящего органа пролетарского авангарда. Для каждого сознательного рабочего, для каждого работника революции «Правда» в первую очередь незаменимый друг и учитель.

Она близка рабочей массе, как газета, живущая ее интересами, радующаяся ее победам, разделяющая ее скорбь в дни неудач и лишений. Рабочий класс научился видеть в «Правде» учителя, который в самой запутанной и тяжелой обстановке указывал ему путь, ведущий к победе. И поэтому «Правда» стала вождем, призывам которого внимают и следуют пролетарские массы.

Юбилей «Правды»—одновременно великий праздник тех, кто руководил ею и работал в ней в эти бурные годы. Мы, быть может, больше, чем кто-либо иной, в состоянии оценить размеры проделанной вами работы. Мы знаем, что «Правда» могла стать тем, чем она является сейчас, только благодаря неутомимой энергии, восторженному и любовному отношению к своему делу со стороны ее сотрудников. В день праздника рабочей печати мы обращаем свои мысли к вам, товарищи, стоящим во главе «Правды» и работающим в ней, и вместе с вами разделяем вашу радость.

Сотрудники управления периодической печати («Роста»).

(Следуют 17 подписей).

ОТ «РОСТЫ».

Российское Телеграфное Агентство приветствует первую русскую пролетарскую газету, созданную рабочим классом в дни его великих испытаний, идейно руководившую им в прошлые годы его великой революционной борьбы и оружием печатного слова могуче содействовавшую его великой победе. «Роста», как один из штабов армии красной журналистики, приветствует пролетарскую «Правду», которая была, остается и будет передовым идейным знаменем всей периодической печати Советской республики.

Ответственный руководитель «Роста» Я. Долецкий.

ОТ БЫВШИХ СОТРУДНИКОВ «ПРАВДЫ».

В день 5 мая шлем горячий привет дорогой «Правде», мужественно несущей знамя героической борьбы пролетариата.

В этот день вспоминаем бурные дни 1918 г. — дни нашей работы в «Правде» с бессменным и незаменимым секретарем ее Марией Ильиничной и бессменным редактором, милым Бухарчиком.

Бывшие сотрудники «Правды»:

Ек. Ямпольская.
Евгения Дидриниль.
Елена Жданович.

РАБОЧИЕ - ПОЭТЫ—«ПРАВДЕ».

Кружок рабочих - поэтов при рабочей газете Баумановского района „У станка“, в день 10-летнего юбилея существования газеты «Правды» шлет «Правде», сеющей пролетарскую правду, горячий рабочий привет. Живи и работай, наша «Правда», помогай нам строить нашу новую жизнь так же, как когда - то, работая в подполье, помогала нам сбросить с себя гнет царя и буржуазии.

Кружок рабочих - поэтов при газете «У станка».

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ, МАРИЯ ИЛЬИНИШНА!

Мы, рабочие-корреспонденты, в день десятилетия «Правды» приветствуем вас. Вами первой было положено в революционный период начало организации рабочих-корреспондентов. Благодаря вашей энергии и настойчивости «Правда» своей «Рабочей жизнью» тесными нитями связана с широчайшими массами рабочего класса; благодаря вам целый ряд рабочих привлечен к сотрудничеству в нашей газете, где он приобрел умение и возможность владеть в своей борьбе могучим оружием пролетарского печатного слова.

Посылая вам это приветствие, дорогой товарищ, мы, рабочие-корреспонденты, руководимые вами, будем попрежнему твердо и крепко нести старое боевое знамя рабочей газеты «Правды» среди всех перипетий пятилетней борьбы за лучшее будущее рабочего класса.

Рабочие-корреспонденты.

ОТ ТОВ. ПОЛИТИКУСА (МИХАЙЛОВА).

(Радиотелеграмма из Христиании).

Редакции и работникам «Правды» шлет к 10-летнему юбилею свой искренний привет один из числа сотрудников с первого часа рождения этого истинно-пролетарского органа.

Политикус.

ОТ МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА ЖУРНАЛИСТИКИ.

Московский институт журналистики горячо приветствует «Правду» в день ее десятилетнего юбилея славной борьбы за освобождение рабочего класса.

Возникнув в годы гнета и произвола, «Правда» стойко стояла на славном посту, не свертывая красного знамени революционного марксизма, и звала русских рабочих к великой победе 1917 г.

Революционные традиции «Правды» являются блестящим примером для молодых работников печати, подготовляемых первой в России профессиональной школой журналистики. «Правда»—это знамя всех, кто служит революции на поприще рабочей печати.

Да здравствует «Правда» на многие лета!

Председатель президиума института К. Новицкий.

ОТ СТУДЕНТОВ ИНСТИТУТА ЖУРНАЛИСТИКИ.

В день десятилетнего юбилея «Правды» студенты первой высшей школы рабочей печати приветствуют стойкого трибуна рабочих масс, старейшего бойца за пролетарское дело.

Пусть еще долгие годы «Правда» стоит на-страже победоносного класса мощным оплотом и подлинной школой борьбы за лучшее будущее коммунизма.

Студенты Московского института журналистики.

ОТ ЖУРНАЛА «ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ».

Редакция журнала «Жизнь Национальностей» поздравляет «Правду» во дню ее 10-летнего существования; выражает твердую уверенность, что «Правда» и впредь неустанно будет защищать интересы трудящихся народов Советской федерации и всего мира до полной их победы.

Редакция «Жизни Национальностей».

ОТ РЕДАКЦИИ ГАЗ. «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ».

Пламенный братский привет честному, стойкому борцу за рабочее дело, первому организатору пролетарской победы, шлет «Уральский Рабочий». В один день с «Правдой» празднует «Уральский Рабочий» свое рождение. Он ровно вдвое моложе своей старшей сестры, считает ее своим первым учителем. Рука об руку вперед к общей цели, навстречу грядущей победе коммунизма во всем мире!

Редакция «Уральского Рабочего».

ОТ РЕДАКЦИИ «УРАЛЬСКОЙ НОВИ».

Передовому борцу коммунистической революции шлем приветствия в день десятилетия «Правды». От имени уральских рабочих и крестьян, поднимающих невспаханную новь новой жизни, желаем «Правде» многие лета.

Редакция «Уральской Нови».

ОТ ГАЗ. «ВОРОНЕЖСКАЯ КОММУНА».

Редакция «Воронежской Коммуны» шлет братский рабочий привет старшей сестре «Правде». Пусть и впредь «Правда» победно штурмует разваливающуюся крепость капитализма. Близок час торжества мирового пролетариата.

Редактор Федор Михайлов.

ОТ ЖУРНАЛИСТОВ ВОРОНЕЖА.

Воронежская организация журналистов шлет родоначальнице рабочей печати России в день ее десятилетнего юбилея товарищеский привет, пожелания быть и впредь защитницей интересов рабочих масс, призывая к борьбе с мировым капитализмом и строительству новой трудовой жизни.

Секретарь организации Бобылев.

ИЗ ДАЛЕКОГО ДАГЕСТАНА.

Работая в далеком Дагестане, где еще сильно чувствуется оторванность от центра, где живущие не могут доподлинно знать, что творится в котле коммунистической революции—Москве и в друг. городах Республики, мы в своей политической и государственной работе ищем примеров, советов, указаний и поддержки от более передового, опытного вожака —«Центра». Кто же обо всем этом даст знать нам, далеким от Москвы, живущим на окраине. Кто заставляет нас трепетать от радости при победе над капиталом, возмущаться, приходить в ярость, крепко сжимать винтовку красному воину и твердо, тяжело стучать молотом по наковальне или усиленно биться мысли в голове политработника и совработника? Конечно, газета «Правда». Лишь она изодня в день приносит вести обо всем, творящемся на белом свете; она одна пробуждает, заставляет наступать воина, поднимает энергию, будит сознание, чувство солидарности не только у тружеников, но и у противников Совласти. Для нашего края, бедного партийно-советскими школами, газета «Правда» имеет колоссальное значение. Она дает прекрасные статьи, могущие послужить руководством для желающих получить коммунистическое воспитание. Она отражает на своих страницах все то, что должен знать каждый зауряддный труженик и тем более коммунист. Поэтому, в день десятилетия «Правду» можно не только приветствовать, но и пожелать, чтобы она еще больше завоевала авторитет перед пролетариатом всего мира, чтобы явилась грозой в странах капитала и предвестием пролетарской революции.

Курчаев.

ОТ ВОЕНКОРОВ 1-й ОТКАВБРИГАДЫ ОКА.

Мы, военкоры 1-й Откавбригады ОКА, готовясь к празднованию дня рабочей печати 5-го мая, шлем свой горячий привет и поздравление нашим старшим товарищам и учителям по перу.

В продолжении 10 лет вы, высоко держите наше Красное знамя и в пороховом дыму революции с честью справлялись и справляетесь с теми великими историческими задачами, которые возложил на вас рабочий класс.

Газета «Правда» для нас является неисчерпаемой сокровищницей, из которой мы берем материал для наших докладов, дискуссий, политсудов, литгазетных кружков и всей той политпросветительной работы, которая служит для поднятия классового самосознания в пролетарской среде.

Газета «Правда» — это тот ценный клад в нашей библиотеке и читальне, со дна которого из тщательно подшитых номеров пополняют свои знания наши ответственные работники.

Газета «Правда»—это тот мощный голос первой в мире Советской Республики, который заставляет трепетать всю буржуазию и к которому чутко прислушивается международный пролетариат.

Газета «Правда»—это гигантская машина, которая всеми своими сложными частями, начиная с огромных рычагов и колес и кончая последним винтиком, всем своим стройным ходом обязана вам, дорогие товарищи, вынесшие на своих плечах тяжелые годы невзгод и лишений.

Мы, военкоры 1-й Кавотдельной бригады, будем всегда стойко исполнять заветы нашей «Правды» и в минуты опасности докажем, что она в нас воспитала не только честных граждан Советской Республики, но и смелых воинов, умеющих грудью постоять за интересы трудящихся.

Да здравствуют честные и преданные работники, славные товарищи и учителя нашей рабочей печати! Да здравствует пролетарская, настоящая «Правда»!

Следует 36 подписей.

ПРИВЕТ ВОЖДЮ!

Мы, рабочие корреспонденты Замоскворечья, в день празднования десятилетия «Правды» гордимся нашим вождем, старой и всегда новой «Правдой». Мы, юные журналисты, вышедшие из рядов рабочих, помним куда нас поставила революция, также знаем, что со страниц «Правды» мы пролетарское слово и рабочую правду говорим русским рабочим, разносим ее всему миру. Мы боремся печатным словом за лучшую жизнь тех, которые являются строителями новой жизни. Мы своей правдой разоблачаем врагов рабочих, раскрываем недостатки нашего огромного рабочего механизма.

Это мы делаем с полным и ясным сознанием силы рабочей печати. Мы помним, что только при поддержке всего рабочего класса мы добьемся своего, мы добьемся улучшения духовного и материального бытия рабочих и улучшения аппарата Советской власти. Как можно и должно добиваться пролетарской правды, доказал один из наших сотоварищей по району—тов. Спиридонов, поплатившийся головой за свою работу. Мы знамя «Правды» не уроним, мы его еще выше поднимем, донесем его до победного конца, до коммунизма. Труден и тернист наш путь, но за нами «Правда» и вместе с нею мы победим.

Мы шлем привет нашему вождю и соратнику в борьбе за пролетарскую правду, рабочей газете «Правде».

С пламенным приветом:

По поручению рабочих корреспондентов фабрик и заводов Замоскворечья: М. Шейнин, М. Журавлев (фабрика № 6), М. Павлов, И. Чодин, А. Савинин.

ОТ РАБ. ЗАВОДА «ДИНАМО».

Привет тебе, несущему знамя коммунаров!

Привет тебе, неугасимому светильнику правды!

Привет тебе, колоколу, зовущему пролетариев всего мира на славный бой!

Рабочий завода «Динамо» Барканов.

ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ ЗАВОДА «АМО».

Мы, группа партийных и беспартийных читателей газеты «Правда», рабочие завода «Амо», приветствуем редакцию и сотрудников нашей газеты в день 10-летнего юбилея. Статьи «Правды» во все тревожные моменты давали нам ясные и определенные ответы и всегда правильно определяли нужды рабочих. «Правда» никогда не теряла своей резкой ясности и правдивости—была органом борьбы,—в этом ее сила, в этом сила рабочей печати и рабочего класса.

Да здравствует наша рабочая классовая газета «Правда»! Привет редакции из мастерских!

Следуют 23 подписи.

ОТ ЯЧЕЙКИ ВЫСШЕЙ СТРЕЛКОВОЙ ШКОЛЫ.

В день 10-й годовщины газеты «Правда», пробежав мысленно весь тяжелый и прямой путь ее к об'единению рабочих России, ради торжества пролетарской революции, общее собрание основных курсов горячо приветствует любимую и родную газету и желает ей попрежнему итти впереди победоносного авангарда мировой революции—русских рабочих, освещая их путь и приближая торжество коммунизма во всем мире.

ОТ ЯЧЕЙКИ РАБОЧИХ ЗАВОДОВ БЫВ. «ПОСТАВЩИК».

Ячейка РКП при заводах бывш. «Поставщик» на своем экстренном собрании постановила от лица всей ячейки приветствовать редакцию газеты «Правды» в день десятилетнего ее существования, также приветствовать всех ее ближайших сотрудников, как при ее зарождении, так и за весь десятилетний период.

Ячейка приветствует редакцию газеты «Правда» за ее верный самоотверженный путь, на который вступивши 10 лет тому назад, оставшись верной пролетарскому знамени, довела рабочих и крестьян к тому, что они сбросили ярмо угнетателей и взяли власть в свои руки, расчищая путь к коммунизму.

Рабочая ячейка, в количестве 65 человек, давала и дает свою поддержку всей рабочей печати для созидания «Правды».

ОТ РАБОЧИХ ФАБРИКИ Б. ЭЙНЕМ.

В тяжелое царское время «Правда» была любимой газетой наших рабочих и работниц.

На нашей фабрике был кружок, который выписывал коллективно от 40 до 50 экземпляров «Правды».

Один из наших товарищей, рабочий Бобылев, ходил в Косой переулок, где в маленькой комнате помещалось московское отделение «Правды».

Тяжело тогда приходилось нашей рабочей газете: с трудом ее можно было найти у газетчиков, беспрерывно мы видели под газетой новую подпись редактора и частенько вместо статьи встречали пустые, белые гранки.

Теперь в десятилетний юбилей мы приветствуем нашу «Правду», которую мы так же любим и читаем, как и прежде, и желаем ей успеха в ее тяжелой борьбе за нашу рабочую правду, за наше рабочее счастье.

Рабочий фабрики быв. Эйнем М. Лебедев.

Генуэзская конференция.

Перепев старого.

САНТА-МАРГЕРИТА, 2 мая. (Радио бюро прессы при российской делегации). Окончательно выяснилось, что пленарное заседание конференции, которая состоится в среду, 3-го мая, будет посвящено только докладам двух комиссий—транспортной и финансовой. Остаются доклады экономической и политической комиссии. Экономическая комиссия кончает свою работу. Относительно же окончания работ политической комиссии никто ничего сказать не может. Пока из газет известно лишь, что выбранный Антантой комитет для редактирования нового меморандума, предназначенного России и называемого здесь многими ультиматумом, успел за несколько дней составить только предисловие и первые два пункта. Если верить газетным сообщениям, то все предисловие составлено в необычайно кротком тоне. В нем указывается на тяжелое положение России, при чем Советское правительство уже не об'является виновником переживаемых страною бедствий, несколько раз подчеркивается необходимость финансовой помощи России, и затем перечисляется сколько и в какой форме могла бы ссудить каждая европейская страна России. Здесь фигурируют десятки и сотни миллионов фунтов, франков, лир; тысячи паровозов, вагонов, автомобилей. Но при этом каждый раз добавляется, что все это может быть предоставлено России только тогда, когда Советское правительство внушит буржуазной Европе доверие к себе. Что именно нужно сделать, чтобы завоевать это доверие, будет сказано в следующих пунктах их меморандума, которые еще не выработаны. Однако, из предисловия видно, что главным пунктом будут не столько долги, сколько требования возврата бывшим собственникам их предприятий. Франция к этому требованию возврата добавляет еще требование уплаты бывшим собственникам возмещения за убытки, понесенные ими в течение 4-х лет. Таким образом, предисловие напоминает увещания крыловской лисицы, предлагающей вороне раскрыть рот, спеть французскую песню, чтобы выронить крупную индустрию.

Предыдущие выступления советской делегации по этим вопросам были достаточно ясны, и если ожидаемые пункты будут содержать пересказ старого, то результаты этого можно предвидеть заранее.

Л. Сосновский.

Дело не так просто.

САНТА-МАРГЕРИТА, 3 мая. (Радио бюро прессы при российской делегации). Оказывается, дело с меморандумом союзников, который ими выработан, обстоит не так просто. Бельгийцы занимают крайнюю позицию в смысле пред'явления требований к России и, оставшись здесь в меньшинстве, они обратились за поддержкой к Пуанкаре в Париж. Сегодня стало известно, что Пуанкаре потребовал отсрочки вручения меморандума России, пока Франция не ознакомится с содержанием его. Барту выехал сегодня в Париж. Ллойд-Джордж, принимая сегодня журналистов, заявил им следующее по поводу меморандума: «В области уступок русским—это наш максимум; в области наших требований от русских—это крайний минимум. Дальше этого мы пойти не можем. Надеюсь, Россия примет и согласится на наше предложение. В противном случае, решение России оказалось бы роковым для нее самой; для Европы и, в частности, для Англии это повлекло бы большие внутренние перемены». «Вообще,—говорит он,—европейский капитал претерпевает сейчас такой момент перелома, что если Россия не сумеет привлечь его к себе, капиталы пойдут по другому руслу, а именно—в Южную Америку, британские колонии, и в течение долгого времени едва ли удастся изменить направление капиталов и привлечь их в Россию». Ллойд-Джордж заявил: «Англия третий раз пытается найти соглашение с Россией: первый раз—Принцевы острова, второй раз—во время наступления Красной армии на Варшаву, третий раз—Генуя. Если и теперь Россия откажется от соглашения, Англия больше не даст себя третировать. Никогда деловой англичанин не станет вести дела в России после этого». Вообще Ллойд-Джордж предсказывал мрачные последствия в случае отказа России принять новый меморандум. Кстати, союзники по своему понимают и вычисляют финансовую помощь России. Прямой заем правительств Европы России они исключают. В меморандуме приводятся суммы, которые каждая страна может вложить в Россию, в общем около пяти сот миллионов рублей золотом. Оказывается, в эти суммы входит то, что вложит каждый отдельный капиталист в свою концессию или торговлю. С нашей стороны речь шла о суммах, которые должны быть представлены в распоряжение Советского правительства для расходов по восстановлению России, согласно его самою выработанному плану.

Л. Сосновский.

Меморандум союзников передан советской делегации.

САНТА-МАРГЕРИТА, 3 мая. (Радио бюро прессы при российской делегации). Сегодня, 3 мая, российской делегации наконец вручен меморандум союзников по русскому вопросу. Срок для ответа не указан. Сегодня же российская делегация приступает к составлению своего ответа на него. Сегодня было второе пленарное заседание конференции. Приняты резолюции финансовой и транспортной комиссий. Чичериным заявлен ряд оговорок и указано на необходимость разоружения.

Франция и Бельгия не подписали меморандума.

РИМ, 3 мая. (Радио итальянск. прав. аг-ва). Меморандум союзников передан вчера русской делегации при следующем сопроводительном письме вице-председателя конференции Шанцера: «Препровождая вам прилагаемый при сем документ, честь имею сообщить, что французская делегация воздержалась от окончательного одобрения его, до получения инструкций от своего правительства».

(РОСТА).

ЛИФИЛЬД, 3 мая. (Радио английск. прессы). По сообщению из Генуи, бельгийская делегация не подписала переданного вчера советской делегации меморандума союзников. (РОСТА).

Финансовая и транспортная комиссии закончили свои работы.

БОРДО, 4 мая. (Радио французск. прессы). В среду утром состоялось второе открытое заседание Генуэзской конференции. Председатель конференции Факта заявил, что работы финансовой и транспортной комиссий закончены. Председатель финансовой комиссий Эванс огласил выработанные ею резолюции, сводящиеся к следующему: 1) в самом непродолжительном времени должна быть созвана международная конференция представителей центральных эмиссионных банков, которая была бы свободна от всякого влияния со стороны правительств; 2) большинство экспертов высказалось против выпуска новых бумажных денег и за сокращение государственных расходов; 3) в вопросе о валюте единогласно решено вернуться к полной свободе валютных сделок; 4) в вопросе о кредитах комиссия предлагает прибегнуть к помощи «международного консорциума по восстановлению Европы», недавно организованного в Лондоне. В заключение Эванс выразил надежду, что финансовые работы Генуэзской конференции послужат основанием для нового международного финансового законодательства. (РОСТА).

ЛИФИЛЬД, 3 мая. (Радио англ. прессы). На состоявшемся пленарном заседании конференции выступали делегаты с речами по поводу докладов финансовой и транспортной комиссий. Факта указал, что дух согласия, царивший в комиссиях, будет иметь важное значение для последующих работ конференции. Атмосфера примирения, благодаря которой представляется возможным согласовать интересы народов в духе равенства и справедливости, дает полную надежду на успех конференции. Карнебек, присоединившись от имени Голландии к заключениям финансовой комиссии, указал, что участие в комиссии выдающихся специалистов столь многих государств придает высокий авторитет ее заключениям, которые, как он надеется, должны положить начало восстановлению Европы. Карнебек подчеркнул, однако, что, взаимная задолженность государств является крупнейшим фактором в экономическом положении Европы, и указал, что окончательное решение проблемы восстановления Европы зависит от урегулирования этого вопроса.

Швейцарский делегат Шультгесс, одобрив резолюции финансовой комиссии, присоединился к мнению голландского делегата о зависимости полного восстановления Европы от разрешения вопроса о взаимной задолженности правительств, и сказал, что этот вопрос должен быть решен безотлагательно. Чичерин заявил, что российская делегация сделала все от нее зависящее для успешной работы комиссий, и что советское правительство также приложит все силы к проведению в жизнь принятых комиссией постановлений. Далее Чичерин указал, что российская делегация продолжает настаивать на оговорках, сделанных ею к докладу финансовой комиссии. В частности Россия оставляет за собой свободу действий в вопросах, входящих в компетенцию Лиги Наций. Ратенау выразил надежду, что все предложения финансовой комиссии будут немедленно проведены в жизнь. Доклады финансовой и транспортной комиссией были после этого приняты.

ПРОВОКАЦИЯ МЕНЬШЕВИКОВ.

Обращение грузинских меньшевиков и патриарха Грузии к Антанте. «Миротворцы» союзники. Ответ т. Чичерина.

САНТА-МАРГЕРИТА, 2 мая. (Радио бюро прессы при российской делегации). С целью ослабления позиции России французы выпустили из подполья меньшевика Жордания, который разослал всем делегациям ноту с просьбой вмешаться, чтобы приостановить кровопролитие, происходящее якобы в Грузии между русскими армиями, девятой и одиннадцатой, с одной стороны, и восставшими народами Грузии, с другой. О том же просил патриарх всея Грузии Амвросий, бежавший вместе с меньшевиками. Итальянский министр Шанцер от имени официозного совещания делегатов Бельгии, Франции, Японии, Англии, Италии, Польши, Румынии, Швеции и Швейцарии прислал по этому поводу Чичерину письмо с просьбой принять необходимые меры.

Тов. Чичерин ответил, что, оставляя в стороне вопрос о компетентности заседания, в упомянутом составе, заниматься рассмотрением подобного рода вопросов по инициативе частного лица, именующего себя председателем национального правительства Грузии, он считает нужным сообщить следующее: «Вам, конечно, известно, что в Европе существует не мало безответственных лиц, в особенности среди низвергнутых событиями последних лет монархов и членов бывших правительств, которые в своих личных династических интересах или партийных целях не могут упустить случая, чтобы по мере своих сил не помешать политическому успокоению Европы на более или менее прочных началах. Не приходится удивляться, что подобные попытки особенно учащаются в моменты созыва международных конференций, имеющих целью соглашение между народами и устранение существующих между ними конфликтов.

Но в целях информации имею честь сообщить вам, что никаких восстаний в упомянутых в телеграмме провинциях до последнего времени не происходит и что, следовательно, никакие военные операции не могли там иметь место. Лживость сообщений господина Жордания подтверждается еще тем фактом, что так называемых девятой и одиннадцатой армий, на которые он ссылается, в России не существует. Не могу при этом не выразить своего удивления по поводу того, что, ответив на предложение российской делегации о приглашении на генуэзскую конференцию представителей кавказских республик указанием на нахождение этих республик вне Европы, приглашающие державы нашли, однако, возможным принять к сведению и обсудить предложение, исходящее от частного лица и касающееся кавказской республики Грузии и притом в отсутствие представителей единственно-законного советского правительства этой республики.

Однако, я приветствую [illegible] проявленный [illegible] вами [illegible] делегатами [illegible] [illegible] прекращении кровопролитий не только в пределах Европы, но и в странах, которые, по мнению приглашавших держав, относятся к Азии. Российская делегация считает нужным рекомендовать им обратить серьезное внимание не на вымышленные, а на действительные кровопролития, имеющие место или возможные и даже неизбежные в различных частях света, и на некоторые причины, их порождающие. Российская делегация в первую очередь желала бы указать на военные действия, вызываемые фактом оккупации Японией части территории ДВР. Эта оккупация делала возможным и поощряла появление на Дальнем Востоке вооруженных контр-революционных банд, которые Дальне-Восточная республика вынуждена была рассеять вооруженной силой. Даже теперь, когда эти банды окончательно разбиты, Япония продолжает свою оккупацию и, посылая на Дальний Восток свои войска, несомненно, подготовляет новые бандитские выступления и делает неизбежными новые кровопролития. Российская делегация желала бы, далее, напомнить, что и в самой Европе, в результате военных оккупаций чужих территорий и насильственного попирания прав национальных меньшинств, происходят и неизбежны в будущем восстания и кровопролитные военные операции. Достаточно указать на результаты оккупации виленского округа польским генералом Желиговским, препятствующей свободному волеиз'явлению и самоопределению населения этого округа. То же относится к Восточной Галиции, представители которой могли бы представить конференции более авторитетные и обоснованные протесты, чем господин Жордания. На юго-востоке Европы румыны, насильственно оккупируя Бессарабию, продолжают угнетать население этой провинции, навязывая чуждый ему режим. То же происходит в Юго-Славии в отношении Черногории, Кроации, Македонии. Таким же образом попираются права населения Францией в центре Европы, в Саарском бассейне. Нужно ли еще упоминать обо всех известных фактах аналогичного характера, имеющих место в Индии, Египте, Тунисе, Триполитании, Корее и т. д.

Российская делегация не может также обойти молчанием имеющиеся в ее распоряжении неопровержимые сведения о соглашениях, заключенных в недавнее время бывшим генералом Врангелем с представителями румынского и юго-славского правительств, имеющих целью подготовку нападения на Украинскую республику и провоцирование кровопролитнейших и опустошительных военных операций.

Российская делегация считает указание на вышеизложенные факты тем более уместным, что устранение происходящих кровопролитий или предотвращение таковых в будущем всецело зависит от правительств тех самых стран, делегаты которых поручили вам обратиться ко мне с письмом относительно несуществующего подавления восстаний в Грузии.

С своей стороны, Российская делегация готова принять участие в обсуждении на генуэзской конференции общего вопроса о предоставлении действительных средств к самоопределению всех угнетенных народностей и об охране интереса национальных меньшинств в странах со смешанным населением».

Л. СОСНОВСКИЙ.

В ознаменование юбилея.

В ознаменование 10-летнего юбилея «Правды», сотрудники и служащие редакции «Правды» постановили отчислить в пользу голодающих детей 2-дневный заработок сверх обычных отчислений.

Приветствия русской делегации.

САНТА-МАРГЕРИТА, 2 мая. (Радио бюро прессы при росс. делегации). В числе приветствий, продолжающих притекать к советской делегации, следует отметить несколько приветствий, посланных рабочими, заключенными в итальянских тюрьмах. Обращает на себя также внимание приветствие от солдат из Нью-Иорка и от одного видного дипломата времен Керенского. Последний приветствует мужественную защиту делегацией интересов России против покушений извне.

В воскресенье советская делегация давала завтрак делегатам Латвии, Литвы и Эстонии.

Л. Сосновский.

Встреча 1-го мая советской делегацией.

САНТА-МАРГЕРИТА, 2 мая. (Радио бюро прессы при российской делегации). Вчера, в день 1-го мая, советская делегация не принимала участия в работах комиссии, о чем известила секретариат конференции. Вечером делегация праздновала пролетарский праздник в своем кругу, в отеле «Империаль», при участии беспартийных экспертов, также гостей, группы иностранных товарищей-коммунистов итальянских, французских и американских. После небольшой речи Мдивани, отметившего эволюцию маевки от тайного празднества в лесах до признания ее государственным праздником России и, наконец, до празднования 1-го мая на курорте Ривьеры, под охраной полиции, оберегающей революционеров от белогвардейских покушений, был устроен силами делегатов-экспертов и гостей небольшой концерт. Все это походило на фантасмагорию: звуки «Интернационала» в приюте родовой денежной аристократии; Чичерин, извлекающий ноты из пианино и волнующий этими нотами только своих товарищей, а не буржуазные правительства Европы; бывший министр Колчака Ключников, идиллически играющий на скрипке мелодии Чайковского; генерал Верховский, бывший военный министр Керенского, читающий первомайские лозунги «Правды» Красной армии; бывший царский дипломат Сабанин, устраивающий шарады на революционные темы; юный рабочий итальянского коммунистического союза молодежи, поющий популярную в массах песню о Ленине и т. д.—все это выходило чрезвычайно оригинально.

Выясняется, что на первомайских митингах ожидали внезапного появления советских делегатов. Но, связанные обязательством не участвовать в пропаганде, делегаты лишены были возможности посетить митинги и приветствовать рабочих.

В коммунистических газетах напечатано небольшое письмо Чичерина и Раковского, выясняющих, в ответ на запрос, происхождение первомайского праздника и отношение к нему Советского правительства.

Л. Сосновский.

ЗА ДЕНЬ.

ГЕРМАНИЯ.

Столкновение с полицией.

БОРДО, 3 мая. (Радио франц. прессы). По сообщению из Берлина, группа манифестантов-коммунистов пыталась 2 мая проникнуть в городскую ратушу, причем произошло столкновение с полицией, во время которого ранено около 20 манифестантов. (РОСТА).

КИТАЙ.

Ожесточенные бои.

БОРДО, 3 мая. (Радио франц. прессы). В понедельник целый день происходило ожесточенное сражение за обладание Пекином между войсками маршала Чан-Цзо-Лина и войсками генерала Убейфу. Как сообщают, обе стороны понесли большие потери. (РОСТА).

ЯПОНИЯ.

Отставка кабинета.

БОРДО, 3 мая. (Радио франц. прессы). По сообщению из Токио, японский кабинет подал в отставку, в целях частичной его реорганизации. (РОСТА).

ИНДИЯ.

Серьезные беспорядки.

ЛИФИЛЬД, 1 мая. (Радио английск. прессы). Беспорядки в Калькутте оказались более серьезными, чем это предполагалось. Во время беспорядков 5 человек убито, 2 умерло от ран и 46 находятся в госпитале с пулевыми ранами. Пятеро полицейских ранены и перевезены в больницу. 20 полицейских получили легкие ранения. (РОСТА).

Из Петрограда.

(По телефону от нашего корреспондента).

ДЕНЬ ПЕЧАТИ.

4 мая на всех районных собраниях членов РКП поставлен вопрос о положении революционной печати в России и задачах рабочей печати в данный момент.

5 мая, в день десятилетней годовщины рабочей печати, во дворце Урицкого состоится торжественное заседание рабочих организаций. Со статьями и воспоминаниями о периоде существования «Звезды» и «Правды» выступят товарищи Комаров, Глебов-Авилов, Тюхин, Манкеев и др. старые сотрудники и рабочие-корреспонденты «Правды» за 1912—14 г.г.

ОБЩЕГРАЖДАНСКИЙ НАЛОГ.

Несмотря на то, что фактически к сбору гражданского налога еще не приступлено, поступление его уже началось. На 4-е мая в кассу губфинотдела поступило около 17 миллиардов рублей. Граждане вносят налог, не дожидаясь визита инспектора.

СКРЫТИЕ ЦЕННОСТЕЙ.

В церкви Марии Магдалины, на Охте, комиссия не нашла ни описи, ни ценностей. Лишь после нажима комиссии на священника, он открыл, что ценности замурованы под полом церкви. Там было обнаружено 7½ пуд. серебряных предметов.

Судебный отдел.

ПОПОВСКИЕ ПОДВИГИ.

Допрос архиепископа Никандра.

Совершенно исключительный интерес представляло собой вчерашнее вечернее заседание, когда перед трибуналом предстал для дачи свидетельских показаний архиепископ Никандр, управляющий московской епархией. Ему была устроена очная ставка с 6-ю обвиняемыми благочинными.

В результате было установлено с неопровержимой ясностью, что епархиальный совет, как и заявил его председатель, обвиняемый Кедров, никакого участия ни в составлении, ни в рассылке известного обращения-протеста против из'ятия ценностей во ВЦИК не участвовал. Сделано это было с ведома одного архиепископа Никандра, который, как он утверждает, поручил дежурному чиновнику епархиального совета распространить воззвание патриарха Тихона.

Однако, означенный протест был разнесен по благочинным лицами, которыми обычно разносятся официальные бумаги от епархиального совета (показание Фрязинова).

На очной ставке архиепископа Никандра с благочинными установлено, что Никандр [illegible] на собрании благочинных, им созванном, обращение патриарха Тихона, что, однако, вопреки [illegible] и категорическому утверждению всех благочинных, сам Никандр решительно отрицает. Он говорит, что знакомил присутствовавших на собрании благочинных с текстом письма обращения Тихона к тов. Калинину.

Однако, показаниями благочинных установлено, что конец оглашенного воззвания не совпадает с письмом Тихона к тов. Калинину, а следовательно, было оглашено не письмо, а известное послание патриарха, направленное против из'ятия ценностей.

Установлено, что Никандр также скрыл от суда наиболее важный момент своей беседы с благочинными—о церковной дисциплине,—а именно: оглашение случая самостоятельной сдачи священником Борисовым церковных ценностей, через редакцию «Известий», в пользу голодающих, что опять-таки утверждали все обвиняемые благочинные. Никандр же заявлял, что на собрании, кроме вопроса о квартирном сборе с патриарха—50 миллионов рублей, обсуждались только текущие вопросы о непорядках при богослужении.

Таким образом, архиепископ Никандр был трижды уличен Ревтрибуналом в определении ложных показаний.

Следующим допрашивается патриарх Тихон.

[illegible]

В тюрьме и ссылке.

„Правда" в ссылке.

В один из длинных январских вечеров 1912 г. небольшая группа ссыльных в Канске (Енисейской губерн.) обсуждала долго, как умеют в ссылке, те отзвуки жизни, которые доходили до нас через «Звезду». Предметом спора была развивавшаяся петербуржцами кампания за организацию «Дворца труда». Нам казалось вредным свойственное в то время меньшевикам, но не свойственное большевикам, увлечение всякой формой организации в периоде уже начавшегося под'ема рабочего движения. Вредным нам казалось распыление сил, расходование их на культурное, но в то же время сравнительно трудное хозяйственное предприятие, как «Дворец труда».

В результате нашей беседы пишущий эти строки отправил статью: «Дворец труда или рабочая газета», появившуюся в «Звезде» в феврале.

Призыв к созданию рабочей газеты нашел живой отклик не только в ряде писем в «Звезде». Я получил ряд писем от товарищей (А. Сольц, Л. Сосновского, К. Самойловой и др.), приветствовавших эту мысль, предлагавших организовать сотрудников и сборы в Сибири.

Из канцев постоянно сотрудничали К. И. Гвоздиков, Гриша Усиевич и пишущий эти строки. Нам удалось организовать в рабочих центрах Енисейской губ. красноярские и иланские сборы в пользу газеты. Ссылка вначале, независимо от фракционности, охотно шла на создание газеты.

Днем величайшего праздника было для нас получение первых, сразу нескольких, номеров «Правды». Все живое в ссылке воспрянуло духом. Развертывавшееся рабочее движение, отраженное даже петитом в «Правде», окрыляло надежды и мечты. Одна старая эсерка Ослопова, враждебно относившаяся к соц.-демократам, пришла поздравлять меня с выходом «Правды». «Я, много пожившая и много видавшая, вновь верю, что «Правда»—вернейший предвестник падения самодержавия. Если самодержавие вынуждено терпеть «Правду», значит дни его сочтены».

«Правда» стала для нас величайшим орудием в нашей маленькой работе в пролетарских уголках Сибири. «Правда» поддерживала бодрость и энергию уставших в далеких углах, пустая жизнь заполнялась шумом борьбы, отрезанные ломти вновь почувствовали себя частицами одного великого пролетарского движения.

Появившийся вскоре меньшевистский «Луч» пользовался слабым успехом даже среди меньшевиков. Не было ни одной колонии, где не получалась бы «Правда»; «Луч» же слабо проникал и в меньшевистские углы. Правда перестала звучать «справедливостью и истиной». «Правда» стала набатом, призывавшим к величайшей правде—к борьбе угнетенных за свое освобождение. Этот набатный призыв шевелил ссыльных, сохраняя их силы для грядущей борьбы.

Привет тебе, родная «Правда»!

Л. ГЕРМАНОВ.

10 лет.

Десятилетие в борьбе упорной,
Десятилетие на солнечном посту;
И вглядывались в лист рабочие у горна,
На пашне—батраки и на лугу пастух.
Слова горели мятежом и кровью
И связывали нас единой целью в сноп.

Прошли года. И перед яркой новью
Вдруг прозвучало радостное: стоп!..
И вот теперь стоим единством общим,
Перешагнули грань начала всех начал,
И, солнечные, гнет и рабство топчем,
Свалившиеся с нашего плеча.

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

«Правда» родилась в момент революционного под'ема в знаменитые „ленские дни". Появление на свет массовой рабочей газеты „Правда" в эти именно дни знаменовало собою: 1) ликвидацию периода общей усталости в стране после Столыпинских „тихих годов", 2) мощное пробуждение русского рабочего класса к новой, второй после 1905 года, революции, 3) начало завоевания широких масс рабочего класса на сторону большевиков.

„Правда" 1912 г. — это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году.

И. Сталин

За „Правду".

(Из тюремных воспоминаний).

Шел третий год сидения в Вологодской тюрьме (1912 г.) у меня, как у старосты политических заключенных, были уже большие связи с «волей». Был свой, спропагандированный надзиратель тюрьмы (теперь член Вологодской организации Р. К. П.), который доставлял все возможное из запрещенных в тюрьме предметов, к числу которых относились и газеты.

Большим праздником было получить свежий номер «Правды». Читая его, чувствовалось биение революционного пульса, и стены тюрьмы уже не казались вековечно прочными. Казалось, что и они, читая вместе со мной «Правду», становились бледнее, теряя свою грозность. Еще бы! В нашу тюрьму доходил голос и борьба пролетариата!..

Но была и оборотная сторона медали настроения от чтения «Правды». Жажда воли делалась сильнее, тянуло туда, где кипела живая работа и борьба за дело освобождения рабочего класса. Гнет тюрьмы чувствовался сильнее.

Доходила «Правда» до тюрьмы не очень исправно. Не помню случая, чтобы номера «Правды» были в моей одиночке чаще двух раз в неделю. Само собой разумеется, что все газеты передавались в одном экземпляре для всех политических заключенных. На моей обязанности было составить маршрут, чтобы каждая газета обошла всех политических заключенных, вернулась обратно для дальнейшего использования или уничтожения, так как пересылка газет в тюрьму страшно преследовалась администрацией. Администрация переживала при обнаружении у заключенных газет нечто подобное переживаниям в партии при установлении факта, что в ее рядах есть провокатор. В таких случаях газета у заключенных отбиралась, производилось дознание, обычно безрезультатное, устанавливался усиленный надзор над «неблагонадежными» надзирателями, а заключенных, у которых находили газеты, отправляли в карцер.

Мне продолжительное время удавалось без провала распределять и хранить газеты. Как старосту политических, меня предупреждали всякими способами о происходящих в тюрьме обысках. Хранилище было надежное, и только обыск врасплох исключительно моей одиночки мог обнаружить газеты. Такой случай и произошел в августе 1912 года.

В часы обеда открылась дверь моей одиночки, но вместо обеда помощник начальника тюрьмы с нарядом надзирателей начали производить в одиночке обыск. В это время я читал только что переданную пачку последних номеров «Правды», и при шуме отпираемой двери успел их пихнуть под подушку. Ясно, что «Правда» была при обыске найдена.

Неприятность провала тотчас же была вознаграждена, выраженным негодованием на «Правду» помощником начальника.

— И здесь «Правда»!—кричал в негодовании тюремный служака.—Как к вам сюда попадает эта зараза?—не менее зло задал мне вопрос.

— Получил из Питера,—скромно, но ехидно ответил я на вопрос.

— В карцер на семь суток,—распорядился тюремщик.

Несколько дней пребывания в сводчатом подземелье-карцере (перетюрьтюрьме на жаргоне уголовных) сломали и так уже подорванное в тюрьме здоровье. Лежал в лихорадке на низеньких, пропитанных сыростью нарах. Со сводчатого потолка и стен раздражающе капала вода. Около положенного на нары хлеба и таза с водой для питья (горячей пищи не полагалось) бегали крысы, попадая в таз и выползая оттуда, что можно было уловить слухом, так как карцер герметически закупоривался от света. Если прибавить «благоухание» парашки при отсутствии какой-либо вентиляции, то удачность названия «перетюрьтюрьма» не может быть оспорена и не футуристами.

В таком состоянии меня застал обход тюрьмы тюремным инспектором в присутствии прокурора и начальника тюрьмы.

В глаза до боли бил свет от внесенной лампы и светлых пуговиц чиновников. Встать, несмотря на слова команды, я не мог от слабости, что, очевидно, понял наклонившийся надо мной тюремный инспектор, деланно-сочувственным тоном спросивший, за что я посажен в карцер, на что я лаконически ответил:—за «Правду».

Ответ вызвал естественное недоумение у чиновника, который уже за раз'яснением причины моего ареста (сажание в карцер на ведомственном тюремном языке называется арестом) обратился к начальнику. Так как последний не был осведомлен о причине моего «ареста», то на выручку ему вышел надзиратель, присутствовавший при обыске в моей одиночке, который, приложив руку к козырьку, тупо, ничтоже сумняшеся, отрапортовал:

— Так точно, ваше высокоблагородие, их посадили за «Правду»!

После добавочных раз'яснений с заиканиями под козырек, был вызван врач, и я водворен в свою одиночку.

Н. ЧЕРЕПЕНИН.

Старая „Правда" была нашим по нашему созданием, детищем, что все мы, ближайшие работники ее относились к ней любовно, как к чему то самому близкому и родному.

Но и читатели „Правды" — рабочие — относились к ней как к родной. Была интимная связь, тяга к газете, нечто любовное как к своему созданию, не говоря уж о громадном политическом ее влиянии.

К. Еремеев.

„Правда" в тюрьме и ссылке.

В Бутырской тюрьме я узнал о выходе «Правды». Узнал на свидании, и вернулся к себе в камеру словно с праздника. Но некому было рассказать о своей радости. Я сидел в штрафной камере, сосланный туда завед. каторжными мастерскими, злобным человеком, приехавшим к нам из Харькова из тюрьмы, что на «Холодной горе». За рыжую, седеющую мочалистую бороду его метко окрестили «шваброй». «Швабра» изолировал меня якобы за организацию забастовки рабочих-каторжан стульно-мебельной мастерской, как старшего рабочего той мастерской. В штрафной сидели почти одни уголовные,—сарты, персы, осетины, армяне и политикой мало интересовались. Долго я бился над тем, чтобы как-нибудь получить хоть кусочек газеты: иногда нелегальными путями газеты все-таки проникали, особенно в корпус, где сидела привилегированная эсеровская публика, имевшая большие связи в Москве среди буржуазии: Гоц, Минор, Архангельский и др.

Но только через 9 месяцев после выхода газеты я получил ее уже в Горно-Зерентуйском каторжном централе. Както я получил посылку от сестры: краски и другие материалы для художественной мебельной мастерской, в которой я тогда работал. Надзиратель принес посылку и потребовал, чтобы я сейчас же развернул ее и газетные обертки ему возвратил. Необыкновенное волнение охватило меня, когда я увидел заголовок «Правда». Мне стоило большого труда убедить надзирателя оставить газету хоть на два часа.

Через несколько минут мы жадно читали газету: я, брат, Галюков, Коварницкий, Лопатин, Маршан, Михлин, Опарин, Петрухин, Дыокин, кажется, М. Браун,—все мы спешили прочитать маленькую рабочую газету, нашу газету. Пришлось ее возвратить надзирателю, но во всех нас она вселила столько бодрости, окрылила столько надежд, внесла столько нового в нашу жизнь

Летом 1913 г. я очутился в Якутске. Организовали «Кассу взаимопомощи» и группу социал-демократов. И сразу же центром, который формировал политическую мысль в ссылке, являлась «Правда». Споры между большевиками и ликвидаторами в ссылке были не менее ожесточенны, но мы были в одной организации до конца, и, только выехав из Якутска, разделились организационно. В ссылке «Правда» пользовалась гораздо большим авторитетом, и нам удавалось больше средств посылать на «Правду», а не на ликвидаторский «Луч». Прибытие почты ожидалось с невероятным, лихорадочным нетерпением. Хотя газет получалось довольно много, но первой развертывалась «Правда». Вокруг нее сосредоточивались наши споры, подчас очень горячие. Так, по вопросу о расколе в Якутской организации, часть меньшевиков, во главе с Вл. Дим. Виленским (тогда он был очень ярым меньшевиком)—поддерживали резолюцию, в которой говорилось по адресу Петровского и других: «Прочь грязные руки от рабочего дела»! И когда «Правда» была закрыта, мы словно потеряли пылкого, стойкого, преданного друга: стало пусто, почта не приносила уже будящих, зовущих, бодрых листков «Правды».

Всего несколько №№ «Правды» получили мы в Якутске, когда она снова начала выходить после февральской революции 1917 г.: 19 мая мы уже выехали на пароходе из Якутска. За этот период «Правда» оформила политическую линию многих, и вокруг нее сплотились почти все рабочие ссыльные: только несколько интеллигентов шатались во все стороны, обуреваемые оборончеством.

«Правда» сыграла огромную роль в ссылке в деле формирования политической мысли товарищей, оторванных от живой жизни. Одна весть об ее выходе была величайшей радостью для нас, отделенных от этой жизни тюремными стенами и затворами.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ.

На фабриках и заводах.

Роль „Правды" в забастовочном движении в дореволюционное время.

(Из воспоминаний).

На заводе «Сименс и Гальске» задолго до выхода «Правды» велась усиленная агитация за необходимость создания рабочими своей, рабочей газеты.

С этой целью перед каждой получкой во всех цехах завода появлялись подписные листы, переходившие из рук в руки.

Хотя у рабочих в каждую получку и без того было много всевозможных отчислений, но на свою газету рабочие жертвовали охотно.

Одновременно с возникновением «Правды», в Петербурге началась одна из грандиознейших забастовок. Рабочие почти всех фабрик и заводов, оштрафованные за первомайское выступление, забастовали и впервые после ряда лет затишья показали союзу фабрикантов и заводчиков, что они способны постоять за себя.

После двух недель забастовки почти всех рабочих Петербурга, большинство фабрикантов и заводчиков штраф отменили, но рабочим завода «Сименс и Гальске» пришлось выдержать стодневную забастовку.

Тогда-то рабочие Петербурга убедились какую громадную услугу приносит им своя рабочая газета.

В «Правде» в продолжении всей забастовки почти ежедневно помещались списки отчислений рабочих бастующим «сименцам».

Чем больше упорствовал союз фабрикантов и заводчиков, тем настойчивее рабочие поддерживали «сименцев», а «Правда», несмотря на жестокие репрессии, день-ото дня помещала приветствия «сименцам» от рабочих со всех концов России и тем воодушевляла бастующих.

Будучи членом стачечного комитета в *продолжении всей забастовки* и уполномоченным по связи с редакцией «Правды», мне пришлось убедиться—какую громадную работу проделала редакция газеты по сплочению рабочих около бастующих «сименцев».

В начале июля 1912 г., когда забастовка была в самом разгаре, были арестованы виднейшие руководители забастовки—т.т. Берзин и М. Лучин и настроение бастующих стало падать. Я, с двумя товарищами из стачечного комитета отправился в ред. «Правды» поделиться своим горем. Один из членов редакции нам сказал: «На вас смотрит вся рабочая Россия и поражение «сименцев» будет поражением всех рабочих. Во чтобы то ни стало надо держаться до полной победы».

Эти несколько слов, сказанные в такой решительной и в то же время сердечной форме, были для нас приказом и мы тут же решили принять все меры удержать малодушных от срыва забастовки.

Если «сименцы» сумели продержаться до 10 августа и приступили к работе на две трети как победители (первое мая дирекция признала праздником, и всем рабочим был уплачен средний заработок), то только благодаря «Правде», которая и по сей день осталась «Правдой» первого года.

И. КУЗЬМИН.

Пролетарская Правда.

(Из поэмы: «Душа революции»).

В ткацких фабриках Парижа
Ткут работницы наш флаг.
Смерть твоя все ближе, ближе...
Берегись, заклятый враг.
В дымном Лондоне, в Берлине,
В шахтах каменной руды,
Для тебя готовит мины
Класс рабочий, класс нужды.
В океанах седовласых,
В черных трюмах кораблей;
Месть униженного класса
Для борьбы растет сильней.
В безработице голодной
И колониях твоих
Слышен рокот бурь народных—
Мчится гневный, красный вихрь.
И в войсках, порабощенных
Дисциплиной и кнутом,
Зреет гнев к твоим законам—
Жди, ударит Русский Гром...
Ты все веришь в гибель нашу—
О, слепой безумный враг...
Нет, не будет солнца краше,
Как Кремлевское в веках.
Вьются гордо наши флаги
Над Российским Кораблем.
Мы пропитаны отвагой,
Путь свой держим напролом.
Мы проходим сквозь туманы...
Вражья сила, сторонись...
Впереди, за океаном—
Путеводные огни.

Злится старая стихия,
Волны дикие ревут...
Ударяясь о Россию,
Вспять без памяти бегут...
Что... Гудки... Противник новый...
Эй, сворачивай... Скорей.
Брось мечту надеть оковы
На страну богатырей.

Н. МУРАН.

„Правда" и рабочие.

Прошло десять лет, а в памяти свежо то волнение, с которым мы ожидали появление первого номера «Правды».

Как-то не верилось, что у нас, в условиях сурового царского режима, будет своя легальная большевистская газета. Невольно возникали сомнения насчет долговечности нашей газеты—удастся ли ей выдержать тернистый путь конфискаций и цензурных рогаток при крайне скудных материальных ресурсах, а после первых ударов и возможного закрытия,—удастся ли возродиться вновь? Но то были лишь мимолетные сомнения.

Толчок, данный рабочему движению ленскими выстрелами, был настолько силен, что пробудил скрытую и на время задушенную мощь рабочего класса с новой и необычайной силой. В широкой беспартийной массе чувствовался величайший под'ем, а стремление организоваться во что бы то ни стало в целях оформления своих политических и экономических требований было так неудержимо, что все чаще и чаще вспыхивали стихийные, разрозненные и никем не руководимые стачки. Это настроение мы как нельзя лучше использовали, выдвинув идею издания нашего органа «Правды».

Еще задолго до появления газеты в низах началась кипучая деятельность; разыскивались связи, вербовались подписчики, собирались деньги на закупку первых номеров.

К сожалению, условия нелегальной работы не давали возможности использовать всего, и нам казалось, что мы не исполнили в достаточной мере своей задачи, что у нас мало средств, и что все дело может сорваться. Как мы ни рвались сделать возможно больше, все же приходилось соблюдать величайшую осторожность, чтобы не провалить дело в самом начале.

Зато накануне выхода газеты у всех было предпраздничное настроение. Собранные на нашем заводе деньги—я работал тогда в арсенале на Выборгской стороне—были вручены товарищу, который с вечера отправился в типографию дежурить, дабы не прозевать выпуска первого номера.

Утра ждали с нетерпением и сомнением, зато появление газеты было настоящим торжеством. Газета бралась нарасхват, переходила от станка к станку. Работа у всех не клеилась, мастера отчаянно ругались, но на них никто не обращал внимания.

Сразу почувствовалось, что газета будет жить, несмотря ни на какие препятствия.

И, действительно, «Правда» с первых же дней завоевала всеобщую любовь и признание.

Для широчайших беспартийных масс «Правда» была зеркалом, в котором отражалась вся тяжелая и беспросветная жизнь тружеников. Она будила политическое сознание рабочего класса, она учила его на жизненных примерах организоваться для борьбы за политические права и лучшие условия труда, она отмечала в каждом, даже незначительном движении рабочих их классовую солидарность и беспощадно клеймила дело измены и предательства рабочего класса.

Для нас, партийных работников, «Правда» была руководящим органом и организационным центром, вокруг которого группировались лучшие силы. Она давала нам лозунги и директивы, исправляла наши промахи и служила путеводной звездой на тернистом пути к победе.

Рабочий класс оказал «Правде» такую поддержку, что даже царское самодержавие, несмотря на всю свою ненависть, не смогло задушить «Правды». На удар по «Правде» рабочий отвечал ударом. При такой поддержке для «Правды» ничего не было невозможного; она смело и беспощадно разоблачала царское самодержавие и открыто звала на классовую борьбу и руководила этой борьбой. И когда на «Правду» налагали штраф, рабочий делал сбор и покрывал его с избытком; конфисковали номер—рабочий делал сбор и покрывал издержки. «Правду» выгоняли из типографии—рабочий делал сбор на приобретение своей типографии. Для рабочих ради «Правды» не было ничего невозможного.

«Правда» возрождалась как Феникс из пепла после каждого закрытия.

В памяти свежи воспоминания и о самих сборах. Наперерыв друг перед другом всяк хотел быть первым по сбору. Даже у нас, на казенном заводе достаточно было сказать двум—трем товарищам, что в виду тяжелого материального положения «Правды» надо бы сделать экстренный сбор, как сейчас же около сборщика образовывалась целая толпа жертвователей, которую из конспиративных соображений приходилось упрашивать разойтись.

Отдавали последние гроши, а у кого не было вовсе ни копейки, просили хотя бы записать его до получки. И курьезно было смотреть на меньшевиков, которые во время сборов не получали ни гроша, а потом заявляли смешные претензии на половину собранных денег.

Обычно они мотивировали свои требования тем, что рабочий, мол, темен, ничего не разбирает, а дает вообще на «рабочую печать». Но рабочий очень разбирался, на что и для кого он жертвует свои последние гроши. Иногда для проверки мы пускали один подписной лист с двумя графами на «Правду» и на меньшевистскую «Рабочую газету», и тут они на опыте убеждались, что рабочий считает рабочей печатью только «Правду». По этим сборам и по тому, с каким нетерпением ожидалось появление очередного номера «Правды», мы узнавали нечто большее, чем простые симпатии. По этим сборам и по корреспонденциям в «Правде» мы могли судить—а это было главное—о настроении широких трудящихся масс и о том, как они реагируют на свои поражения и победы. На основе бесчисленных резолюций и отношения массы к «Правде» мы имели возможность направлять и свою деятельность, концентрируя свое внимание на ударных моментах рабочего движения.

Вот чем была жива и непобедима наша «Правда».

Царские скорпионы задушили «Правду», но они не смогли задушить тех, кого воспитала «Правда». Распыленные реакцией во время войны по лицу необ'ятной России, воспитанники «Правды», пропитанные до мозга костей ее лозунгами и классовой непримиримостью, остались верны ей и в дни тяжелых испытаний. Они понесли в гущу рабочей массы лозунги гражданской войны и немало поработали за осуществление диктатуры пролетариата.

В. ШМИДТ.

Старые картинки.

(Из эпохи «Звезды» и «Правды»).

I.

— А где «Звезда».—Капут, поди-ка,—
Рабочий грустно произнес.
— Ну, что, захныкал, погляди-ка,
Я «Правду» новую принес.
— А наши все-ж перехитрили,
Кой-что мы, значит, припасем,
Одну газету нам закрыли,
А мы другую поднесем.
— Да это, брат, не «Современка»:
Видна рабочая рука.
А как она хозяев тонко
Берет, ну прямо за бока.
Из мастерских в большом клозете
Сошлись рабочие гурьбой
И жарко спорят о газете,
И дышат груди их борьбой.

II.

— Демьян-то Бедный. Ох, умора.
— Должно какой-нибудь студент.
— Эх, к нам такого б мухомора,
— Да, ядовитый элемент...
— А мастер, братцы, наш вздорелый,
Как бес, ну прямо зверем стал.
Вот если бы писатель Бедный
Его стишками отхлестал!
А то народ у нас фальшивый...
— Пиши, Егорка: мастер пьет
И нашим бабам, чорт плешивый,
Нигде проходу не дает.
Пиши, что «Правде» посылаем
Мы наши медные гроши,
Свою поддержку обещаем
И что мы в будущем желаем
Успеха ей от всей души.

И. К.

Наша... родная...

(Воспоминания).

Выход в Петербурге газеты «Звезда» в 1910 г., а затем и других последующих под другими названиями, для меня был неизвестен, так как, находясь на «действительной службе» в нашем маленьком, глухом, мещанско-обывательском местечке Граево, я их не получал, да и вообще газеты получались очень и очень плохо и в довольно малом количестве. Только по приезде в мае месяце 1912 г. в Москву я мог иметь и читать «Правду».

В первый день своего приезда в Москву, вечером, я встретился с некоторыми знакомыми рабочими. Они не были никогда в партии, но были только до некоторой степени революционно настроены; во время московского вооруженного восстания в 1905 г. они принимали то или иное участие в нем, а впоследствии были более активными участниками некоторых стачек и забастовок. Я к этим рабочим неоднократно обращался, чтобы они произвели у себя на фабрике и заводе сбор денег для тех или иных нужд партии или какой-либо другой нашей организации; отказа никогда не было; напротив, был самый живой отклик. Они мне рассказали о выходе газеты «Звезда» и о других последующих, о преследованиях и гонениях на эти газеты; во время их рассказа они все время подчеркивали, что эти газеты были *наши, рабочие, родные.*

Довольно интересный факт был рассказан, как они покупали и поддерживали свою родную газету: один из них, старый котельщик, служивший на железной дороге, покупал газету от «Звезды» до «Правды» включительно по 3—5 и больше экземпляров и на мой вопрос, почему он так делает, получился следующий ответ:

— Видишь ли, не я один такой, что нашу... рабочую... родную газету покупаю пачками, а много таких. Это делаем мы, чтобы газетчики ее продавали: если будет мало расходиться, и у них будет она оставаться, то они брать не будут, и мы останемся без нашей, родной и кровной; в город-то нам ходить нет время, а если и выберешься туда, то только вечером после работы, а там-то фараоны ее всю уже отберут у газетчиков. Кроме того, покупая пачками, мы ее сами поддерживаем... Кто ей даст денег, как не мы?..

Я им заметил, если они так смотрят, то лучше было бы произвести среди себя на заводах и фабриках сбор и послать по почте прямо в редакцию, но мне не дали докончить и перебили почти все в один голос:

— Нет, шалишь!.. Собрать нам деньги ничего не стоит, одна минута... каждый даст, и отказу не будет, но если мы пошлем деньги, пока они дойдут до Петербурга, то ее раз десять закроют; конечно, она будет выходить под другим названием, а наши-то денежки новой газете не попадут, а попадут в руки фараонов... Нет... И баста...

Никакие мои убеждения и доводы на них не действовали, они были тверды и непоколебимы на своем.

* * *

После возвращения из Москвы в полк, я в скором времени был в Варшаве, и к моей великой радости, у одного газетчика увидал «Правду», но подойти и купить прямо ее было опасно, так как вообще там следили офицеры за солдатами,—каким и я, между прочим, был,—как говорится, в оба, и частенько останавливали и проверяли купившего газету или книгу; в результате были случаи, что купивший оказывался в комендантской.

Чтобы не попасть впросак, достал последний номер «Русского Инвалида», подошел к газетчику незаметно, положил ему газету и велел в середину вложить «Правду»; тот на меня многозначительно посмотрел и сделал, что я просил.

Отойдя несколько шагов от газетчика, я сзади услыхал окрик:

— Эй, драгун, вернись!..

Повернувшись, я увидел, что невдалеке от меня стоял гвардейский офицер и издали уже спрашивал, что я купил и велел показать. Не теряясь, хладнокровно я ему показал заголовок «Русского Инвалида» и сообщил, что мне было поручено одним офицером полка покупать за время моего пребывания в Варшаве все номера этой газеты. Гвардеец был удовлетворен и отпустил меня, не сказав ни слова.

Итак я имел нашу, родную и кровную газету.

* * *

В 1915 году я приехал с фронта в Москву и снова встретился со своими знакомыми, и первое, о чем стали говорить, это вспоминать о «Звезде» и «Правде»; о них говорилось больше, чем о чем-либо другом, и в этих воспоминаниях все время было слышно горе и печаль об их закрытии и невыходе никакой другой газеты. Особенно мои собеседники восхищались юбилейным номером; каждый из них заявил, что этот номер они берегут, как свой глаз, и имеют по несколько экземпляров. С болью на душе я им сообщил, что такового не только не имею, но даже и не видал. Один из них заявил, что он мне таковой подарит, и действительно через несколько минут юбилейный номер был мне вручен с определенной торжественностью:

— Береги его, как и мы, но он тебе еще дороже и ценней, чем нам... Ты в Таганке недаром был 2½ года...

Я не знаю, как благодарить за этот подарок, и этот момент в моей жизни никогда не забудется.

* * *

Подарок до данного момента у меня, тот самый номер, который является первым юбиляром нашей, кровной и родной газеты, прошедшей большой тернистый путь к ныне зовущей, ведущей нас и указывающей нам путь диктатуре пролетариата всего мира.

ВАЛЕРИАН СОКОЛОВ.

Воспоминания беспартийного рабочего.

Как сейчас помню механическую мастерскую Тульского патронного завода 1914 года. Среди рабочих начиналось тогда движение, возникали страстные политические споры. Обычное место, куда не проникал глаз заводской администрации—уборная всегда была битком набита рабочими. Там и читалась наша рабочая газета «Правда». И сколько было спора потом. Одни восторженно, другие скептически относились к тому, о чем писала «Правда», но равнодушно относиться не могли. Уж слишком она брала животрепещущие темы.

Не обходилось дело и без ликвидаторов (так назывались тогда меньшевики). «Правда» была всегда у нас помощью и оружием для отражения меньшевистской легальщины, а также и для раз'яснения политических вопросов.

«Правда» в то время у нас, в Туле, была нелегальная. На завод ее приносили тайком. Среди рабочих она была тем лезвием, который отделял «своих» и чужих». Кто читал «Правду», тот был свой человек.

А сколько восторгов давала нам газета, печатая речи депутатов Р. С. Д. Р. фракции (б-ков) в 4-й государственной думе. Я и сейчас помню речь тов. Бадаева, когда он, обращаясь к правой части гос'думы, говорил:

— Мы говорим не вам, мы знаем, что мы от вас ничего не добьемся, но мы через ваши головы обращаемся к массам, мы им говорим, и мы знаем, придет время, они перешагнут через ваши головы, и ворвутся в эти стены, где пока вы остаетесь хозяевами.

Такие речи были ударами молота по раскаленному железу.

Я позволю себе маленькую вольность и сделаю выписку из своего дневника того времени, хотя тогда я был и беспартийный. Вот что я тогда писал:

«Сейчас я только что прочитал газету «Трудовая Правда». Сколько бодрости она вкладывает в душу, сколько веры дает нам в то, что мы, пролетарии, возьмем ту свободу и осудим своим судом наших паразитов. Сердечное, сердечное спасибо нашим депутатам в думе; как радостно, что они не падают духом и как радостно, что есть газета, которая так правдиво рассказывает о нашей жизни и так верно знает наши рабочие думы».

А как больно нам было, когда мы читали, что «Правда» закрыта, «Правда» конфискована, редактор арестован. Мы собирались тогда, и нашим ответом было, это гривенники, четвертаки и полтинники в пользу своей газеты. И как радостно было, когда вместо «Трудовой Правды» нам приносили «Северную Правду», но все-таки «Правду». Нечего и говорить, что конфискация «Правды» была самая лучшая агитация, проводимая самой охранкой в пользу гонимой нашей газеты.

Интересен еще тот факт, что стихотворения из «Правды» можно было видеть в вырезках в платяных шкафах мастерской, на горнах в кузнице. Я знал одного рабочего, который заучивал их на память и на собственный мотив распевал во время работы.

Для нас в «Правде» было интересно все, начиная с заголовка и кончая отчетом о пожертвованиях. Все это мы читали до буквы. «Правда» была наша газета, и много много теперешних коммунистов еще тогда подготовила для революции «Правда». Она тогда еще нам, рядовым рабочим, открыла глаза, ободряла и звала в бой. Она великолепно сделала свое дело.

И. [illegible]

Переживание.

В жизни моей не забуду того впечатления, какое мы, рабочие, испытывали у себя в депо в день рождения нашей любимой рабочей газеты «Правда».

В разгар суровой, холодной зимы и пьяно-озверелого погромного разгула шайки помещиков о рабочей газете и во сне нечего было грезить. Но вдруг совершилось чудо. Ожила вся природа, зацвели в поле цветы и солнце золотистыми снопами озарило окна нашего дома. Нет, не хватает слов оценить ту радость, которую она нам принесла в день своего рождения. Чувствовалось, как будто и мы все вместе с ней и природой просыпаемся от глубокого сна.

Вот передо мною лежит газета «Рабочая Правда» № 35 (239) и в ней помещено письмо П. Дневницкого, в котором он дает отповедь ликвидаторам Мартовым, Данам, Ежовым и компании, и разные сообщения с фабрик и заводов: о жизни рабочих, о борьбе с хозяевами, о солидарности рабочих и т. д., и все это вместе взятое одушевляло, об'единяло и направляло на борьбу с классовым врагом.

Мой привет тебе, наш путеводитель и учитель.

В. П. ГРИГОРЬЕВ.

О „Правде".

Подойдя к годовщине газеты „Правда", как-то хочется оглянуться назад и задать себе вопрос: что эта газета была чисто партийная, с узким кругозором, или нет? И здесь можно прямо заявить: „Правда" была до сего времени орган, отвечающий вопросам не только партийного, но и каждого беспартийного честного работника. По ней мы черпали новое вдохновение для дальнейшей работы, по ней мы своевременно узнавали все опасности советскому строю и всегда во-время подготовлялись к наступлению капитала.

Нет таких моментов, когда бы „Правда" напрасно била тревогу или напрасно давала нравоучение о нашей халатности, пассивности и проч.

Наше искреннее пожелание ей—оставаться и впредь такой выдержанной, твердой и не стесняющейся подстегиванием нашего брата.

Правдивейшей газете „Правда": существуй на многие лета!

Работник государственного кабельного завода № 3 Рускабель **МАТРОСОВ.**

„Правда" в 1912—13 г.г. на Южном Урале.

(Воспоминания).

В южных горах седого Урала, по берегам серебристой и быстрой реки Белой, окаймленные бахромой соснового бора, мощно раскинулись чугунолитейные и железоделательные Белорецкие заводы во главе с центром горного округа—Белорецким.

Всего их — **семь:** Белорецкий, Гирляндский, Узянский, Кашинский, Авзяно-Петровский, Зигазинский, Лапыштинский.

Десятки тысяч рабочих работали на них. Сотни тысяч башкир и крестьян из прилегающих к этим заводам сел и деревень эксплоатировались, кормились от этих заводов, тесно соприкасаясь с рабочими.

Жили почти одной жизнью, думали одну думу, тянули тяжелую лямку капитала, вздымали очи «горе»—«ко господу богу»—и ждали с небеси себе улучшения, своей участи тяжелой облегчения, уму просветления.

А жадный спрут-капитал своими щупальцами жестоко сосал кровь рабочих, чеканя из нее золото.

И вдруг блеснул луч надежды на облегчение жизни, на улучшение быта. Грянул благодатный гром...

То был 1905 год.

С хоругвями, попами, с урядниками и прихвостнями капитала двинулись рабочие по улицам заводов. Нарядились в лучшие платья. Ведь праздник большой,—царь издал манифест...

Пели и «Боже царя храни», и Марсельезу, и Варшавянку и др.

А слуги царские подготовили «встречу» ликующим и... пролилась кровь...

Из «дворца» оренбургского губернатора Белорецкий округ был об'явлен мятежным. Округ был об'явлен на военном положении. К «беспокойным» и «сдуревшим» рабочим, не слушающим даже представителей бога—попов,—были присланы и приставлены «няньки»—оренбургские казаки.

Началось «усмирение»...

Снова потянулись ужасные, беспросветные дни, дни реакции, темной, жестокой.

Видевшим свободный луч света и надежды, рабочим стала жизнь еще более невмоготу. Классовая ненависть обострилась: враг 1905 годом обнаружен, узнан, понят. Поняты пути освобождения: не через молитвы к небу, а через кровавую войну с капиталом и его слугами.

1905 год прояснил классовое сознание рабочих Белорецких заводов...

А реакция неистовствовала...

Но как за ночью следует день, так за реакцией последовал под'ем, пробуждение, революционный порыв. Вновь появились революционные «тучи».

Первые раскаты—весьма слабые—возвещающего новые битвы грома докатились до рабочих Белорецких заводов в 1912 г. с далеких ленских приисков.

В воздухе запахло свежестью, бодростью, весной.

Весна и в природе.

Разглаживаться стали морщины рабочих. Лица посветлели. В глазах заблестел знакомый, призывный к солидарности, к борьбе, огонек.

В уголках заводов, у станков, горнов, доменных печей, в кипятилках стали собираться кучки рабочих и шептаться.

Заюркали по ночам в калитки конспиративных квартир «вожаки».

Оживились и «гончие»,—шпики. Полиции добавились «лишние хлопоты».

Но ясности у рабочих не было. Лишь слухи и слухи. Конкретного—ничего. Где началась борьба, как она идет, не провокация ли?

Передовики-рабочие нервничали. Связи с центром—никакой.

Стали искать путей связи, пытаться связаться с Златоустом, Уфой.

И вдруг,—словно сорока на хвосте принесла,—замелькала в руках рабочих «Правда».

Всего номера два-три появились в Белорецком заводе. Из рук в руки переходили они. Замаслились, засалились, покрылись копотью, износились до дыр, а все—хоть лоскутки—читались.

«Перекочевали» эти номера и в другие заводы.

Рабочие ожили, заговорили. Словно яркое солнце их обласкало. «Правда» своей рабочей правдой, острым правдивым словом, языком весьма близким, родным, понятным ободрила, зажгла огонь борьбы в сердцах наиболее сознательных, вновь окрылила верой в правоту рабочего дела, надеждой на облегчение в близком будущем.

Кучки рабочих по углам, кипятилкам, местам завтраков и обедов усилились, шепот перенесся в тихий, редкий разговор. Обдумывалась жизнь, борьба. Проверялась [illegible] того, что пишется в «Правде», [illegible] среди них, у них [illegible] щей среды.

[illegible], уч[illegible]лись «конспиративки» вожаков,—«стреляных птиц».

Жизнь забурлила.

Когда в «Правде» появились корреспонденции о жизни и быте рабочих Белорецкого округа, главным образом, Белорецкого завода, интерес к «Правде» пробудился и у более отсталых рабочих. Количество номеров немного увеличилось. Круг читателей значительно расширился.

Пронюхала об этом администрация. Через своих лакеев пустила в рабочую среду «острастку», что, мол, не дешево достанется «Правда» читающим ее.

Слабые насторожились, а затем отошли в сторону: моя, дескать, хата с краю, я ничего не знаю».

Трусливые стали «увещевать» более сильных и смелых, чтоб те «бросили якшаться с политиканами, а то—Сибирь, каторга, голод, смерть».

«Не нам уж тягаться с заводчиками да мастерами. Брось. Уж больно народ-то у нас несогласный»,—говорили они.

Некоторые, чтоб «выйти скорее в люди», стали шпионить, сообщать «своему начальству», кто что говорит, кто читает «Правду», какие планы и думы у рабочих.

«Начальство» стало напирать. Под искусной рукой управляющего округом запрыгали иерархические кнопки. Мелкая сошка пришла в движение и стала наседать на «строптивых» рабочих, на «политиканов». В своем чрезмерном усердии услужить «начальству», эти сошки делали не мало глупостей, которые лишь способствовали обострению классовой ненависти.

Шли дни, недели, месяцы.

А «Правда», «За Правду», «Путь Правды», «Северная Правда», — все правда и правда рабочая продолжала поступать в далекий медвежий уголок, будя революционную мысль, зажигая сердца рабочих огнем классовой борьбы, организуя, сплачивая их для нее, мобилизуя умы на войну против капитала.

В 1913 г. в Белорецком заводе рабочие начали вывозить с завода на тачках мастеров—этих верных слуг капитала в то время и ярых врагов рабочих.

Округ ожил, забурлил. «Начальство»—заводское и полицейское—пришло в замешательство, от удивления разинуло рты,—как, мол, это так тихо, незаметно проникла «зараза» и «одурачила» рабочих.

Началась классовая схватка. «Правда» указывала пути и методы борьбы. «Правда» была огромнейшим революционным фактором. Она зажигала, бодрила, спаивала, воспитывала.

И только империалистическая война 1914 г. приостановила разгоревшийся пожар классовой войны, как во всей России, так и в медвежьем ее уголке—Южном Урале...

Но семя «Правды» пышным цветом расцвело в 1917 г., особенно в 1918 г. Против чехо-словаков, против Колчака. Белорецкий округ дал десятки тысяч бойцов (белорецкие рабочие с Блюхером во главе пробились сквозь строй белых и вышли к Красной армии на линию Красноуфимск — Екатеринбург), дал немало красных вождей...

Лишь 10 лет прожито, а сколько пережито!.. счастливого, радостного!..

Корреспондент «Правды» в 1912—13 годах. А. КУЧКИН.

„Правда" у левенсоновцев.

В 1912 году я работал в отделении типографии Левенсона, тогда еще в Кузнецком переулке. На работу ходил мимо Сухаревской площади. На углу площади стоял газетчик, который продавал помимо других газет и петроградские газеты, в том числе «Правду» и «Луч».

С одним рабочим мы каждый раз встречались утром. Он так же, как и я покупал «Правду».

Когда номер газеты конфисковывался, мы узнавали это только по следующему номеру, где об этом извещалось, прочти уже конфискованный номер.

Нас удивляло: каким способом ухитрялся газетчик получать конфискованные номера газеты.

На наш вопрос газетчик просто отвечал:

— Газета конфисковывается, когда она идет в вагоне в Москву... Потому и получаем.

— Тогда она должна быть конфискована и в Москве,—отвечали мы.

— Когда будут конфисковать, я уже продам. Она ходко идет... К 12 ч. нет ни одного номера...

Я платил газетчику за «Правду» одной копейкой больше, хотя получал 35 коп. в день жалованья, как типографский ученик. Газетчик этой лишней копейкой был очень рад.

Но впоследствии лишняя копейка мне уже мне не стала помогать. Некоторые рабочие платили больше меня, почему я уже газеты получал нерегулярно, потому что газетчик перестал уже интересоваться мною как выгодным покупателем. Газет стало нехватать. Для того, чтобы получить, нужно было вставать раньше, что я и делал.

На работу ходили к 8-ми часам, а чтобы уже наверняка достать газету, некоторые рабочие приходили к газетчику на час раньше, с полной гарантией достать газету.

Впоследствии газету мы получали все реже и реже, а потом куда-то исчез и сам газетчик.

* * *

Ко всем товарищам, читающим «Правду» в типографии Левенсона, относились с уважением.

В типографии редко кто читал рабочие газеты, больше всего читали «Русское Слово», «Русские Ведомости» и др. газеты.

А кто читал газету «Правду» и «Луч», разногласий почему-то не было. Одинаково интересовались как той, так и другой газетой.

Но когда посылали за газетой, вернее всего заказывали их товарищу, который читает их, то говорили так:

— Купи «Правду», но если ее нет, то тогда «Луч» или другую газету.

В первую очередь заказывалась всегда «Правда».

* * *

«Правда», как и др. политич. газеты, попадала в руки рабочим очень редко. Редко их можно было найти у газетчиков.

Когда мы в типографию не приносили газеты, то тосковали по ней, а рабочие, которым мы в обед давали читать газету, всегда справлялись о причинах ее отсутствия.

Перед нами встала мысль выпускать для Левенсоновской типографии рукописный журнал в духе «Правды». Долго ломали мы над этим голову, но ничего на первое время не выходило, во-первых, потому, что некому было писать политические статьи, да и организовать таковой боялись.

Под впечатлением статей в «Правде», я взялся за организацию такого журнала. Нашлись после и желающие из молодежи принять участие. За писанием засиживались до утра, а потом продавали свое издание в типографии по пятачку. Рабочие типографии передавали нам стихи и прозу с самыми «преступными» для тогдашнего времени выражениями против царя, министров, купцов и попов. Некоторые рукописи передавали нам с такой припиской: «хотя в той (о «Правде») газете и не было этого, но газета с нами была бы согласна».

Как пример, привожу отрывок одного стихотворения, а таких стихотворений было много. Это стихотворение было написано по поводу носившихся слухов о войне с Китаем.

«Ты царь бесправного народа,
На которой земле существуешь.
Не веришь ни в чорта, ни в бога,
Но смерти своей не минуешь.
С Китаем учиняешь войну,
Но не веселым концом обойдется,
Не одну разоришь ты семью,
Которая до тебя доберется»...

Наши рукописи рабочие читали с большой охотой. Некоторые места из стихотворений помещались в образцы шрифтов.

Но за всю эту работу нас всех разогнали, некоторых уволили, а некоторые ушли сами, так как жить в типографии стало невозможно.

Выпуск рукописного журнала, а также те споры, которые велись во время обеда, а иногда и за работой, базировались на статьях «Правды», которая нас сделала более развитыми, хотя мы многое еще не понимали. Нас увлекала газета, и мы любили ее за ее боевой, прямой тон.

Много слов в «Правде» мы понять не могли. Один из наших товарищей, который был побогаче нас, так как получал 50 коп. в день, купил за 10 коп. словарь. При помощи этого словаря мы и разбирались в непонятных статьях.

Теперь иногда встречаемся с товарищами и вспоминаем о нашем чтении «Правды» и выпуске рукописного журнала.

Товарищи, которые читали раньше старую «Правду», теперь все коммунисты.

И. ЛОМСКИЙ.

„Правда" среди шахтеров.

5 мая (22 апреля) пролетарии ныне свободной России празднуют 10-летие выхода в свет газеты «Правда». В тяжких условиях мрачного царизма в 1912 году родилась защитница, вождь пролетарских рядов, освещавшая пути их борьбы, любимица трудящихся—газета «Правда». Насколько важна и необходима была рабочим своя печать в эпоху торжества реакции, полицейского произвола, об этом говорить не приходится. В частности лишь остановлюсь на важности рабочей печати (для того времени) среди отсталых, забитых и подземных шахтерских масс. И как туда попадала «Правда», какую играла роль в повседневной жизни шахтера, его запросах и борьбе за лучшую долю? Донецкий бассейн и в 1912 г. был полон жизни, на всех порах шумел и дымил, копя черное золото—источник ходкого обогащения угольных магнатов. Каково же было там положение шахтеров? Заработная плата урезывалась, рабочее время удлинялось, штрафы, скидки, всевозможные вычеты, дикий произвол администрации и т. п. мерзость практиковались вовсю. Негде было осветить все это безобразие, а о какой-либо защите и думать было напрасно. Прибегать к самозащите шахтеры не могли из-за слабости организации, которая только зарождалась и жила в ячейках, руководимых самими шахтерами. Назревала необходимость усиления политического влияния на массы, но это осуществить сразу не удалось за недостатком сил. Придавленные, измученные шахтеры вынуждены были только ждать, что будет дальше, часто сетуя друг на друга за несогласованность и неуспех в борьбе за свои интересы. К движению и конфликтам на отдельных рудниках шахтеры чутко прислушивались, передавая суть дела, кто как слышал. Ходила также устная газета о происшествии на ленских приисках. Говорили, что полиция избила несколько рабочих, рабочие разгромили полицию, а казаки расстреляли зачинщиков и т. п. В этот момент не только была необходима рабочая печать, но о ней говорили, ее жаждали шахтеры. Указывая, что газеты «Русское Слово», «Южный Край» и др. не рабочие, а господские, пишется там непонятное и не про нас, с любопытством допытывались, почему рабочие не имеют своей газеты. Предлагали создать рудничную маленькую газету, обещая материально поддержать. Были наивные и доверчивые, писали корреспонденции (описывая свое житье-бытье) в «Русское Слово», «Биржевку», «Копейку» с просьбой напечатать, но судьба посланного, как и должно быть, оставалась безвестной.

Но вот долетели вести о выходе газеты «Правда», и первая ласточка, пройдя через полицейские рогатки, прилетела в рудники. Сотни мозолистых рук тянулись к газете, читая по очереди группами, артелями, в специально назначенных квартирах, на чердаках, степном бурьяне, лесу и шахте; читалась до дыр, пока можно было разбирать. Чтение кончалось, являлось желание усилить подписку, жертвовать в фонд и принять сотрудничество. Появление заметок, статей и стихотворений, освещающих неприглядное шахтерское житье-бытье, еще пуще спаяло газету с шахтерской средой. Появилась и усилилась коллективная подписка. Появился шахтерский листок (в «Правде»), созданный, по инициативе т. Ермощенко, на средства шахтеров. Интерес к газете быстро рос и порождал тягу к коллективным беседам на политическую тему, а также собраниям и массовкам для разрешения серьезных вопросов дня. Зашевелилась явная и тайная полиция: обыски, аресты (подписчиков), конфискация газет на почте, устройство облав, засад на коллективных подписчиков и распространителей, конфискация газет на дому, требование прекращения подписки под угрозой сгноить в тюрьме и т. п. стали обыденным явлением, а бедные газетчики были так напуганы полицией, что когда у них спрашивали «Правду», одни отвечали, что не знают вовсе такой газеты, а другие прямо отвечали: «Правда» в полиции. Все эти репрессии и козни шахтерам были не страшны, сознание и твердая уверенность в правоту своего дела брало верх, шахтеры теснее и сильнее смыкали свои ряды вокруг своей «Правды», отвечая на репрессии протестами и усилением помощи. Кстати, нельзя не отметить и меньшевиков, ратовавших за свою газету и убеждавших шахтеров не выписывать «Правду»; она-де газета непорядочная, любит ругаться, а один (Лозовский) меньшевик дошел до того, что обещал выписать «Правду» рабочим рудника Ветки. Собрал подписку и выписал все же меньшевистскую газету.

Но это меньшевикам нисколько не помогло. Рабочие продолжали читать «Правду» и только «Правду».

Привет тебе, старый друг.

А. БАТОВ.

Корреспонденты „Правды".

Как я стал корреспондентом „Рабочей Жизни".

В день десятилетнего юбилея газеты «Правды» невольно вспоминается то недавнее время (1919 г.), когда рабочим с помощью «Правды» пришлось завоевать еще одну цитадель рабочего фронта, предоставив возможность рабочим высказываться на страницах газеты, о чем ранее и мечтать даже нельзя было.

Призыв «Правды» писать рабочим заставил и меня встряхнуться и претворить свои мечты в жизнь, а мечтать о писательстве я мог, так как с 12 лет работаю у печатного станка в качестве наборщика. Я завсегда думал о тех счастливцах, которые не только могут печатать, но и писать; я всегда относился с благоговейной святостью к своему труду и первый радостный день в моей жизни был тот, когда я увидел первый оттиск работы своих рук. С тех пор мысль о том, чтобы выучиться не только набирать, но и писать, меня никогда не оставляла, но работая уже мастером на газетах, я видел, как это трудно было провести в жизнь,—я видел, что в газетах писать предоставлялось только тем, кто мог угождать «обществу», остальным же, а в особенности рабочим, желавшим высказаться от всей души, не было места на страницах газеты.

Желанный день этот настал. Случай, заставивший меня писать, выдвинула сама жизнь. Работал я в 1919 г. в одной московской типографии с количеством рабочих что-то около 100 человек. Заводской комитет состоял, собственно говоря, из меня одного, хотя и был председатель, секретарь и члены, но я, состоя секретарем его, олицетворял его весь. Время для рабочих было ужасное: голод, холод, хозяин «жулик», робость рабочих взять предприятие в свои руки, да к тому же еще наш союз печатников, возглавляемый в то время «желтым» правлением, услаждая своих членов хорошими обещаниями, но ничего не дававшим, еще больше расстраивал жизнь рабочих.

Вот в такой обстановке пришлось нам троим товарищам, только что начинавшим «краснеть», работать. Но один случай, когда нам все-таки пришлось пробить брешь в этой тьме и пробудить веру и надежду в лучшую жизнь, привел к победе с помощью газеты «Правды».

Одно время был уж очень серьезный критический момент в продовольственном отношении. У рабочих действительно опускались руки от изнеможения. Появились в газетах ободряющие статьи, но тогда рабочие газет почти не читали и от них отворачивались. Никакие увещания, споры не приводили ни к чему. Твердили одно: «газеты врут». Я начал говорить: если газеты врут, пишите сами, вот обращение газеты «Правды» к вам с просьбой писать», на что получал ответ: «будет баки то вколачивать, ты вот попробуй напиши, чорта с два поместят».

Пришел домой и задумался. Надо что-то сделать. Но как, с чего начать? Как раз попадается на глаза помещенное в «Правде» письмо гражд. Сидоренко, где он, называя себя бывшим крепостным, описывал и нахваливал прежнюю жизнь. Я ухватился за это письмо. Тема есть. Сам, происходя от родителей, бывших крепостными, и кое-что слыша о ней, я, основываясь на этом и на примерах собственной жизни, написал ответ на это письмо. Просидел всю ночь, корпя над этим трудом, сильно волнуясь, но все-таки написал и утром отнес в редакцию.

Не стану писать, что пережил я в это время до появления моей заметки в газете. Но когда я увидал ее напечатанной и под ней подпись «Ив. Петров», я не знаю, что со мной было. Неужели то, о чем я думал с детства, из-за чего я не бросаю в течение 40 лет печатного станка, осуществилось. Не сон ли это? Нет! Я чувствовал, какое у меня теперь в руках сильное средство против всех врагов наших идей.

Не помню, как пришел в типографию, но рабочие, убедившись воочию, что статью действительно написал их Петров и приводимые факты в заметке есть факты из моей жизни, а жизнь мою они хорошо знали, твердость их была поколеблена и спустя несколько дней на общем собрании было постановлено «выписывать две газеты: «Известия» и «Правду», выйти из желтого союза и вступить в члены красного союза печатников.

И теперь, когда смотришь на целую страницу «Рабочей Жизни» корреспонденцией, написанных рабочими, и сравнивая их с 3—4 корреспонденциями того времени, написанных робкою рукою, верится, что мы рабочие одержали, хотя незаметную, но большую победу на этом фронте. Верится, что мы рабочие-корреспонденты [illegible] в недалеком будущем с четвертой страницы газеты переброситься на первую и из рабочих корреспондентов превратятся в рабочих-публицистов. Только побольше терпения, труда и упорства.

В заключение поздравляю товарищей, писавших ранее и пишущих сейчас, с дорогим юбилеем нашей дорогой газеты «Правда».

ИВ. ПЕТРОВ.

Как я учился писать.

Шел мне 24-й год. Работал я тогда за рядового рабочего на фабрике, читал очень плохо, а писать почти совсем не умел. Интерес к жизни и к борьбе за лучшую жизнь был у меня тогда велик, ибо все несправедливости происходили у меня на глазах. С большим уважением слушал товарищей, читавших мне вслух, и просто удивлялся, как это люди бегло, красиво читают и пишут и понятно передают свои мысли другому. Начал читать и я. В особенности любил читать Горького и „Записки охотника" Тургенева. В 1911 году, кажется, сам попробовал написать воззвание к рабочим, в котором ругал чуть не матерно директора фабрики за его плохое отношение к рабочим. Показал свой труд т. Цветкову, который учился тогда на вечерних курсах. Тот надо мной долго хохотал и сделал мне замечание, что написано очень грубо и неграмотно. Тов. Цветков тут же меня и с'агитировал пойти учиться на вечерние курсы. Работал я на фабрике сдельно до 8 час. вечера и все же ежедневно стал до 10—11 час. ходить учиться. Было очень тяжело, но интересно. Больше учился на квартире. В 1918 году я уже удачно написал сочинение „Гроза" и, кажется, в этом же году моя первая заметка была помещена в 6-м или 7-м номере газеты „Наш путь", что выходила тогда в Пименовском переулке. Работать над собой я продолжал, читал, писал и еще больше рвал. Во время революции стал, конечно, писать больше. Сначало не выходило; напишешь много, смотришь, а в редакции половину выбросят. Сравнивал свои черновики и опять учился. Теперь идет уже 1922 год. Много утекло с тех пор воды,—власть теперь в наших руках и учиться нам, рабочим, необходимо. Надо нам всем научиться писать. В нашей рабочей печати не должно быть казенщины, больше должно быть ясности и простоты. А этого только тогда можно будет добиться, когда рабочий и работница сроднятся с газетой и будут для нее писать, учиться, рвать и опять писать. Работа твердой, рабочей, мозолистой руки должна быть не только у станка, но и в печати. Материала, товарищи, очень много. Было бы желание, а остальное все приложится.

Я. Д.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Извещения принимаются только до 2 час. дня.

В пятницу, 5 мая, в 8 час. веч., в Колонном зале Дома Союзов (Б. Дмитровка, 1) состоится торжественное заседание, посвященное «Дню Печати» и 10-летнему юбилею «Правды» — МКРКП.

За завед. агит.-отд. МКРКП (подпись).

ПАРТИЙНЫЕ.

— Хамовнич. р. 5 мая, в 11 ч. у., в Райкоме сост. засед. Агитколлегии; в 8 ч. в., в райкоме сост. собр. агитаторов, организаторов пропагандистов и лекторов; в 7 ч. в., в райкоме сост. очередное делегатское собр. работниц. Присутствие обязательно.

— Сокольнич. р. 5 мая, в 7½ ч. в., сост. районная конференция Сокольнического района РКСМ. Представительство: 1 на 5 (В. Красносельская, 5).

— Кр.-Пресненск. р. 5 мая, в 7 ч. в. сост. районная конференция членов РКСМ. Представительство: 1 на 5, но не более 10 (1-я Тв.-Ямская, 46).

— Рог.-Симон. р. 8 мая, в 6 ч. в., в кл. района (Коммунистическая, 28), сост. инструктивный доклад для агитаторов по проведению страховой кампании.

СОВЕТСКИЕ.

— 8 мая, в 5 ч. в., сост. засед. пленума секций Бауманского совета. Приглашаются чл. фабзавкомов, женотдела и РКСМ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ.

— Президиум союза швейников извещает всех рабочих государственных и частных предприятий швейной промышленности, что с 1 мая в союзе введены вечерние занятия до 10 ч. веч., не изменяя дневных. Библиотека-читальня функционирует также до 10 ч. веч.

ПАРТИЙНЫЕ.

— Товарищи-мостежартовцы, принимавшие участие в октябре 1917 г., как коммунисты, так и беспартийные, приглашаются на юбилей пятилетия ячейки, 7 мая, в 6 ч. в., в клубе Мостежарт (Ладожская, 19).

— 8 мая, в 4 ч. д., в пом. Мосфинотдела (пл. Революции, б. Гор. дума), сост. собр. фракции Горконференции союза совработников. Приглашаются коммунисты-члены месткомов.

— Горрайком, 6 мая, в 7 ч. в., в клубе (Кузнецкий М., 15/5), сост. занятия 2-го [illegible]ального марксистского кружка; в 8 ч. [illegible] сост. собр. секретарей ячеек и активных [illegible]ботников. Явка всех обязательна.

КОНЦЕРТЫ, ЛЕКЦИИ И МИТИНГИ.

— Центр. дом работников просвещения и искусств (Л[illegible]тьевский пер., 4), 5 мая [illegible] Белом зале: [illegible] журнал «Соло № 1. Программа: 1) передовая—М. Златопольского; 2) стихи—Адуев, Арго, Е. Волч[illegible]цкая, Г. Леш[illegible] [illegible] Мачтет, Минаев, Манухина, Шашков, Ланин и Ройзман; 3) статьи—Э. Левонтин—Звукопись у Сологуба, И. Аксенов-Асеев и Хлебников; 4) сатира и юмор: Я. Половский и И. Захрин—Странствования Ивана Ивановича Дантова; 5) биб[illegible]афия: рецензии — Вахарова-Менского, [illegible]олонского, Б. Федорова и М. Ройзман; 6) [illegible]ма в редакцию; 7) об'явления. Начало [illegible] час. веч.

— Коричневый зал. П. П. [illegible]дев: «Химия в школе». Начало в 8 час. веч.

РАЗНЫЕ.

— Экскурсии ГУМ. 7 мая: 1) на целый день в село Коломенское, в 10 час. у.; 2) на Воробьевы горы; 3) на Биостанцию в Сокольники, в 11 час. у.; 4) в Третьяковскую галлерею, первая по циклу в 11½ час. у.; 5) в Исторический музей, под руководством проф. Тарасова, с предварительной лекцией. 10 мая—театральная экскурсия. 14 мая, экскурсия в село Коломенское под руководством Н. А. Гейнике в 10 час. утра.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУСЕВСКИЙ КОМБИНАТ (ТРЕСТ)

ОБ'ЕДИНЕННЫЕ ЗАВОДЫ и ФАБРИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ в ГУСЕХРУСТАЛЬНОМ, Владимирской губернии.
(б. Акц. Общ. „Ю. С. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВА НАСЛЕДНИК")

ПРОИЗВОДИТ:
Суровые хлопчато-бумажные ткани:
Бязь, миткаль, репс, фасонные, марлю и т. п.
Хрустальную посуду.
Техническое стекло: манометра охранительные, предметные, часовые.
Термометры: медицинские, ветеринарные и т. п.
Лесные материалы.
Кирпич и черепицу.
Мыло.

ПРОДАЕТ:
Хлопчато-бумажные ткани окрашенные, набивные.
Хрусталь.
Химическую посуду.
Техническое стекло.
Термометры.
Лесоматериалы.
Кирпич.

ПОКУПАЕТ:
Зерновой хлеб.
Крупу.
Жиры.
Технические материалы.
Гонки, лак ременный, краски.
Пробку.
Ремни.
Медикаменты.
Картофельную муку и проч.

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ:
Председатель инженер Ж. А. Рогов.
Члены Правления: т. П. И. Гуськов, инженер С. С. Херсонский, т. А. А. Колотушкин, инженер П. П. Глухов.
Московская к-ра и маг. Хрусталя помещаются в д. № 8 по Мясницкой ул., 3-й этаж.
Телефоны 2-70-30, 3-57-70 добав. 4. Упрає. Моск. Кон. Г. П. ЧИЖ.

ВНИМАНИЕ МОСКВЫ и ПРОВИНЦИИ.

Кавказско-Крымское Т-во ГЕНЖЕНЦЕВЫХ
РЕКОМЕНДУЕТ **ВИНА,**
ЛУЧШИЕ ПО КРЕПОСТИ И ВКУСУ, СТАРЫЕ И ВЫДЕРЖАННЫЕ.
ЦЕНЫ УМЕРЕННЫЕ.
ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ СОЛИДНАЯ СКИДКА.

Оптовый склад под наблюдением профессора Шимановича.
Винодел Н. А. КУБАНДИН, главный винодел фирмы Петра Смирнова.
Доверенный Правления Н. В. Смирнов.

Правление: Тверская, [illegible]. Телеф. 26-39.
Оптовый склад: Тверская, уг. Мал. Гнездниковского, 37/1.
Розничные магазины: Тверская, 24. Телеф. 56-03. Пятницкая, 18. Трубная ул., угол Трубной пл., № 1.
Директор-распорядитель Г. А. Генженцев.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ БЮРО СИНДИКАТА ШВЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

представляющее МОСКОВСКИЙ, ПЕТРОГРАДСКИЙ и КАЗАНСКИЙ ТРЕСТЫ, приступило к своим действиям.
Состав Бюро: Председатель С. Н. ЕГРАЧЕВ, Члены Н. Н. СКРЯБОВ и М. Г. МИХАЙЛОВ.
По делам СИНДИКАТА М. Г. МИХАЙЛОВ принимает ежедневно от 11 до 2 дня.
Бюро временно помещается на Маросейке, Космодамиановский пер., д. № 6, 3-й этаж. Телефон №№ 1-16-17 и 3-12-60.

МОСКОВСКОЕ МОНТАЖНО-СТРОИТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ Электротехнического Треста Центрального Района

МОСКВА, Маросейка, 17,
ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ:
комплектное оборудование электрических станций небольшой мощности, состоящее из нефтяных двигателей „Горнсби" и соответствующих динамо-машин, для освещения: ПОСЕЛКОВ, ФАБРИК, ЗАВОДОВ и МЕЛЬНИЦ.
НА СКЛАДЕ ГОТОВЫЕ КОМПЛЕКТЫ.
Полный монтаж установок своими монтерами и материалами.
Допускается товарообмен и льготные условия платежа.
С запросами обращаться в моск. монтажно-строит. отделение Э.Т.Ц.Р. Москва, Маросейка, № 17. Телеграфный адрес: Москва, ЭТЕЦЕР.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО РЫБОЛОВСТВУ И РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ „ГЛАВРЫБА"

доводит до сведения госучреждений, первичных кооперативов, завкомов и других гос- и хозорганов, что оно в ближайшее время открывает
ОПТОВЫЙ РЫБНЫЙ МАГАЗИН
в Охотном ряду, угол Моховой и Моисеевской площ., д. № 28,
из которого отпуск рыбных товаров будет производиться целыми местами по оптовой рыночной цене.

В. С. Н. Х. ПРАВЛЕНИЕ Владимирского Треста Хлопчато-Бумажных фабрик

Москва, Юшков пер., д. 4, телеф. № 53-93.

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ:	Председатель	Еремин, И. Г.
	Члены	Денисов, М. П.
		Семенов, С. Е.
	Завед. Отд. Снабжения	Денисов, А. М.
	„ Торговым Отдел.	Федотов, П. С.

ТРЕСТ ОБ'ЕДИНЯЕТ ФАБРИКИ:
1. Собинскую, 2. Ставровскую, б. Бажанова, 3. Лемешенскую, 4. Беловскую в Ставрове, 5. Петушенскую.

ВЫРАБАТЫВАЕТ:
Крашеные и суровые хлопчато-бумажные ткани.

ПОКУПАЕТ:
Продовольствие, фураж, подсобные материалы для прядильно-ткацких фабрик и химические материалы для красильной фабрики.

Центральное Управление Грозненской Нефтяной Промышленности „ГРОЗЦНУ"

Правление Главного представительства ГРОЗЦНУ В МОСКВЕ.
МЯСНИЦКАЯ, 20, ФЛИГЕЛЬ ВО ДВОРЕ.

Телефоны: Директор-Распорядитель Э. П. Грибанов 3-47-08.
Коммерческий Директор инженер Я. М. Гусман 2-33-74.
Технический Директор инженер И. И. Стрижов 2-23-52.
Общей части 5-02-96.

ПРОДАЕТ: за наличные и в товарообмен на продукты и материалы, необходимые для нефтепромышленности: нефть, мазут, керосин, масла—машинные, веретенные, цилиндровые, соляровые, бензин, гудрон, полугудрон и лигроин.

ПОКУПАЕТ: технические материалы, мануфактуру и прозодежду, обувь, строительные материалы и продовольствие.

Правление Главного Представительства ГРОЗНЕФТИ приглашает все тресты и госорганы—потребителей топлива, смазочных и осветительных материалов, во избежание излишних накладных расходов, обращаться с предложением купли—продажи и товарообмена непосредственно к правлению ГРОЗНЕФТИ.

ПРАВЛЕНИЕ Егорьевско-Раменских хлопчатобумажных фабрик

Ильинка, Хрустальный пер., Старый Гостин. Двор, № 99/100.

ПОКУПАЕТ продфураж и разные производств. материалы за наличный расчет и в обмен на мануфактуру.

ПРОДАЕТ ИЗДЕЛИЯ СВОИХ ФАБРИК.

Состав Правления: Председатель А. П. ЧЕКРЫГИН, Члены Правления: Ф. В. Птицын, И. А. Ястржембский.
Телефоны: 2-13-22 и 1-73-73.

ТОРГОВОЕ ПРАВЛЕНИЕ ТВЕРДОГО МИНЕРАЛЬНОГО ТОПЛИВА ГУТ'а „ТОРГУГОЛЬ"

ПРЕДЛАГАЕТ:
КОКС
АНТРАЦИТ
КАМЕННЫЙ УГОЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ РУДНИКОВ ДОНБАССА.
Адрес: Москва, Мясницкая, 20.

ТЕЛЕФОНЫ:

Общие	1-16-69, 1-15-72	Член Правл., Упр. Делами	22-97
Предс. Правления	5-71-91	Зав. Торг. Отделом	4-04-91
		Торговый Отдел	1-15-72

ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ТРЕСТ ЗАВОДОВ СЛАБОГО ТОКА

ОБЕДИНЯЕТ ЗАВОДЫ:

В ПЕТРОГРАДЕ: б. СИМЕНС и ГАЛЬСКЕ, б. Л. М. ЭРИКСОН, б. ГЕЙСЛЕР, ПУСТОТНЫХ АППАРАТОВ (б. Федорицкого), Радио-Завод (б. Р. О. В. Т. и Т.)

В МОСКВЕ: Телеграфный зав. МОРЗЕ, Аппаратный радио-завод, Машинный радио-завод, Радио-лабораторию, Завод установочных материалов.

В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ: б. СИМЕНС и ГАЛЬСКЕ.

ЗАВОДЫ ТРЕСТА ИЗГОТОВЛЯЮТ:
Телефонные аппараты,
Телефонные коммутаторы,
Телеграфные аппараты,
Радио-станции,
Железнодорожную сигнализацию,
Рентгеновские аппараты.

МОНТАЖНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТРЕСТА
Москва, Милютинский п., 10,
ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ на устройство телефонных сетей и станций, устройство железнодорожной сигнализации, тревожной и пожарной. Громоотводные установки.

Правление Треста: Петроград, Грязная ул., 12. Москва, ул. Станкевича (б. Чернышевский п.), д. 6.
Отдел Заказов в Москве, телеф. 32-08; 3-95.

„МОСМЕТ"

В ОТКРЫТОМ СВОЕМ МАГАЗИНЕ, МЯСНИЦКАЯ, дом № 5,
производит оптовую и розничную продажу изделий своих заводов
ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ и в ОБМЕН
на хлеб, чугун, топливо, цветные металлы, серную и соляную кислоты, песчаниково-карборундовые камни, ремни и проч. вспомогательные и технич. материалы.

ИМЕЕТСЯ К ПРОДАЖЕ
Сортовое и кровельное железо.
Гвозди и шурупы.
Топоры, колуны, ведра, бидоны, чайники
Паров., водопроводн. и газов. арматуры
Конные привода, молотилки, плуги, мельничные вальцы.
Пожарные трубы, паровые центробежные насосы.
Шахтные лебедки, текстильные и металлообрабат. станки.
Паровые котлы, нефтяные двигатели, холодил. устройства и проч.

КАМВОЛЬНЫЙ ТРЕСТ

Московского района
Ильинка, 12—ЮШКОВ № 1 (вход с Юшкова)
ПОКУПАЕТ ДЛЯ ФАБРИК:
изделия из манильской пеньки,
канаты, контакт,
олеиновую кислоту,
сшивки Джаксона
и прод-фураж.
Предложения принимаются в Отделе Снабжения
ОТ 12-ТИ ДО 2 ДНЯ.

Московская Транспортная Контора ГОСУДАРСТВЕННОГО ТРАНСПОРТНОГО ТРЕСТА НКПС и ВСНХ.

Москва, Мясницкая улица, Фуркасовский пер., д. № 3/12, 2-й этаж.
Тел. № 2-87-05. Телеграфный адрес: Москва, ТРАНСПОРТРЕСТ.

ОТКРЫЛА СВОИ ДЕЙСТВИЯ И ПРОИЗВОДИТ ОПЕРАЦИИ.

Прием товаров, багажа и посылок в Москве от государственных учреждений и предприятий, организаций, трестов, кооперативов, частных предприятий и лиц для отправки по жел. дорогам и водным путям по назначению в адрес получателей и с доставкой на склады адресатам—в пунктах, где имеются Конторы Транспортреста.

Прием товаров для перевозок по Москве со сдачей жел. дороге или со станции железной дороги на склад по указанию грузовладельца.

Хранение товаров в складах Транспортреста.

Прием на склады сборных отправок и отправка таковых по назначению.

Организацию отправок маршрутными поездами и отдельными вагонами.

Транспортрест принимает на себя ответственность за целость и сохранность товаров с момента приема до сдачи товаровладельцам.

Открыты Конторы Транспортреста и производят такие же операции в Петрограде, [illegible], с. Богородском (Нижегородск. губ.), Рыбинске, Кинешме, Муроме, Иваново-Вознесенске, Рязани, Нижнем-Новгороде, Симбирске, Самаре, Царицыне, Астрахани, Курске, Харькове, [illegible], Архангельске, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Армавире, Краснодаре, Новороссийске, Майкопе, Пятигорске, Владикавказе, Петровск-Порте, Баку и Ташкенте.

ТРЕСТ „СЕВЕРОПАТОКА"

открывает в самом непродолжительном времени
ОПТОВЫЙ СКЛАД
по продаже продуктов и материалов, изготовляемых на заводах Треста, [illegible]:

Паровая патока 40° по Боме, высшего качества (завода быв. Понизовкина).
Декстрин желтый.
Картофельная мука „Экстра".
Саго. Обрезный пильный материал.
Соляная кислота 18%.
Купоросное масло 66%.
Медный купорос ([illegible]).
Бочки из-под патоки с железными обручами и другие.

Склад помещается: Никольская ул., б. Черкасский пер., д. № 7 ([illegible]).
По вопросам продажи надлежит обращаться в Коммерческий Отдел Треста от 10-ти до 2-х часов дня.
Телефоны: 4-79-16, 1-[illegible], 1-[illegible].
Адрес Правления Треста: Ильинка, Юшков переулок, д. 6.

ГУМ. ГОСУДАРСТВЕНН. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН.

Верхние Торговые Ряды.

МАНУФАКТУРА,
ГАЛАНТЕРЕЯ,
ПАРФЮМЕРИЯ,
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ,
СПОРТИВНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ,
КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ,
ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ,
ПИСЧЕБУМАЖНЫЕ ТОВАРЫ,
ВИНО, ГАСТРОНОМИЯ,
КОНДИТЕРСКИЕ ТОВАРЫ,
БЕЛЬЕ,
ОБУВЬ,
КНИГИ,
ПОСУДА,
КРОВАТИ,
ЧАСЫ,
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ,
АВТОМОБИЛЬНЫЙ ОТДЕЛ И ПР. И ПР.

ПРИЕМ НА КОМИССИЮ ДЛЯ ПРОДАЖИ.

ОПТОВЫЕ ОПЕРАЦИИ: Б. Черкасский, 6.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ БЫВШ. ЗАВОДОВ

„Треугольник“ „Проводник“

РЕЗИНО-ТРЕСТ

„Богатырь“ „Каучук“.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Маросейка, 12.

МОСКОВСКИЕ РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ: Мясницкая, 15; Арбат, 53; Б. Калужская, 4. ◆ ТОРГОВЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ: Петроград, Н.-Новгород, Харьков и Саратов.

ПРЕДМЕТЫ ПРОИЗВОДСТВА:

ГАЛОШИ,

ШИНЫ:

АВТО-МОТО-ВЕЛО и ЭКИПАЖНЫЕ.

РЕЗИНОВЫЕ и ЭБОНИТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ по ТЕХНИКЕ, ХИРУРГИИ и пр.

АСБЕСТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ.

ПРАВЛЕНИЕ

Вязниковских Об'единенных ЛЬНЯНЫХ ФАБРИК.

(ВТОРОЕ ЛЬНОПРАВЛЕНИЕ).

Москва, Варварка, Ипатьевский пер. 7/14. Телеф. 69-84.

Контора г. Вязники, Владимирск. губ.

ВЫРАБАТЫВАЕТ:

МЕШКИ льняные и джутовые.

БРЕЗЕНТЫ,

ЛЬНЯНЫЕ ТКАНИ разные,

НИТКИ.

ШПАГАТ,

ПРЯЖУ ЛЬНЯНУЮ (очесочную, джутовую, пеньков.)

ПОКУПАЕТ:

ХЛЕБ, ФУРАЖ и проч. продовольствен. продукты.

ЛЕН.

ДЖУТ,

ПЕНЬКУ,

ТОПЛИВО ДРЕВЕСНОЕ, (в районе фабрики).

АНТРАЦИТ.

УГОЛЬ,

НЕФТЬ,

СМАЗОЧНЫЕ МАСЛА.

Фабричные вспомогательные материалы: ремни, гонги, пряжу бумажную, веретена, рогульки, гарнитуру, электрические принадлежности, металл, мягкосплавные гвозди, трубы газовые, бочки металлические и проч.

ЗА НАЛИЧНЫЕ и ТОВАРООБМЕН.

Московский Губернский Союз

кустарно-промысл. и производств. трудовых артелей и их об'единений

(МОГУБКУСТПРОМСОЮЗ)

принимает заказы от государственных, кооперативных учреждений и частных лиц на изделия из собственного сырья и сырья заказчика.

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ. (Мебель, канцелярские принадлежности, учебные пособия, предметы крестьянского обихода, ульи, ящики и пр.).

МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ. (Кормерезки, плуги, лемехи, гидропульты медогонки дымари, грабли, лопаты, дверные печные и оконные принадлежности, посуда и пр.).

ТЕКСТИЛЬНО-ТРИКОТАЖН. (Чулки, носки, свитры, кофты, шлемы, шарфы, вязан. обувь и пр.)

ТКАЦКОЕ. (Бумажная шерстяная ткань).

КОЖЕ-ОБУВНОЕ. (Женская обувь, упряжь, портфели, бумажники, портмонэ и проч.).

ШВЕЙНОЕ. (Пошивка белья, верхнего платья штатского и военного образца, обмундирование детских домов, больниц и проч.).

ХИМИЧЕСКОЕ. (Глиняная посуда, черепица, мыло, духи, одеколон, пудра, крем, зубн. порошок и пр.)

Оптово-розничная продажа из магазина Союза Москва, Рождественка, д. № 6, и Тверская, д. № 1.

Адрес Правления: Москва, Тверская, № 1.

ГЛАВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБ'ЕДИНЕННЫХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ЗАВОДОВ

„ГОМЗЫ“.

ПРЕДЛАГАЕТ:

[illegible] ЖЕЛЕЗО,

КОННЫЕ СЕННЫЕ ПРЕССА,

[illegible] в 10, 12, 14 [illegible] СИЛ,

ПРОВОЛОЧНЫЕ ГВОЗДИ,

СОРТОВОЕ [illegible] ЖЕЛЕЗО.

ЛОПАТЫ, ВИЛЫ.

[illegible] Двор, 3-ий под'езд 5-й этаж,

ТЕЛЕФОНЫ: [illegible] директор 2-60-69.

[illegible]: 3-67-67 и 5-28-45 доб. 64.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ МАШИНЫ И ОРУДИЯ

ПЛУГИ,

БОРОНЫ.

КОСЫ,

СЕНОКОСИЛКИ,

МОЛОТИЛКИ,

ВЕЯЛКИ.

СОЛОМОРЕЗКИ;

ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ

ИМЕЮТСЯ В ЗНАЧИТЕЛЬНОМ КОЛИЧЕСТВЕ, ПРОДАЮТСЯ ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ и ТОВАРООБМЕН.

ГЛАВСЕЛЬМАШ, Юшков пер., 6.

Телефоны: 5-31-99, 2-65-05.

ликвидационная комиссия

„ГЛАВХИМ“

об'являет, что все заявления и претензии принимаются ею лишь в течение двух недель со дня об'явления.

ЛИКВИДАЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

Председатель А. А. Корчагин.

В. П. Кравец.

В. П. Орлов.

Адрес: Б. Златоустинский, д. 6. Телеф. № 16-14.

Московское Торговое Товарищество

МОСТОРГ

Ильинка, 13.

ПОКУПАЕТ И ПРОДАЕТ

всевозможные товары,

а также производит на территории РСФСР и дружественных федеративных республик

закупку сырья и всех необходимых для московской промышленности материалов через свои районные конторы и агентства.

ЦЕНТРОБУМТРЕСТ

ОТПУСКАЕТ за наличный расчет учреждениям, Кооперативам и частным лицам с московских складов по первому требованию БУМАГУ и КАРТОН.

Имеется большой выбор в любом количестве писчей, печатной, альбомной бумаги, картон желтый и серый всех номеров; шпульная-масленка всех развесов, пергамент, подпергамент, кассовая и телеграфная лента, папиросные и мундштучные бобины.

Обращаться просим в Центробумтрест, Никольская, 12, Отдел Продажи.

ОТДЕЛЕНИЯ: в Казани, Самаре, Харькове, Томске и Ростове н/Дону.

ВСЕРОССИЙСКИЙ

ТЕКСТИЛЬНЫЙ СИНДИКАТ

предлагает Трестам-Членам СИНДИКАТА, другим текстильным трестам и об'единениям, текстильным и трикотажным артелям, прочим государственным, кооперативным и общественным учрежд. и частным лицам имеющиеся на складе Синдиката материалы технические принадлежности и предметы оборудования и обихода текстильных фабрик, как то: краски и другие химические прод. для красильных и отделочных фабрик.

Технические принадлежности для ткацких, прядильных, трикотажных и шерстяных фабрик.

Электротехнические принадлежности.

Паковочные материалы и канаты.

Ткацкие станки в собранном виде.

Сырье для шелковых фабрик, пряжу льняную бумажную.

СПЕЦИАЛЬНО МАСЛОБОЙНЫМ ЗАВОДАМ прессовое верблюжье сукно и салфетки.

Отпуск производится как за наличные деньги, так и товарообменом.

За всеми справками и с требованиями обращаться в Подотдел Снабжения Синдиката. Тел. комм. 77-36 д. 13.

Варварка, Ипатьевский пер. 11.

ЦЕНТРОБУМТРЕСТ

Никольская, 12. Телефон 4-66-93.

Отдел Заготовок

ПОКУПАЕТ за наличные дензнаки и на товарообмен химические материалы, электро-технические материалы, металлы, ремни резиновые, кожаные, верблюжьи, анилиновые краски, бумажное тряпье, обрезки, предметы продовольствия: рожь, муку ржаную, овес, масло подсолнечное, сельди и пр.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО РЫБОЛОВСТВУ И РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

„ГЛАВРЫБА“

ПОКУПАЕТ:

Продовольствие

Спецодежду и обувь

Кожевенный товар

Канифас парусный

Железо

Скобяные изделия

Промыслов. хозяйств. инвентарь

Пеньку и лен

С предложениями обращаться:

Москва—Верхние Торгов. Ряды, комната 272, Заготовит. П/Отдел Главрыбы.

На местах—в Представительства Главрыбы, которые имеются в след. городах: Астрахань, Баку, Ростов н/Д, Киев, Гомель, Саратов, Н.-Новгород, Казань, Вятка, Петроград.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ.

Государственные Центральные Сельско-Хозяйственные Склады

„ГОСЕЛЬСКЛАД“.

Правление.

Москва, Старая площ., д. 5/8 (Боярский Двор), 1-й под'езд, 2-й этаж. Телеф. 1-89-30. Телегр. адр.: Москва, Госельсклад.

Правление Госельсклада производит все операции по заготовке и продаже сел.-хоз. машин, орудий, семян, удобрений, а также др. средств сел.-хоз. производства.

Предлагает губернским сельско-хозяйственным складам, государственным учреждениям и кооперативным организациям за наличный расчет или в порядке товарообмена:

1. Плуги, культиваторы (ручные и конные) русских и заграничных фирм, сеялки ручные огородные и рядовые, косы австрийские, локомобили шведские „Мунктель“, сепараторы лучших шведских фирм, садово-огородный и пчеловодный инвентарь, запасные части к пахотным, уборочным и др. машинам.

2. Семена огородные, кормовых трав и корнеплодов.

3. Телеги крестьянские, сбрую, гвозди и шины подковные, колесную мазь, смолу, пилы поперечные, топоры и др. предметы сельско-хозяйственного обихода.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ АЗЕРБЕЙДЖАНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

„АЗНЕФТЬ“.

ПРАВЛЕНИЕ

Главного Представительства Азнефти в Р. С. Ф. С. Р.

В МОСКВЕ

КОММЕРЧЕСКИЙ ОТДЕЛ: Ильинка, 5.

ТЕЛЕФОНЫ: Директора 36-08. Завед. Торг. Отдел. 1-74-44. Канцелярии 16-77.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ: Мясницкая, 20. Тел. 2-34-80.

Районные представительства:

НА УКРАИНЕ—Харьков, Купеческий Спуск, 2.

В ПЕТРОГРАДЕ—Б. Московская, 14, кв. 29.

В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ—Тихоновская, 8.

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ—Пролетарская, 7.

В КАЗАНИ—Воскресенская, 33, кв. 10.

В ЦАРИЦЫНЕ—Варшавская, уг. [illegible]енбургской, 21.

РОСТОВ-ДОН—Дмитриевская, 98.

ПРОДАЕТ:

за наличные и в товарообмен: керосин, масла: машинное, цилиндровое, соляровое, трансформаторное, вазелиновое, гарное, нефть натуральную, моторную, мазут, бензин 1 и 2 сорта, гудрон и др. нефтепродукты.

ПОКУПАЕТ:

технические материалы, мануфактуру и прозодежду, обувь, строительные материалы, продовольствие.

С предложением обращаться в Торговый Отдел, Ильинка, 5, от 12 до 3 часов. Телефон № 1-74-44.

НЕФТЯНОЕ ТОРГОВОЕ ПРАВЛЕНИЕ

ГУТ'А (НЕФТЕТОРГ)

ПЕРЕВЕДЕНО на Мясницкую, 20. Телеф. № 26-49.

Правление.

ГОСУДАРСТВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

КОНТОРА ЖУРНАЛОВ (Москва, Ильинка, Теплые ряды)

Несмотря на невозможность вследствие постоянного вздорожания труда и материалов установить цены издания Госиздата, но желая дать возможность отдельным лицам в провинции получать журналы, Торговый Сектор об'являет подписку на

„Красная Новь“ — ж. литературно-художественный №№ 3/7, 4/8, 5/9, 6/10 и 7/11 по 3.200.000 за каждый номер.

„Печать и Революция“ — ж. литературы и искусства, критика и библиография. № 2-й 2.000.000, №№ 3-й и 4-й по 3.200.000 за номер.

„Пролетарская Революция“ — ж. Истпарта, посвященный истории РКП и революционного времени. №№ 1/5, 2/6, 3/7, 4/8, 5/9 и 6/10 по 3.200.000 за номер.

„Книжная Летопись“ — библиографический ж. — За 6 месяцев 1922 г. 6.400.000, комплект 1921 — 8.000.000.

Подписка принимается только [illegible] не более пяти экземпляров каждого номера [illegible] подписчика. Об'явленные цены действи[illegible] по 15 июня с/г. Все лица, высл[illegible] после этого срока, должны будут [illegible] следуемое.

Подписка и об'явления п[illegible] в редакции журналов и в [illegible].